

The background of the entire page is a stylized, abstract illustration of bamboo. It features vertical, segmented stalks in shades of brown and black, with long, thin, white leaves and branches extending across the frame. The overall style is reminiscent of mid-20th-century graphic design.

ШЭНЬ ФУ

**Шесть
записок
о быстротечной
жизни**

ШЭНЬ ФУ

Шесть записок о быстрой жизни

Издательство
„Наука“

Главная
редакция
восточной
литературы

Москва
1979

И (Кит)
Ш98

*Перевод с китайского,
предисловие и комментарий*
К. И. ГОЛЫГИНОЙ

Ответственный редактор
В. Т. СУХОРУКОВ

Шэнь Фу
Ш98 Шесть записок о быстротечной жизни. Пер. с кит., предисл. и коммент. К. И. Голыгиной. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979.

152 с.

Автобиографическая повесть китайского художника конца XVIII — начала XIX в. — уникальное произведение китайской литературы, которое может быть поставлено в один ряд со знаменитым «Жизнеописанием» Бенвенуто Челлини. Книга Шэнь Фу (она переведена практически на все европейские языки) — не только интересный образец автобиографического жанра, она содержит любопытные подробности семейного и жизненного уклада китайцев.

Ш 70304-133 207-79. 4703000000
013(02)-79

И (Кит)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979.

ШЭНЬ ФУ И ЕГО «ЗАПИСКИ»

В 70-х годах прошлого столетия литератору Янь Инь-чуаню попала на книжном развале в Сучжоу потрепанная рукопись под названием «Шесть записок о быстротечной жизни» («Фушэи лю цзи»). Заголовок привлек его внимание, напомнив известные строки Ли Бо, самого знаменитого поэта танского Китая:

Быстротечная жизнь точно сон.
Сколько времени отдадим мы радостям жизни?

В 1877 г. Янь Инь-чуань издал рукопись, и с тех пор «Шесть записок» стали фактом литературы. Хотя, согласно названию, рукопись должна бы состоять из шести частей, в руки Янь Инь-чуаня попали только четыре тетради. Предполагают, что две последние части утеряны. В судьбе книги большую роль сыграло ее переиздание в 1924 г. крупнейшим филологом Юй Пин-бо. С этого момента начался период восхищения книгой, как в самом Китае, так и за его пределами, и поиски утраченных глав «Записок».

И в 1937 г. действительно появился «Полный текст „Шести записок“». Как следовало из предисловия к книге, этот вариант рукописи был найден неким Ван Цзюнь-цином в 1930 г. Но вскоре Лю Фань в статье «Доказательство подделки утраченных глав рукописи Шэнь Фу „Шесть записок“» убедительно доказал, что пятая и шестая главы в этом издании представляют собой компиляцию, изготовленную издателем. Лю Фань указал источники, из которых были взяты тексты, дополнившие «Шесть записок».

До сих пор полный текст «Записок» Шэнь Фу не найден и вопрос о том, существовал ли вообще полный текст «Записок», следовательно, остается открытым.

Книга Шэнь Фу «Шесть записок о быстротечной жизни» — автобиографическая проза. В истории китайской литературы она занимает особое место. Шэнь Фу создал произведение, выходящее за пределы известных китайских жанров и традиционных методов. Его трудно было отнести к простонародной повествовательной прозе — *тунсу сяшо*, новелле — *чуаньци* или средневековой городской повести — *хуабэнь*. «„Шесть записок о быстротечной жизни“ — на редкость странная книга. Боюсь, многие не согласятся отнести ее к

разряду романов, к примеру Сунь Кай-ди не включил ее в составленный им „Свод простонародных китайских романов“, в чем я вижу еще одно подтверждение своего мнения об этом сочинении. Хотя „Шесть записок“ и не роман, еще меньше оснований отнести книгу к дневниковой прозе, „деловым записям“ — *бицзи* — так писал Нин Юань в книге «Новое слово о прозе». Отметим сразу, что книга Шэнь Фу все-таки тесно соприкасается с литературой *бицзи*, по крайней мере две ее части — «Приятное безделье» и «Радость странствий» — по сути своей являются как раз разновидностью этого жанра.

Кратко об этом жанре. Термин *бицзи* — широкое понятие. Первоначально он возник как общее наименование для суммы жанров казенных бумаг, имеющих деловой, а не литературный характер. *Бицзи* — это пограничная литература между официальными жанрами и профессиональной повествовательной прозой на *вэньяне*. Термин расплывчатый, как бы «незаконный» средневековой филологией, поэтому легче сказать, что не входит в круг этой литературы, чем определить, что входит. К *бицзи* не относится профессиональная сюжетная проза на *вэньяне*, поэзия, официальная история, сочинения канонические. Можно сказать, что к *бицзи* не относится все то, что подчиняется «правилу», закону композиции, принятому в жанрах изящной словесности и сюжетной прозе. Как доказательство принадлежности к «истинной» литературе в последних сочинениях выносятся в заголовок показатель жанра.

Литература *бицзи* по сути и функционально воспринималась как запись факта. Автор здесь был собирателем; он записывал то, что казалось ему значительным. В *бицзи* попадали как рассказы о необычном — особенно былички, бывальщина, так и реальные происшествия. Сочинения *бицзи* не претендовали считаться «литературой», они — вместилище сведений, фактов, всякого рода информации. Дневники, путевые записи, описания края или обычаев, поваренная книга или книга по садоводству — все это *бицзи*. Филологические и исторические разыскания по частным вопросам тоже *бицзи*. В *бицзи* писатель — профессионал или любитель — не был скован какими-то особыми жанровыми нормативами и соответственно материалом, поэтому это была литература без принятой литературности, литература наиболее свободного проявления личности, и пожалуй, больше других литературных произведений *бицзи* могли рассказать о подлинной жизни китайцев.

Тематика в *бицзи* разнообразна. К примеру, в сочинении мн-ского Чэнь Цзи-жу «Мелкие записи Мэй Гун-цюня» («Мэй Гун-цюнь цзуй лу») объясняются некоторые обычаи и их названия; подзаголовком к его записям могла бы быть фраза: «почему так говорят?».

Другой автор этого же времени, Яо Фу, включил в собрание «Праздничная кисть у потока Цинси» («Цинси Сяби») эпизоды из своей жизни, но по характеру его рассказы неоднородны, с вполне реальными событиями (пожар в столице, в результате которого сгорели древние книги, свезенные сюда по приказу императора), есть рассказы о явлении покойников, о воскрешении из мертвых, о необычайных людях. Более близки к жизни «Записки» Чжоу Сюань-вэя, который в сочинении «Продолжение записок Цзин-линя» («Цзин-линь сюй цзи») собрал сведения о современниках, о происшествиях и конфликтах, имевших место во время его службы,— здесь и детективная история о затонувшем серебре, о бедах, последовавших в результате указа, запрещающего охоту на дикую птицу и отлов лягушек во время засухи, и т. д. Авторы *бицзи* мог привлекать и сам человек в быту, с его слабостями и забавными чертами. Но всегда он был собирателем анекдотов, происшествий, сведений, меньше всего он рассказывал о себе, личные признания и откровения растворялись в море материала о других.

Значительное место в *бицзи* занимают разного рода путешествия и описания достопримечательностей. Русскому читателю уже известен в переводе Е. А. Серебрякова путевой дневник Лу Ю (1125—1210) «Поездка в Шу». Лу Ю ведет записи день за днем, упоминания о визитах чередуются с описанием исторических памятников, пейзажей, обычаев. Описывая горы, родники, беседки, монастыри, Лу Ю припоминает поэтические строки, сказанные кем-то из поэтов об этих же местах. Пейзаж воспринимается им словно картина, запечатленная в стихотворении или рисунке,— такова сложившаяся традиция восприятия и эстетизации объекта, отражающая стремление к художественной завершенности. Лу Ю легко воссоздает картины увиденного: «Утром миновали порог Дунлинтань, вошли в ущелье Маганься. В том месте, где каменная стена наиболее высокая, есть нависшая скала, похожая на печень. Поэтому ущелье и получило такое название. Еще здесь есть утес Шицзыянь — Утес-лев. На утесе виден небольшой камень, кажется, что это зверь присел и поднял голову. Камень покрыт темно-зеленой травкой, и это делает его похожим на черного льва. Из-под утеса, журча, вытекает маленький родничок. Лодка неслась стремительно, и я не смог попробовать из него воды». В описании нет ничего лишнего, обыгрываются сравнения — скала словно печень, утес словно лев. Чувствуется высокая культура восприятия и отбора деталей. Можно сказать, что это стихи в прозе, так близка проза Лу Ю к изображению действительности в китайской поэзии.

Другой замечательный образец *бицзи* — сочинение Чжан Дая (эпоха Мин) «Записки об увиденном во сне Тао Янем» («Тао Янь

мэн и»). В его «Записках» каждый рассказ-описание имеет заголовок: «Пагода воздаяния за милость», «Солнечное и лунное озеро», «Обычай обметания могил в Юэ», «Общество петушинных боев», «Ночное представление на Золотой горе», «Праздник Цинмин в Янчжоу», «Ночное гулянье в праздник Середины осени на Тигровом холме». Как видно из заголовков, темы разнообразны, но в то же время и традиционны, это быт китайского интеллигента XVI в. Некоторые из этих сюжетов нашли отражение в «Записках» Шэнь Фу.

Пожалуй, ближе всего по стилю и темам к сочинению Шэнь Фу автобиографическая проза его младшего современника, Юй Юэ,— «Записки из Зала весны» («Чунь тан цзи»). Жизнь осознается автором как деятельность, поэтому первостепенное значение приобретают для него события, связанные со службой: сдача государственных экзаменов, занимаемые должности, сослуживцы. Замечания о людях, городах и постройках, воспоминания о встречах, описания празднеств чередуются с размышлениями о словесности или описанием экзотического — европейской медицины и парохода.

Пользуясь категориями традиционной китайской филологии, сочинение Шэнь Фу можно отнести к «деловым записям» — дневникам, описаниям края, путешествиям. Но, поставив перед собой иные эстетические задачи, Шэнь Фу создал своеобразную беллетризованную автобиографию. Подобного жанра в традиционной китайской литературе в чистом виде не было. До Шэнь Фу не только никто не рассказывал о своей семье, об интимных сторонах жизни, о себе, но не рассказывал с такой подкупающей искренностью. «Записки» Шэнь Фу — уникальное литературное явление, ибо впервые в китайской литературе XIX в. появилось описание частной семейной жизни.

«Записки о быстротечной жизни» могут быть поставлены в один ряд с такими произведениями автобиографической прозы, как «Письмо к потомкам» Петрарки, «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции», блистательные «Мемуары» Франсуа де Ларошфуко и «Былое и думы» Герцена. Но в сравнении с названными сочинениями «Записки» Шэнь Фу представляют нам не только другую часть света — там Запад, а здесь Восток, но и иную художественную и общественную среду, иную культуру, иную личность.

Шэнь Фу жил на рубеже XVIII и XIX вв. Он не был профессиональным писателем, он был художником. Писал монохромные пейзажи тушью в традиционной китайской манере, в которых всегда больше условности, чем изображения с натуры. Подобное отношение к действительности показывает отличие восточного художника от

европейского: Шэнь Фу и, к примеру, флорентийского золотых дел мастера и скульптора Бенвенуто Челлини (1500—1571). Шэнь Фу-художник воспитан на даосско-буддийском мировосприятии (которое в некотором роде противостоит конфуцианскому рационализму). Как личность Шэнь Фу должен восприниматься в контексте общекультурной китайской традиции. Книга Шэнь Фу полна тех же человеческих страстей, что и автобиография Челлини, но в его рассуждениях о жизни проскальзывают буддийские и даосские мотивы — рок, наказание, идеал недеяния. Если для Челлини жить значило действовать, то для Шэнь Фу — воспринимать, Шэнь Фу сознательно ориентировал себя на художественное восприятие окружающего мира. Отсюда налет праздности духа и эстетизма, которые составляют особенность его повествования. В то же время Шэнь Фу стремился психологически верно передать свои настроения, создать яркие образы людей, с которыми его сталкивала жизнь.

О Шэнь Фу известно немного. У него не было биографов, и мы располагаем лишь тем, что он рассказал о себе сам. Шэнь Фу был родом из Сучжоу, одного из красивейших городов Китая, в провинции Цзянсу, недалеко от Шанхая. Европейцы называли Сучжоу «китайской Венецией», имея в виду красоту городских садов, памятники архитектуры, каналы; этот город славился красивыми женщинами, что нашло отражение в присловии «Жену бери из Сучжоу», да и в сравнении с другими городами Китая Сучжоу был богатым городом.

В «Записках» Шэнь Фу пишет о себе так: «Я родился змной двадцать второго дня одиннадцатой луны года гуй-вэй при правлении государя Цяньлуна», т. е. 26 декабря 1763 г. по европейскому календарю,— это были годы, спокойные от смут, междоусобных или внешних войн. Шэнь Фу принадлежал к среде ученого сословия — отец его был крупным чиновником, в семье, по его же словам, издавна «носили платье и шапку чиновника». «Моя семья... жила в Сучжоу подле Цанланского павильона»,— пишет он далее. Постройка Цанланского павильона относится к X в., веком позже вокруг павильона был разбит сад, ныне считающийся шедевром садового искусства. И понятно, что Шэнь Фу считает большой удачей своей жизни, что он уроженец Сучжоу.

Как принято в богатых семьях, воспитание мальчика было поручено наставнику, известному ученому-конфуцианцу, эрудиту, в частной школе которого Шэнь Фу учился. Характер образования для людей определенного класса был повсюду одинаков: школа знакомила с литературой, философией, историей, учила владеть жанрами официальных бумаг, воспитывала учеников на конфуцианских «Пяти канонах». В меньшей степени в китайской школе занимались

арифметикой, географией и другими естественными науками. В Китае издавна существовало уважение к образованию, а признание его пользы было присуще всем классам китайского общества. Отец Шэнь Фу предполагал, что сын пойдет по его стопам, сдаст соответствующие государственные экзамены и поступит на государственную службу. Увидеть сына обладателем ученой степени — мечта каждого отца, ибо получение степени — начало карьеры, дорога к должностям и почестям; в то же время экзамены воспринимались в среде интеллигенции как необходимый рубеж, который должен пройти всякий культурный человек.

Шэнь Фу был отдан в частную школу четырнадцати лет. В школе обычно собирались мальчики разного возраста — от семи-восьми до семнадцати-восемнадцати лет. В зависимости от подготовки каждый занимался по своей программе, но всякое обучение обязательно начиналось с изучения иероглифики — с «Троесловия» («Саньцзыцзин»), «Тысячесловия» («Цяньцзыцзин») и «Ста фамилий» («Байцзясин»). Когда ученик знал две-три тысячи иероглифов, начинали читать «Четверокнижие» («Сышу») и «Пять канонов» («Уцзин»). Последний, третий этап обучения охватывал уже детальное изучение древней классической прозы. Незаметно ученики впитывали конфуцианскую идеологию, которая становилась их мировоззрением. Проведя несколько лет в школе, Шэнь Фу должен был бы сдавать экзамены прежде всего на первую степень — сюэя. На первую степень сдавали экзамены в главном городе округа. Но из «Записок» не ясно, сдавал ли Шэнь Фу государственные экзамены. Скорее всего, нет. Правда, Шэнь Фу в четвертой тетради «Записок» рассказывает, как он сдавал экзамен в Училище почитания словесности в Шаньине, было ему тогда шестнадцать лет. Этот экзамен мог быть простой проверкой знаний, которую устроила местная администрация.

Любопытно, что беседа о литературе, которую затеял Шэнь Фу с Юнь (тетрадь первая), в целом состоит из перечисления авторов и сочинений, которые следовало знать ученику на третьем этапе обучения. Образцы из сочинений, вроде «Речей царств», «Планов Сражающихся царств», «Записок историка» Сыма Цяня, отдельные произведения Хань Юя, Лю Цзун-юаня, Оуян Сю, Су Дун-по, Ли Бо, Ду Фу входили в учебные программы и учебные антологии.

Видимо, с четырнадцати до семнадцати лет Шэнь Фу учился в частной школе. В 1781—1782 гг. отец, решив приучать сына к службе, отдал его наставнику, некому Сяну, под присмотром которого Шэнь Фу стал служить. С этого времени он переезжает из одной управы в другую, а в 1787 г. двадцатипятилетний Шэнь Фу получает самостоятельную должность — место письмоводителя в местечке

Цзиси, в провинции Аньхой. Это было не таким уж плохим началом. Ведь в феодальном Китае человек мог всю жизнь переходить от одной ученой степени к другой и не получить должности, поскольку факт получения должности зависел уже не от талантов экзаменуемого, а от наличия сильных покровителей, которые бы рекомендовали его в то или иное ведомство. Шэнь Фу было чуждо честолюбие и стремление к почету, и он отказался от карьеры чиновника. К тому же он не всегда умел ладить с сослуживцами. Он признавался в «Записках»: «Со времени службы в Цзиси мне нестерпимо было видеть всю убогость и презренность моего положения в сутолоке казенной жизни». К чести автора «Записок», у него хватило духа отречься от проторенной дороги, по которой шел его отец, а возможно, и дед.

Как видно из «Записок», Шэнь Фу решил заняться торговым делом — «продавать вино за море». Но здесь его ждала неудача, вскоре он потерял весь свой капитал. Его путешествие в Кантон, предпринятое с коммерческой целью, завершилось приключением с певичкой, которое, видимо, поглотило всю прибыль от его торговых операций. Шэнь Фу пробует жить своим трудом: пишет картины за плату, открывает лавку по продаже свитков и книг. Доход от лавки, однако, был недостаточен, и он не мог сносно содержать семью.

«Записки» Шэнь Фу — семейная хроника. Они интересны описанием быта и уклада китайской семьи, в них отражены нравы и обычаи Китая того времени. Жизнь героев «Записок» — Шэнь Фу и его жены — проходит на фоне взаимоотношений с «большой семьей».

В китайской семье дети остаются под контролем родителей всю жизнь. У китайцев семью оставляют только дочери, с выходом замуж родительская опека над ними кончается, но зато они попадают под опеку свекра и свекрови. Сыновья вводят жену в дом своего отца, и сколько бы ни было сыновей, все они обязаны жить с родителями вместе с женами и детьми. Особенно тяжело приходится молодым женщинам. Им остается лишь терпеливо сносить притеснения свекрови. Жена не имеет права пожаловаться мужу, своим заступничеством он только ухудшил бы ее положение. В какой-то степени зависимое положение женщины в семье проистекало от того, что они были обделены материально, поскольку наследственное право китайцев не предполагало выделения доли наследства на дочерей.

Основной конфликт жизни Юнь и Шэнь Фу — столкновение личности с авторитарной волей рода, которую представляют родители мужа, хотя внешне этот конфликт вызван мелочами — несоблуде-

нием и невыполнением принятой в обществе обрядности и норм поведения.

Шэнь Фу подробно, этап за этапом, описывает свой разлад с семьей. Началось с пустяка — Юнь перестали доверять составление для свекрови писем, свекор увидел в этом нерадивость невестки. Юнь допустила оплошность: употребила в письме к мужу не принятые для обращения к свекру и свекрови слова, и над головой Юнь разразилась беда. Неосторожно поручившись за своего приятеля, Шэнь Фу рассердил отца, и тот заявил, что подает на сына в суд, обвинив его в непочтении к отцу. При той системе сыновьей почтительности, которая сложилась в Китае, это было сильной угрозой. Отец, смягчившись, велел изгнать из дому Шэнь Фу и Юнь. «Изгнание» продолжалось два года, и хотя Шэнь Фу и Юнь оказались без средств, создается впечатление, что жизнь вне «большой семьи» была для обоих благом, настолько много приятных воспоминаний связано у Шэнь Фу с этим периодом его жизни.

Столкновение с традиционными установлениями, как причиной бед, не осознается самим Шэнь Фу, для него несчастье его личной жизни — рок, невезение, проявление интриг и вероломства некоторых членов семьи.

В социальном аспекте неизбежность конфликта с семьей вызвана и тем обстоятельством, что поведение «большой семьи» регулируется догматическими предписаниями «пути предков». В основе этих предписаний лежит культ предков, обычай поклонения умершим, который нашел свое философское обоснование в учении Конфуция. С культом предков были связаны многие стороны обрядовой жизни, правовые нормы, семейные установления китайцев. К культу предков восходит обычай жить неразделенными семьями, глава семьи заинтересован в том, чтоб ему был обеспечен не только приговор под старость, но и жертвоприношения его душе после смерти. Когда у Шэнь Фу умер дядя, у которого не было сыновей, Шэнь Фу был назначен его наследником. В обязанности его входило посещение могилы дяди, приведение ее в порядок и свершение жертвоприношений в праздник Цинмин.

Юнь — редкий образ женщины в китайской литературе, хотя ее жизненный путь, сами события ее жизни типичны для старого Китая. С детства она помогала матери, зарабатывая вышивкой, в двенадцать лет ее выдали замуж за двоюродного брата. Это широко распространенная форма брака в Китае, брак заключается внутри клана из соображения укрепления рода, из стремления избежать распыления капитала и сохранения социального статуса. Брак между двоюродными разрешался в том случае, если жених и невеста не представляли одной и той же линии рода, т. е. их родители но-

силы разные фамплии. Конечно, подобный брак, заключенный по расчету, да еще в столь юном возрасте, не предполагал непременно глубокого чувства между супругами. Юнь и Шэнь Фу были исключением — они любили друг друга. Уже одно это обстоятельство порождает неприязнь родни. Юнь и Шэнь Фу с нежностью относятся друг к другу и не могут скрыть своих чувств, подобное поведение осуждается, и назревает скандал. Нет более трагичных страниц в «Записках», чем предсмертная исповедь Юнь, когда она объясняет свою болезнь постоянным нервным перенапряжением, страхом вызвать недовольство родителей мужа, тревогой за судьбу детей, утомительной работой вышивальщицы. Бремя, легшее на ее плечи, оказалось ей не по силам, и она умерла рано, ей едва минуло сорок.

Из «Записок» читатель много узнает о принятых в Китае семейных обрядах — о заключении брака, похоронах, проведении традиционных праздников.

В первой части Шэнь Фу рассказывает о своей свадьбе. Как мы узнаем из «Записок», здесь не было традиционной свахи. Жених и невеста знали друг друга с детства, и матушка Шэнь Фу в знак сговора подарила Юнь золотое кольцо. В семье Шэнь Фу были назначены сразу две свадьбы, самого Шэнь Фу и его сестры. Церемониал не описан подробно, возможно, потому, что свадьба была на скорую руку, без полагающейся пышной церемонии в связи с объявленным трауром по царственным особам.

До наступления траура несколько дней отводилось для завершения дел, несовместимых с предстоящей печалью по покойнику. Прежде всего на время траура запрещались свадьбы. Поэтому свадьбы переносились на более ранние сроки. На таких свадьбах не бывает торжественной процессии. Ночью, без факелов и свадебных фонарей, в черном либо зеленом паланкине (а не в красном, как положено) невеста отбывает в дом жениха. Как видно из «Записок», родители Шэнь Фу перенесли срок свадьбы сына и дочери на два дня, они не очень-то соблюдали запрет на веселье, но обошлись все же без пышного выезда.

Любопытны описания домашних спектаклей с участием известных актеров, которые устраивались в доме отца, ведь театральное представление — любимое развлечение в Китае. Обычно представления приурочивались к каким-либо торжественным событиям. Шэнь Фу описывает, как в день рождения матушки в дом пригласили целую труппу, упоминает о представлении в Храме водяного в день рождения повелителя озера Дунтинху и о спектакле на открытой площадке в деревне.

Интересны подробности служебной карьеры отца и крупного чиновника Ши Чжо-тана (1756—1837), покровителя Шэнь Фу, их вы-

нужденные скитания по чужим краям, поскольку в старом Китае чиновник не имел права служить в тех местах, откуда был родом.

Перед читателем проходит жизнь определенного сословия, замкнутая в семейном кругу и достаточно вольная вне его. Любопытны образы женщин, оторванных от семейного круга, — это известные актрисы или певицы. Хотя в этой среде не держат молоденьких девушек взаперти, вопрос об их замужестве решают старшие.

В целом «Записки» Шэнь Фу представляют для читателя скорее художественный интерес, чем объективное историческое свидетельство, однако отдельные факты все же могут дать представление о жизни Китая того времени. Например, сам Шэнь Фу, члены его семьи, его родственники нередко прибегают к займам, закладным лавкам и ломбардам. Интересно, что чаще всего занимают деньги у соседей. В Китае не было специальной прослойки ростовщиков, как, например, в Европе, и всякий, у кого есть деньги, мог пустить их в рост. Причем проценты по долговым обязательствам были очень высокие (от 12 до 36%).

Страницы «Записок» дышат любовью к старине, в них много описаний традиционных сторон жизни Китая, но иногда и промелькнет современное, что-нибудь вроде рассуждения о том, правильно ли поставлены пушки и верный ли у них прицел из-за постоянных колебаний уровня моря у Храма морской жемчужины в Кантоне, или забавного разговора Шэнь Фу с настоятелем одного удаленного от мира и затерянного в горах монастыря. Первые вопросы, которые задал ему этот отошедший от суеты человек, были самыми суетными: «Что новенького в городе? А что, гарнизонный все еще в своей управе?».

Новая ситуация в Китае, возникшая из-за проникновения иностранцев в страну в начале XIX в., находит отражение в упоминании Тринадцати иноземных рядов, мексиканских таэлей, которые, как основная денежная единица, имели хождение в приморских городах, где жили иностранцы.

Возникает вопрос о степени реализма «Записок». Ведь можно многое видеть, но описывать в принятых традицией клише, и тогда яркость изображения тускнеет. Традиционным может быть не только тип описания, но в соответствии с эстетическими нормами традиции выбираться и сам объект наблюдения. Тогда традиция проявляется неразрывно и в выборе объекта, и в манере его описания. Шэнь Фу — человек книжной культуры. И хотя, как он пишет, он в молодости бросил учение, Шэнь Фу учился у хороших педагогов и был начитан в конфуцианских классиках и художественной литературе. да и сама его служба требовала умения владеть кистью.

В «Записках» приводятся строки любимых поэтов — Ли Бо, Су Ши, Бо Цзюй-и; нередко автор употребляет пословицы, присловья или изречения. Даже в фривольной сценке выбора проститутки, когда его брат Сю-фын предлагает ему выбрать девушку с «цветочной ладью» («Моргни какой-нибудь, подзови и слюбись по взаимному согласию»), Шэнь Фу, желая, возможно, смягчить впечатление, вкладывает в уста Сю-фына фразу, взятую из сочинения философа Мэн-цзы.

Вкрапление в текст «Записок» иного книжного материала происходит в основном путем перенесения заимствованных описаний и ситуаций из литературы. Вопрос этот требует специального исследования, отметим лишь некоторые эпизоды и описания, совпадающие у Шэнь Фу со «Сном в Красном тереме» Цао Сюэ-циня.

После свадьбы Шэнь Фу проводил свою сестру в дом ее мужа, а когда вернулся, застал Юнь за книгой: «Низко опустив голову, она читала, и дух ее витал где-то в чужом краю. Подле нее серебром светилась высокая свеча». В руках у Юнь была пьеса, которую она нашла в чулане, — «Западный флигель, где Цуй Ин-ин ожидала луну». Героння «Сна в Красном тереме», прелестная девушка Линь Дай-юй, также тайком читает пьесу под названием «Западный флигель».

Описание внешнего облика Юнь совпадает с описанием Тань-чунь — одной из «трех барышень» «Сна в Красном тереме»: «Ее фигура с поникшими плечами и длинной шеей была не лишена изящества, она выглядела худой, но не костлявой, у нее были изогнутые брови и красивые живые глаза, только передние зубы у Юнь несколько выдавались, что вроде бы не считалось знаком счастливой судьбы». Тань-чунь была «с поникшими плечами и тонкой талией, высокой и стройной, и овальным, как утиное яйцо, лицом. У нее были будто нарисованные изогнутые брови и красивые живые глаза, рисунок ее одежд был тонок и красочен, тот, кто видел ее, отбрасывал всякую мысль о пошлом». Цао Сюэ-цинцнь пересыпает свой текст присловьями и поговорками, так же сделаны и многие бытовые сценки у Шэнь Фу, к примеру эпизод пирушки с певичками в Кантоне.

Рассмотрим каждую главу «Записок» подробнее. В первой части книги — «Счастье брачных покоев» — повествуется о самом ярком периоде жизни автора — любви к Юнь. Две основные ноты звучат на страницах «Записок» с самого начала — счастья и рока, нависшего над счастьем. Он припоминает черты лица жены и замечает, что «передние зубы у Юнь несколько выдавались, что вроде бы не считалось знаком счастливой судьбы», ему мнится, что за то счастье, которое выпало ему в жизни, его ждут многие невзгоды

и печали. Даже болезнь его и жены — «зловещий знак, он предвещал, что нам не дожить вместе до седых волос». Слова: «не дожить вместе до седых волос» — звучат постоянным рефреном во многих эпизодах этой главы. В День голодных духов Юнь загадывает: «Появится луна — суждено нам дожить до седых волос». И так не один раз. Эти слова вносят тревогу в рассказ о счастье. Интересно, что функционально выражение: «Дожить вместе до седых волос» — представляет собой заговор, который шепчут женщины, помогающие невесте надевать свадебный наряд. У Шэнь Фу эта фраза выполняет роль художественного приема.

В этой главе «Записок» много диалогов, забавных сценок, но все внимание автора сосредоточено на Юнь. Шэнь Фу восторгается ею — какая она славная, какая работящая и примерная, как остроумна и как заботлива. Каждый фрагмент этой части эмоционально освещен и сюжетно завершен. Шэнь Фу делится с читателями воспоминаниями, которые прочно врезались в душу; с горечью говорит об отце, сохраняя при этом на протяжении всей книги почтительность по отношению к нему; немного слов о матери, совсем мало о братьях и сестрах, здесь главный персонаж повествования — Юнь.

Шэнь Фу начал свои «Записки» человеком уже зрелым, достигшим такого момента осознания жизненного опыта, когда все становится уже однообразным его повторением. Видимо, поэтому самые яркие эпизоды его жизни приходятся на начало книги, а когда повествование о прошлом смыкается с настоящим, книга кончается — писать, оказывается, уже не о чем.

Сама жизнь в его воспоминании предстает как цепь редких по силе, удивительно ярких моментов, и все дни, что прошли, словно разноцветные бусины на нитке, и нет среди них пустых, ничтожных, одинаковых. Как в прекрасном четверостишии Б. Пастернака:

Мне Брамса сыграют — я вздрогну, я сдамся,
Я вспомню покупку припасов и круп,
Ступеньки террасы, и комнат убранство,
И брата, и сына, и клумбу, и дуб.

Жизнь складывается из обыденного, простого, это и есть суть ее.

Первая часть книги и являющаяся ее продолжением третья часть (они рассказывают о жизненном пути Шэнь Фу и его жены) не имеют прямого соответствия с традиционными жанрами бессюжетной прозы *гувэнь* или «деловыми записями» *бицзи*. В традиционной словесности писатель мог рассказывать о себе, используя жанр «собственного предисловия» (*цзы сюй*) или в форме «собственного жизнеописания» (*цзы чжуань*). В «собственном предисловии», которым обычно автор открывал собрание своих сочинений, он сообщал какие-то сведения о себе. «Собственное жизнеописа-

ние» — это особая форма рассказа о себе, традиция его была начата Тао Юань-мином в его «Жизнеописании господина под сенью пяти ив». Произведения этого жанра невелики по объему, чаще всего в «собственном жизнеописании» объясняется литературный псевдоним писателя. Хотя характер материала, который поместил Шэнь Фу в первую и третью часть, перекликается с традиционными жанрами автобиографии, он не мог быть вмещен ни в одну из упомянутых жанровых форм. Видимо, поэтому Шэнь Фу отказался от принятых жанровых форм и пошел по пути создания нового для китайской литературы жанра автобиографии.

Вторая глава книги названа «Приятное безделье». Праздное времяпрепровождение не подразумевает желания предаться удовольствиям жизни, само слово *сянь* значит еще и «отстраниться от службы», т. е. бросить служебную карьеру и заняться любимым делом. В то же время это слово предполагает и определенный душевный настрой, спокойную свободу и отсутствие честолюбивых стремлений.

Когда Шэнь Фу рассказывает о Сяошуанлоу, он фактически говорит об осуществлении в повседневной жизни традиционного идеала «праздности»: «В Сяошуанлоу мы строго блюли четыре запрета: не говорить о получении государственных должностей и продвижении по службе, не толковать о служебных делах и сплетнях, не обсуждать сочинения, поданные на императорские экзамены, не играть в карты или кости... Мои друзья ценили в поведении непосредственность и простосердечие, скрытое очарование и изящество, несдержанность и порывистость без чванства, спокойствие и молчаливость».

Вторая глава книги — описание любимых занятий художника, именно непрофессиональных занятий — поэтому о живописи сказано вскользь. Это книга по декоративному камерному садоводству; в ней разбросаны интересные сведения о выращивании карликовых деревьев в горшках, сведения по декоративному садоводству и искусству составления букетов; рассказано, как и из чего можно составить цветочные композиции. Здесь же приведены интересные соображения художника о разбивке парков, им объяснены специальные термины декоративного садоводства, которые восходят к законам пространства китайской пейзажной живописи. Некоторые наставления Шэнь Фу отражают его эстетические принципы: «Выбери ветку на дереве, но прежде чем срезать, поверни ее и осмотри, снова водвори на место и опять осмотри, дабы мысленно представить себе, как она будет выглядеть в вазе. Обрежь наиболее пышно цветущие побеги, а те, что высохли или имеют вид старых и причудливых, оставь — они-то и красивы».

Шэнь Фу стремится в вещи передать сущность, передать в композиции ощущение свободного мгновения. Поэтому он против симметричной застылости форм, когда советует, как расставить вазы с цветами, против искусственной четкости композиции, когда говорит, что даже эффектная старая ветвь, поставленная в вазу вертикально, испортит замысел, ибо только ассиметрия может дать впечатление свободы от искусственности и передать ощущение природы.

Шэнь Фу пытался реализовать свои эстетические воззрения и в быту. Похоже, что ощущение индивидуальной значимости вещи, ее сущности, было главной особенностью восприятия Шэнь Фу. Он пишет, к примеру: «Я много раз видел, как люди держали в руках и мугуа, и фошоу, и судя по тому, как держали, было ясно, что они не постигли искусства пользования этими плодами».

Художественные воззрения Шэнь Фу проявляются в его стремлении эстетизировать быт. «Возжечь ароматные курения в жилой комнате,— пишет он,— одно из пленительных удовольствий праздного духа». Он думает о том, как смастерить подвижные цветочные ширмы, заслоняющие от палящего зноя солнца, как изысканно расставить посуду на подносе, как воссоздать на блюде пейзаж.

В плане идейного замысла автора вторая часть «Записок» повествует о попытках осуществления на практике некоторых художественных воззрений и перенесения их в быт.

Третья глава — «Скорбь утраты», пожалуй, самая интересная часть семейной хроники Шэнь Фу, ибо она приоткрывает читателю ту завесу принятой благопристойности и почитания, которой окутывала себя «большая семья». Это рассказ о трагическом периоде в жизни Шэнь Фу. Шэнь Фу теряет жену, сына, у него умирает отец — хронологически третья глава охватывает в основном зрелые годы жизни автора. Шэнь Фу сознает, что в невзгодах, обрушившихся на его семью, повинен не он. Так что же привело к разрушению счастливого начала жизни? Одна из причин — отсутствие средств. «Без денег нет счастья в семье», — пишет он. Хотя Шэнь Фу родился в богатой семье, конфликт с родителями привел к тому, что он был изгнан из семьи и лишен средств. Ему приходится тайно бежать из дому. С этого момента начались скитания Шэнь Фу и Юнь. В результате всех бед болезнь Юнь обострилась, а в 1803 г. она умерла. Потом последовала смерть отца и смерть сына. Шэнь Фу потерял почти всех близких, дорогих ему людей. К нему пришло состояние опустошенности, уныния и скорби. Видимо, в этот период изменилось отношение Шэнь Фу к окружающему миру. Шэнь Фу только объективно констатирует в «Записках» то, что видит, не привнося в запись свою восторженную эмоциональность. Он будто

пал духом. Его путешествие с Ши Чжо-таном в Западные районы Китая проникнуто настроением отрешенности. Он бегло описывает пейзаж, перечисляет достопримечательности города, но в его наблюдениях утрачены характерные черты и приметы объекта. Для себя он словно выполнил буддийскую заповедь «освобождения»: отказался от всей системы жизненных ценностей как от иллюзии, освободился от боли страдания, потому что уже не существовали на свете те, кого он любил. Но Шэнь Фу не обрел буддийского рая в душе, не нашел он его и в странствиях. Заключительная строка третьей главы: «Я опять в круговороте тревог и не знаю, когда наступит пора прозрения» — показывает, что для Шэнь Фу очевидна несостоятельность прежних упований, идеалов и надежд.

Четвертая глава книги — «Радость странствий». Жанр путешествий чрезвычайно популярен в китайской сюжетной прозе, а описания пейзажа — знаменитой горы, озера, холма или источника — частая тема в эссеистской литературе Китая. Шэнь Фу вел жизнь достаточно беспокойную и кочевую. В молодые годы он много разъезжает с отцом, потом странствует сам по торговым делам, сопровождает Ши Чжо-тана. Тридцать лет скитания по разным направлениям и дорогам — водным и сухопутным, дали ему массу впечатлений. Китай богат памятниками старины. Во времена Шэнь Фу сохранялись ныне утраченные творения больших мастеров — архитекторов, скульпторов, художников садового искусства. Шэнь Фу описал многие достопримечательности, посетил известные места. Но и здесь он самостоятелен, как в выборе объекта, так и в его оценке. Самые знаменитые достопримечательности Шэнь Фу, как правило, не описывает. Например, тематически к книге Шэнь Фу близко «Обширное обозрение прогулок по озеру Сиху» («Сиху ю гуан лу»), составленное в минское время Цянь Жу-чэном. В его книге упомянуты и описаны те же, что и у Шэнь Фу, места: «От Оборванного мостика прямо по западной дороге попадешь на середину озера, осмотришь по дороге Беседку посреди озера, Гору-сироту, Зал одаренных мужей, могилу Линь Бу, Беседку выпущенного журавля, Янтарный обрыв, Храм шаншу Юя, книжную палату „У горы“, Источник старца по прозвищу Один из шести, а к северу будет мост Силицяо». Про каждое из названных мест автор рассказывает подробно, откуда пошло название, что сказал о нем знаменитый поэт, к какому времени относится постройка. Это хороший путешественник, живо рассказывающий историю и описывающий красоту места. Собственно, такова традиция описания и ассоциативная память китайца. Шэнь Фу эту традицию нарушает, он лишь упоминает знаменитые и известные славой места, часто высказывая к ним свое отрицательное отношение, — это Агатовый храм на Лиано-

вом хребте, мост в Янчжоу, парк камней Шицзылинь. Прошло более ста пятидесяти лет, изменился облик городов, исчезли некоторые описанные Шэнь Фу сады и парки. Поэтому «Записки» Шэнь Фу представляют и определенный исторический интерес и ценны как свидетельства очевидца.

Художественный метод Шэнь Фу можно охарактеризовать как сочетание принятого традицией литературного канона с субъективным настроением. Специфичность его метода прежде всего обнаруживается в композиции книги. В *бицзи* сложились довольно однообразные приемы расположения материала — по временному принципу или тематическому признаку. В последнем случае сочинение состояло из отдельных озаглавленных рассказов. Шэнь Фу соединил эти две возможности. Его «Записки» — это четыре больших рассказа, в которых материал расположен во временной последовательности. Хотя тематически все четыре главы разные, они охватывают приблизительно один период жизни автора, отсюда и неизбежные повторы. Рассказ о семье, к примеру, переходит из одной главы книги в другую, причем ясно, что каждый раз, касаясь этой темы, он имеет в виду и то, что уже говорилось, и то, что будет сказано в дальнейшем.

На первый взгляд композиция книги Шэнь Фу может показаться читателю странной. В ней есть что-то от «записной книжки» или подневных записей. Однако чувствуется, что автор следует какому-то определенному плану, а частый переход от одной темы к другой и некоторые повторы воспринимаются как характерная манера писателя. Манера эта соответствует его восприятию жизни. Ведь цель Шэнь Фу — выразить в книге свое ощущение жизни. Постоянное возвращение к основным темам, одним и тем же событиям и людям сделало книгу Шэнь Фу многогранной. Восприняв традицию, идущую от литературы *бицзи*, Шэнь Фу претворил ее как художник-живописец и философ.

Каждая глава «Записок» выделяется тематически и имеет особый эмоциональный настрой. Эта особенность подчеркивается в заголовках. Если перевести заглавия буквально, то они должны бы звучать так: «Записки о радостях брачных покоев», «Записки об удовольствии безделья», «Записки о печалях невзгод», «Записки о веселье странствий», «Записки о проведенном времени в области Чжуншань», «Записки о том, как воспитать в себе нравственный путь». Таким образом, можно выделить шесть слов, определяющих состояние человека: радость (*лэ*), удовольствие (*цзюй*), печаль (*чоу*), веселье (*куай*), опыт (*ли*), путь (*дао*). Но почему все же книга Шэнь Фу — это «шесть записок», а не пять или, скажем, восемь? Нет ли в цифре «шесть» какого-то скрытого значения, которое

разъяснило бы нам смысл книги и ее композицию? Если принять во внимание возможное влияние буддизма на Шэнь Фу, а следы буддизма обнаруживаются во многих рассуждениях автора, то оказывается, что цифра «шесть» вызывает определенные ассоциации.

Согласно теории познания буддизма, у человека шесть органов восприятия: глаза, уши, язык, нос, тело и разум, которые и есть соответственно источники шести ощущений: цвета, звука, запаха, вкуса, общих контактов с феноменальным миром и мысли. В этой системе взглядов познание предмета есть не что иное, как проекция органов чувств, и целиком зависит от органов чувств, а вся жизнь осознается как непрерывный поток, запечатлеваемая в памяти серия мгновений. Последняя мысль отражена и в заголовке книги — «Фушэн лю цзи», где слово *фушэн* значит «быстротечный поток жизни». Этот поток — жизнь — мы воспринимаем на уровне ощущений, которые могут дать шесть органов чувств. В книге Шэнь Фу должно было бы быть шесть глав, каждая из которых представляет нам разные стороны претворения человеческого опыта, шесть граней его — шесть аспектов жизни.

Действительно, каждая глава «Записок» открывается небольшим вступлением, рассказывающем о замысле автора. Вот ввод к первой тетради — «Счастье брачных покоев»: «Я родился зимой двадцать второго дня одиннадцатой луны года гуй-вэй при правлении государя Цяньлуна — то было время мира и благоденствия. Моя семья принадлежала к ученому сословию, жила в Сучжоу подле Цанланского павильона — поистине, небо ко мне благоволило. Су Ши однажды сказал: „Житейские дела словно сон весной, уходят бесследно“. Если не возьмусь за кисть и не опишу свою жизнь — содею грех пред вечным небом. „Книга песен“ открывается „Встречей невесты“, потому я начну с истории о супругах, а об остальном расскажу после. Стыжусь, что в молодости бросил учение, нет у меня и малых познаний. Здесь я постараюсь правдиво и честно рассказать о своих настроениях и делах. Попытаться судить о блеске моего слога — все равно что пожелать увидеть ясное изображение в потускневшем зеркале». Ввод к третьей тетради — «Скорбь утраты»: «Откуда берутся невзгоды, выпадающие нам в жизни? Чаще всего они ниспосылаются в наказание, но в моем несчастии повинен не я. Я был расположен к дружбе и свято чтил данное слово, но мое простосердечие и неумение сдерживать чувства обрекало меня на многие неприятности». Ввод к четвертой тетради — «Радость странствий»: «Я склонен обо всем судить сам, и мне в тягость повторять других. Подчас, говоря о поэзии и достоинствах живописного свитка, я отрину то, что для иных „жемчужина“, и приму творение, которое отвергли; так и с примечательными

и известными славой местами, ибо они дороги настроением, коим их наделило сердце: бывает знаменито место, а не чувствуешь его красоты, а другое, безвестное, восхитит. Я напишу здесь о том, что сам повидал».

Думается, что «Записки» правомерно определить не только как художественное произведение, в определенной мере это философское сочинение со строгим разграничением тем и стройной композицией. По всей видимости, Шэнь Фу предполагал написать сочинение из шести глав, в которых намеревался высказать свое понимание жизни.

В автобиографической прозе основным стержнем, организующим материал, чаще всего бывает время, собственно, это совпадает и с задачей автора — показать события своей жизни за какой-то отрезок времени. Особенность книги Шэнь Фу в том, что события одного года в ней могут быть размещены в разных местах. Например, в 1790 г. Шэнь Фу оставляет службу и занимается делами в Сучжоу, об этом он пишет в четвертой тетради; а в третью часть попадает рассказ о размолвке Юнь со свекровью из-за паломницы для отца. Это событие того же года. О жизни в Сяошуанлоу Шэнь Фу упоминает во всех четырех частях книги, но основные рассказы об этом периоде помещены во вторую тетрадь (встречи с друзьями, «игра в экзамены», пикник у Южных ворот) и в первую (эпизод путешествия с Юнь по озеру Тайху и пирушка с участием Юнь и дочери лодочника). О поездке в Кантон Шэнь Фу повествует в первой и четвертой части — рассказы о наложнице Сю-фэна и любовном приключении самого Шэнь Фу, а ведь это тоже происшествие одного года. Также искусственно поделены другие эпизоды книги — о том, что Шэнь Фу едет к родственнику занимать деньги (1801 г.), рассказано в третьей тетради, а посещение им гор Юйшань на обратном пути попадает в четвертую тетрадь; о пребывании Юнь в Янчжоу рассказано в третьей главе, а о том, как Юнь устроила дом в Янчжоу, — во второй, события 1804 г. — смерть отца, окончательный разрыв с семьей — помещены в третью часть, а о поездке к Восточному морю рассказано в четвертой, хотя Шэнь Фу совершил ее в тот же год.

Встает вопрос, как писались «Записки». Если по главам, то тогда автору приходилось бы заранее распределять материал, где о чем рассказать, где поместить грустное воспоминание, где веселое; трудно представить, чтобы повторы и дробность материала в «Записках» были изначальными. Написать подобный текст было бы чрезвычайно трудно, если вообще возможно. Естественно поставить другой вопрос — что, если «Запискам» была придана их нынешняя «странная» композиция потом, после того, когда они уже были на-

писаны в обычной манере *бицзи* — т. е. по годам, эпизод за эпизодом, в соответствии с тем, как эти события свершались в жизни Шэнь Фу.

Хронологически «Записки» охватывают события с 1763 по 1807 г. Каждая глава имеет следующие временные отрезки: первая — с 1763 по 1800 г.; вторая — с 1792 по 1800 г.; третья — с 1785 по 1805 г.; четвертая — с 1777 по 1807 г. Последнее упоминание времени в «Записках» — 1807 г. Шэнь Фу начал писать их, когда ему было сорок пять лет, т. е. в 1808 г. Неизвестно, сколько лет он писал книгу, неизвестен и год смерти писателя.

Распределение материала в «Записках», дублируемость эпизодов, повторы, наличие «висящих», как бы случайных эпизодов, дают возможность высказать предположение, что «Записки» создавались по крайней мере в два этапа. Вначале был написан основной текст, погодный перечень событий. Косвенным доказательством в пользу этого предположения может быть следующий факт. Начала трех глав (первой, второй и четвертой) посвящены детским и юношеским впечатлениям Шэнь Фу. Первый абзац из первой тетради цитировался выше. К нему легко могут быть подключены первые абзацы второй тетради и начальные эпизоды четвертой. Временные границы этих рассказов — 1763—1780 гг., до женитьбы на Юнь, в тот год Шэнь Фу исполнилось семнадцать лет.

Можно предположить далее, что на каком-то этапе работы, когда основная часть книги была уже написана, Шэнь Фу почувствовал дробность своего сочинения, слабую связь между эпизодами, отсутствие художественной цельности — это ведь характерный недостаток сочинений типа *бицзи*, где основной стержень организации материала — реальное, историческое время. И он решил изменить композицию книги, чтобы придать ей цельность, эстетическую завершенность. Он выделил главы, отобрал из написанного материал к каждой главе, дописал небольшие введения к каждой из них, придумал названия. Теперь он был не только литератором, он был художником, он «лепил» картину своей жизни, прожитой то счастливо, то горько. Последняя глава должна бы быть эпилогом, размышлением над смыслом прожитого.

Две последние главы — «Записки о проведенном времени в области Чжуншань» (путешествие на острова Рюкю) и «Как воспитать в себе нравственный путь» — считались утерянными. То, что в книге должно быть шесть глав, мы знаем из заголовка и оглавления. Но были ли эти две части написаны вообще? Ведь если исходить из расположения материала «Записок», распределения его по тетрадям, то мы наверняка могли бы что-то знать о том, что могло быть рассказано в пятой и шестой части, ведь Шэнь Фу непрестанно по-

вторяется, и неизбежно какой-то материал из пятой и шестой части должен бы попасть в начальные главы. Но этого не случилось. В книге Шэнь Фу нет ни специальных философских размышлений, ни сведений о его путешествии на Рюкю. Может быть, логично предположить, что этих двух глав не было, может быть, Шэнь Фу не успел их написать, не сумел исполнить свой замысел целиком. И слово «шесть» в заголовке лишь намек на этот замысел? Пока что это только догадки, пока что все издания книги Шэнь Фу состоят из четырех частей. Эти четыре главы и представлены в настоящем переводе.

К. Н. Гольгина

СЧАСТЬЕ БРАЧНЫХ ПОКОЕВ

Я родился зимой двадцать второго дня одиннадцатой луны года гуй-вэй при правлении государя Цяньлуна — то было время мира и благоденствия. Моя семья принадлежала к ученому сословию, жила в Сучжоу подле Цанланского павильона, — поистине, небо ко мне благоволило. Су Ши однажды сказал: «Житейские дела словно сон весной — уходят бесследно». Если не возьмусь за кисть и не опишу свою жизнь — содею грех пред вечным небом. «Книга песен» открывается «Встречей невесты», потому я начну с истории о супругах, а об остальном расскажу после. Стыжусь, что в молодости бросил учение, нет у меня и малых познаний. Здесь я постараюсь правдиво и честно рассказать о своих настроениях и делах. Пытаться судить о блеске моего слова все равно что пожелать увидеть ясное изображение в потускневшем зеркале.

Еще в ранние годы я был объявлен женихом девицы из рода Юй из Цзиньша, но она умерла, имея всего восемь лет от роду. Я женился на дочери моего дяди с материнской стороны, урожденной Чэнь. Имя ее было Юнь, прозвание Су-чжэнь. С малых лет Юнь была понятлива и смыслена, еще будучи малым ребенком, она помнила наизусть всю «Песню о пипе» Бо Цзюй-и. В четыре года Юнь потеряла отца, и в ее доме, где она жила с матерью, урожденной Цзинь, и младшим братом Кэ-чаном, остались только голые стены. Когда Юнь выросла и научилась рукоделию, она своим трудом добывала пропитание для всей семьи, платила учителю и за обучение, и за содержание брата. Как-то случилось

ей в корзине с книгами найти «Песню о пипе», она стала разбирать иероглифы и мало-помалу научилась читать. Больше всего она любила эти строки:

С наступлением осени тени редеют,
Иней окропил хризантемы — цветы пышной.

Мне было тринадцать, когда матушка впервые привезла меня к своим родным. В тот раз я увидел Юнь. Мы были еще детьми, и нам не чинили препятствий видаться. Я был пленен ее изяществом и восхищен ее талантами, но уже тогда предчувствовал, что судьба не будет к Юнь благосклонна. В тот раз я сказал матери:

— Если когда-либо вы будете выбирать для меня жену, то знайте, никого не возьму, кроме сестрицы Су.

Матушке пришлось по душе мягкость и покладистость Юнь, и она сняла с пальца золотое кольцо и дала его девушке в знак свадебного сговора — это случилось на шестнадцатый день седьмой луны года и-вэй правления государя Цяньлуна.

Юнь была всего на десять месяцев старше меня, но с малолетства мы привыкли звать друг друга «старшая сестрица» и «младший братец», я же чаще всего называл ее «сестрица Су».

Зимой того же года одна из моих двоюродных сестер выходила замуж, и я опять поехал сопровождать матушку в ее родительский дом. Гостей собралось много, все в нарядных платьях, только на Юнь был простой и неяркий наряд, правда, она была в новых туфельках. Я отметил, что вышивка на них выполнена со вкусом, и догадался, что это ее собственная работа. Таланты Юнь не исчерпывались умением читать и писать.

Ее фигура с поникшими плечами и длинной шеей была не лишена изящества, она выглядела худой, но не костлявой, у нее были изогнутые брови и красивые живые глаза, только передние зубы у Юнь несколько выдавались, что вроде бы не считалось знаком счастливой судьбы. Было в ее облике какое-то внутреннее обаяние, и, глядя на нее, на душе становилось отрадно и спокойно.

Однажды я выпросил у нее тетрадь со стихами, оказалось, все они не окончены: одна парная надпись и

несколько стихов в три-четыре строчки. Я спросил, почему так мало стихов. Она улыбнулась:

— Нет у меня наставника, учителя-друга, он бы наверняка заставил дописать стихи.

В шутку я придумал название к ее стихам: «Прелестные строки из вышитого кошелька». Я не мог знать тогда, что в этом сокрыта причина ее недолгой жизни.

В ту ночь я провожал невесту в дом жениха. Дом был за городской стеной, воротился я уже после третьей стражи, в животе у меня было пусто, и я искал, что бы перехватить. Служанка предложила сушеных фиников, но мне не хотелось сладкого. Юнь потихоньку потянула меня за рукав и увела в свою комнату, она припрятала для меня чжоу и немного овощей. С воодушевлением я взялся за палочки, но неожиданно-негаданно старший брат Юнь, по имени Юй-хэн, позвал ее:

— Сестрица Су, иди сюда скорее.

Юнь торопливо прикрыла дверь и сказала:

— Я устала, собираюсь лечь.

Между тем Юй-хэн уже протиснулся в дверь и вошел в комнату. Увидев меня, он расхохотался. Искоса поглядев на Юнь, он сказал ей:

— Когда я просил чжоу, ты сказала: «кончилась», а выходит припрятала для своего женишка.

Юнь смутилась и выбежала из комнаты. Все в доме, от мала до велика, долго потешались над нами. В наисквернейшем настроении я покинул дом вместе со слугой. После этого случая я не раз приезжал к Юнь, и всякий раз она убегала и пряталась, я понял: она боится, что надо мной опять будут смеяться.

В канун нашей свадьбы, то было двадцать второго дня первой луны в год гэн-цзы правления государя Цяньлуна, я, наконец, увидел свою невесту, она была все такая же худенькая и тоненькая. Юнь приподняла головное покрывало, и мы улыбнулись друг другу. После церемонии обмена чашами мы сели вместе за вечернюю трапезу, я потихоньку нашел под столом ее локоток — он был такой теплый, острый и нежный, что невольно сердце мое пылко затрепетало. Я предложил ей откусать, но она отказалась, сказав, что уже не один год соблюдает пост. Прикинув, с какой поры она постится, я догадался, что обет был принят во исцеление ее жениха от оспы. Я улыбнулся:

— Мое лицо давно сияет чистотой, может быть, с этого дня сестрица оставит свой обет?

Юнь улыбнулась мне одними глазами и кивнула в знак согласия.

На двадцать четвертое была назначена свадьба моей сестры. Поскольку тот день объявили днем траура и нельзя было пригласить музыкантов, мы устроили свадебное угощение в ночь на двадцать второе. Юнь все время была среди гостей. В спальне я затеял с подружками невесты игру в пальцы на штрафную чарку вина, я все время проигрывал, сильно захмелел и лег.

В тот день родственники и друзья съезжались к нам в дом непрерывно. Засветили лампы, и началось веселье. Двадцать четвертого после полуночи я проводил свою сестру домой, воротился поздно, около трех часов ночи. Свадебная церемония кончилась, свечи едва горели, люди уgomонились. Я на цыпочках вошел в комнату: служанка прикорнула на кровати, а Юнь еще не ложилась. Низко опустив голову, она читала, и дух ее витал где-то в чужом краю. Подле нее серебром светилась высокая свеча. Я коснулся рукой ее плеча и сказал:

— Эти дни у сестрицы были тяжелые, к чему так напрягаться и выбиваться из сил?

Юнь быстро повернула ко мне голову и встала:

— И правда, я ведь собиралась лечь, да вот открыла эту книгу и невольно увлеклась, забыв об усталости. Сколько раз доводилось слышать о «Западном флигеле», поистине это сочинение гения, вот только стиль суховат.

Я рассмеялся:

— Только у талантливого писателя стиль может быть суховат.

Я велел служанке уйти и прикрыть за собою дверь. А сам сел подле Юнь, и мы начали весело болтать, будто старые друзья, нечаянно встретившиеся после разлуки. В шутку я запустил ей за пазуху руку и почувствовал, как Юнь затрепетала. Я наклонился и шепнул ей на ухо:

— Отчего это у вас так стучит сердце, сестрица?

Юнь взглянула на меня и чуть улыбнулась, я почувствовал, что нить чувства связала нас и всколыхнула души.

Мы вошли под полог обнявшись, не ведая, что день уже настал.

Став женой, Юнь поначалу была до чрезвычайности молчалива, она никогда не гневалась, говорила всегда с улыбкой. Со старшими Юнь была почтительна, с теми, кто ниже ее по положению, ровна; преисполненная чинности, она ни в чем не допускала промаха. Едва в окне забрезжит свет, она подымалась, быстро накидывала платье, словно бы ее кто торопил. Однажды я шутливо заметил:

— Уж не боишься ли ты, что, застав нас в постели, люди будут смеяться, как в тот раз, когда я ел чжоу?

Юнь ответила:

— Однажды я припрятала для вас чжоу и тем дала повод для разговоров, но сейчас не насмешек страшусь, опасаясь, что ваши родители подумают, будто невестка ленива.

Мне хотелось, чтоб утром подольше она повалилась в постели, но я восторгался нравственной твердостью Юнь, и подымался одновременно с ней. Однажды мы дотронулись друг до друга висками, и я почувствовал, как мы близки друг другу — словно предмет и тень, невозможно подобрать слова, которые выразили бы силу моего чувства и влечения.

Быстро проходят радости, в мгновение ока минул месяц. Мой отец тогда служил в управе в Куйцзи, он пристроил меня в ученики к господину Чжао Шэн-чжао из Улиня. Вскоре за мной прислали нарочного, и я уехал. Наставник был человеком строгим, поощрял к добру, и то, что нынче я умею держать кисть — его заслуга.

Для завершения свадебного обряда я ненадолго вернулся домой. Было условлено, что после я возвращусь к наставнику. Наступил день отъезда, и меня охватило волнение — боялся, что на виду у всех Юнь не выдержит и залется слезами. Но, к моему удивлению, Юнь, напротив, утешала и подбадривала меня, она собрала мои вещи и только вечером я заметил, что она и внешне, и по состоянию духа совсем не такая, как обычно. При расставании она мне шепнула:

— Некому будет присматривать за тобой, береги себя.

Я сел в лодку, и мы поплыли, то как раз была

пора, когда слива и персик соперничали в пышности цветения. Я же был в отчаянии, словно потерявшая стаю птица, — и небо, и земля утратили для меня свою красоту. Не успел я прибыть к отцу, как он тотчас отправился по реке в восточные области.

Так прожил я три луны, мне же казалось, что минули годы. Я отправил Юнь два письма, но получил один ответ, наполовину состоявший из наставлений, заканчивалось письмо общими словами; в душе я был недоволен. Всякий раз, когда во дворе ветер шелестел в бамбуке или луна подымалась над бананом у окна, меня охватывали мысли о Юнь и я погружался в мир мечтаний.

Учитель догадался о моем состоянии и тотчас написал отцу, а затем дал мне задание из десяти тем и на время отослал домой — я был счастлив, как солдат пограничного гарнизона, отпущенный, наконец, на волю. Я нанял лодку, и четверть часа показались мне годом. Прибыв домой, я сперва зашел к матери справиться о ее здоровье, а потом уже к себе. Юнь поднялась мне навстречу, мы взяли друг друга за руки и не проронили ни слова. Мы будто погрузились в сон: наши души улетели и рассеялись словно дым и туман. Когда я очнулся, у меня звенело в ушах, я не сразу сообразил, где я.

В шестую луну даже в помещении стоит удушливая жара. К счастью, мы поселились в Жилище обожания лотосов, как раз подле западной стены Цанланского павильона. Стропила нашего дома соприкасались со стволом старого дерева, своей густой тенью оно закрывало наше окно и окрашивало лица в зеленый цвет. Посередине мостика, что был переброшен через поток, возвышалась терраса, которая называлась «Как я захочу» — намек на известное изречение: «Когда чиста цанланская вода, я мою в ней кисти шляпы, когда грязна — мою ноги».

На другом берегу потока обычно много гуляющих, вот это место мой отец и избрал для пирушек. Испросив разрешение у моей матери, я взял сюда Юнь, чтобы здесь провести вместе лето. Из-за летней жары она забросила свои вышивки, и целыми днями мы читали и говорили о древнем, рассуждали о луне или цветах. Иногда, хотя Юнь не любила вина, я затевал игру,

когда провинившийся пьет штрафную чарку. Вряд ли человеку вообще доступно большее ощущение раскованности, чем мне в те дни.

Как-то Юнь спросила меня:

— Кого можно считать величайшими мастерами древней словесности?

Я ответил:

— «Планы Сражающихся царств» и главы «Чжуан-цзы» выделяются зрелостью духа, Куан Хэн и Лю Сян прославились изяществом стиля. Обширной учености следует учиться у Сыма Цяня и Бань Гу, могучей мысли и остроте ее высказывания — у Хань Юя и Лю Цзунюаня. Оуян Сю замечателен раскованностью, а все трое Су превосходно владели красноречием, кроме того, есть еще памфлеты Цзя И и Дун Чжун-шу, есть сочинения, украшенные, как у Юй Синя и Сюй Лина, или послания государю Лу Чжи. Невозможно исчислить всех, чьи творения незаурядны, но постижение истинного смысла сочинения всегда заключено в читателе — его сердце и уме.

— Древняя словесность исполнена высоких мыслей и гордого духа, — сказала Юнь, — женщине трудно постичь этот мир. Например, я могу понять только стихи.

Я спросил ее:

— С танского времени стихи входили в экзаменационные программы, а Ли Бо и Ду Фу считались мастерами поэзии. Кто же из них тебе нравится больше?

— Стихи Ду Фу словно выкованы из металла, в них ритм редкой чистоты, а поэзия Ли Бо — это река Сяо, что выплескивает свой несдержанный порыв; я предпочитаю живость поэзии Ли Бо строгой мерности стиха Ду Фу.

Я заметил ей:

— Но ведь Ду Фу — великое поэтическое достижение, тот, кто учится поэзии, учится именно у Ду Фу, почему же ты предпочитаешь Ли Бо?

— Действительно, Ду Фу превзошел всех поэтов, в мелодии, в словах и мыслях его стихов видна опытная рука. Поэзия Ли Бо — воздушная и легкая, как бессмертные с горы Гушэшань, в ней прелесть льющегося потока и опадающих лепестков, его стихи нравятся всем. Не хочу сказать, что Ду Фу плох, а Ли Бо хорош, но Ду Фу все же нравится мне меньше, чем Ли Бо.

Я рассмеялся:

— Вот уж не думал, что ты горячая поклонница Ли Бо.

Юнь улыбнулась и призналась:

— Но почитаю я своего первого наставника — Бо Цзюй-и, то впечатление, которое в свое время он на меня произвел, осталось во мне до сих пор.

— О каких стихах ты говоришь?

Юнь удивилась:

— Ну конечно же о «Песне о пипе».

Я пошутил:

— До чего странно! Ли Бо — твой близкий друг, Бо Цзюй-и — наставник, а литературный псевдоним твоего мужа Сань-бо, похоже, что твоя судьба связана с иероглифом «бо».

В ответ Юнь улыбнулась и согласилась:

— Верно, иероглиф «бо» — моя судьба, но опасаясь другого, что слово «бо» я буду писать всю жизнь.

(У нас, в Сучжоу, ошибочное написание иероглифа называется «бо».)

Мы оба весело рассмеялись.

Я решил продолжить беседу:

— Коль так хорошо ты разбираешься в поэзии, посмотрим, знаешь ли ты поэмы фу!

Юнь ответила:

— «Чуские строфы» — начало этой поэзии, но знание моих недостаточно, чтоб ее понимать. А среди поэтов династий Хань и Цзинь нет стихотворца более замечательного, чем Сыма Сян-жу, как по напевности стихов, так и по изысканности стиля.

Я шутливо заметил:

— Полагаю, что отнюдь не цитра влекла Вэнь-цзюнь к Сыма Сян-жу, не так ли?

И мы снова разразились хохотом.

Я по натуре простосердечен, несдержан и поступаю по велению чувства, в Юнь, напротив, преобладало рассудочное начало — словно наставник-конфуцианец, она ревностно исполняла принятые правила поведения, если мне случалось принести ей платье или оправить рукав, всякий раз слышал: «Виновата», а принимая от меня полотенце или веер, она непременно вставала.

В конце концов мне это надоело и однажды я сказал ей:

— Уж не собираешься ли ты связать меня веревкой благочестия? Пословица гласит: «Чересчур благочестивый всегда лжет».

У Юнь заалели щеки, и она горячо возразила:

— Зачем называть ложью обычную вежливость и проявление уважения?

— Истинное уважение и почитание в сердце, а не в пустой условности.

Юнь возразила:

— На свете нет для человека никого ближе отца и матери, так может ли уважение к ним, как ты говоришь, носимое в сердце, внешне проявиться в дерзости или беспутстве?

Я сдался:

— Да я пошутил.

Юнь, однако, не успокаивалась.

— Разлад в семье как раз и начинается с необдуманной шутки. Если бы я знала, что когда-нибудь ты рассердишься на меня из-за пустяка, я уже сегодня умерла бы с горя.

Я привлек Юнь к себе, приласкал, и на ее лице заиграла улыбка. С той поры слова «прошу прощения», «виновата» стали для нас обычными, вроде служебных слов в грамматике. Точно Лян Хун и Мэн Хуан, мы были вежливы друг с другом в течение всех двадцати четырех лет нашей совместной жизни.

Шло время, и наши чувства день ото дня становились прочнее. В доме среди своих, встречались ли мы в полутемной комнате или сталкивались в длинном коридоре, мы неизменно брали друг друга за руки и спрашивали:

— Ты куда идешь?

И сердца наши трепетали, точно мы стыдились, что кто-то нас увидит. На людях мы старались избегать сидеть рядом или вместе гулять, но прошло какое-то время и мы перестали придавать этому значение. Даже если Юнь с кем-то разговаривала, увидев меня, она подымалась и шла навстречу или высвобождала местечко рядом с собой, и мы опять были вместе. Это получалось естественно, как само собой разумеющееся, но я поначалу стыдился. Наше стремление быть вместе стало как бы привычкой. Мне трудно представить, чтобы муж и жена, дожив до седых волос, питали друг к

другу неприязнь. А пословица гласит: «Если жена не враг мужу, они не доживут вместе до седых волос». Уж не знаю, есть ли правда в этих словах?

В седьмую луну седьмого дня того года мы собрались свершить поклонение Небесной внучке. Юнь поставила свечи и курительные душистые палочки, принесла тыкву и фрукты. Я вырезал две печатки с надписью: «Быть нам мужем и женой во веки веков». На моей печатке надпись шла красным по белому, на печатке Юнь — белым по красному — мы решили пользоваться ими в нашей переписке. Той ночью луна была на удивление красива, я смотрел на воду, отсвет луны напоминал переливчатое сияние шелка. Мы были в легких платьях, в руках держали маленькие веера и, усевшись у окна, выходящего на поток, смотрели, как гонимые ветром облака пролетают над нашими головами, непрестанно и причудливо меняя очертания. Юнь заметила:

— Как велика вселенная, а луна — одна, не знаю, есть ли сейчас в мире два других человека, которые бы любили друг друга так, как мы?

Я ответил:

— Думаю, что многие в этот чудесный прохладный вечер любят луну, я уверен, что немало юных дев рассуждают сейчас об облаках и туманах, сидя в своих укромных теремах за расшитыми пологам; но сомневаюсь, чтобы муж и жена любовались луной и говорили об облаках.

Тем временем свечи догорели, луна исчезла в темном небе, мы убрали фрукты и пошли спать.

Пятнадцатый день седьмой луны в народе называют Днем духов. Юнь приготовила чашечки с вином, чтобы выпить их при свете луны. Но вдруг тучи закрыли небо, стало сумрачно, словно землю окутала тьма. Юнь испугалась и загадала:

— Если суждено нам прожить вместе до седых волос, пусть луна появится снова.

На душе у меня было тоскливо. Мы молча смотрели на другой берег реки, где сияние светлячков то угасало меж ив на дамбе, то разгоралось вновь в мириадах точек среди осоки, росшей на отмелях. Стараясь передать свое настроение, мы с Юнь начали составлять стихи: один говорил две строки, другой сочинял две следую-

щие, так мы продолжали до тех пор, пока наши упражнения не потеряли смысла.

Юнь, не в силах больше сдерживаться, залилась слезами и тут же со смехом упала мне на грудь, не в состоянии вымолвить ни слова. В нос мне ударил густой запах жасмина, приколотого к ее волосам. Я похлопал ее по спине и будто сам себе сказал:

— Всегда полагал, что древние за форму и цвет уподобляли жасмин жемчугу, они украшали жасмином волосы и добавляли лепестки в пудру. И не ведал того, что в волосах, впитав запах пудры и масла, жасмин благоухает даже тоньше. Да, пожалуй, цитрус фoшoу, «Рука Будды», не идет ни в какое сравнение с жасмином, как говорится, он «вынужден отступить на тридцать верст».

Юнь перестала смеяться:

— Вот уж нет! Фoшoу все равно что высокорожденный среди простых родом, у него непередаваемый едва уловимый аромат, а жасмин — из простонародья, что вечно ищет опору в других. Его аромат не что иное, как сочетание разных запахов.

— Так почему же ты не с высокорожденным, а с тем, что из простонародья?

— А мне смешон благородный, обожающий простонародье.

Пока мы весело перекидывались словами, пробило третью стражу. Поднялся легкий ветерок и разогнал тучи, на небо выплыла круглая луна — мы ликовали и осушили наши чашки с вином. Но прежде чем допили третью чашечку, услышали всплеск, казалось, кто-то упал в воду под самым мостом. Мы выглянули в окно и пристально вгляделись в воду: она была подобна зеркалу, только стремительно пролетевшая над водой утка потревожила тишину. Я слышал, что подле Цанланского павильона бродит дух утопленника, но, чтобы не испугать Юнь, не стал говорить об утопленнике.

Юнь спросила:

— Послушай! Что это за шум?

Она дрожала от страха. Я поспешил захлопнуть окно, и, захватив с собой чашки и вино, мы вернулись в спальню. От светильника, в котором пламя было не больше бобового зерна, отбрасывалась причудливая тень — словно свернувшаяся змея. Чувство необъясни-

мой тревоги овладело нами. Я подрезал фитиль, чтоб пламя было ярче, и мы пошли спать. В ту ночь у Юнь началась лихорадка. Вскоре и я заболел. Мы пролежали в постели около двух недель — поистине, когда радость жизни достигает предела, наступает пора невзгод — то был зловещий знак, он предвещал, что нам не дожить вместе до седых волос.

К празднику Середины осени, что приходится на пятнадцатый день восьмой луны, я был вполне здоров. Вот уже полгода Юнь была моей женой, но она еще не выходила за пределы нашего жилища и видела лишь стену Цанланского павильона. В тот день я через старого слугу передал сторожу приказ никого к нам не пускать. С наступлением вечера я, Юнь и моя младшая сестренка в сопровождении няньки и девочки-служанки двинулись вслед за старым слугой осматривать парк и павильон. Мы миновали каменный мост, вошли в ворота, повернули на восток и, попетляв немного, достигли места, где среди ярко-зеленых деревьев высилась насыпная гора. Павильон стоял на самой ее вершине. Мы поднялись по ступеням к павильону, и взору открылся бескрайний простор: в красном зареве догорающего заката в небо подымались струйки дыма от очагов, а дальше, на другом берегу реки, виднелся парк Лес у подножия горы, здесь богатые и знатные обычно устраивали званые обеды. Позже на этом месте построили Школу полного знания. В павильоне мы постелили циновку и уселись в кружок. Сторож приготовил нам чай. Из-за макушек деревьев скоро выплыла ясная луна, легкий ветер колыхал края наших рукавов, луна отражалась в волнах, и пыль мирских забот и суеты словно слетала с нас. Юнь сказала мне тогда:

— Какое радостное путешествие у нас сегодня. Но будет еще веселее, если мы поплаваем вокруг павильона на легкой лодочке.

В домах засветили огни, напомнив нам, что близится пятнадцатая ночь восьмой луны. Поддерживая друг друга, мы спустились с холма и воротились домой.

Согласно народному обычаю, все женщины, богатые или бедные, в ту ночь выходят из домов и гуляют, обычай этот зовется «гуляние при лунном свете». Но никто не пришел в уединенное, тихое и полное спокойного сияния место — к Цанланскому павильону.

Мой отец господин Цзяфу обожал брать себе приемных сыновей, в конце концов у меня набралось двадцать три брата, а моя матушка удочерила девять девочек. Среди них были девица Ван, вторая моя сестра, и шестая сестра, по имени Юй, обе были задушевыми подругами моей жены. Ван, большая охотница до вина, была взбалмошная, а Юй — веселая и говорливая. Всякий раз, когда подруги собирались вместе, они попросту выставляли меня из комнаты, а если ночевали, то втроем укладывались в одну постель. Я знал, что все это проделки Юй. В шутку я однажды сказал ей:

— Когда ты выйдешь замуж, я приглашу твоего мужа погостить у меня дней десять.

В ответ сестрица сказала:

— Тогда и я приду сюда и буду спать с Юнь в одной постели. Разве это не удовольствие?

Юнь и Юй улыбнулись друг другу.

К этому времени собрался жениться мой брат Цитан, и мы поселились у Моста пьющего коня на улице Цанми. Дом был большой, просторный, но не такой уединенный и изысканный, как Цанланский павильон.

В день рождения моей матушки у нас в доме обычно давали театральные представления, и поначалу Юнь находила эти зрелища интересными. Отец никогда не признавал никаких запретов и попросил представить «Жестокое расставание», актеры с мастерством показали тонко сделанную сцену и сумели глубоко тронуть зрителей. Я украдкой взглянул на Юнь, находившуюся за занавеской, она стремительно поднялась и ушла. Прошло немало времени, но Юнь не показывалась. Я пошел искать ее. Ко мне присоединились и сестры — Ван и Юй. Мы нашли Юнь в ее комнате, она сидела у своего туалетного столика, положив голову на руки. Я спросил:

— Тебе грустно?

Она ответила:

— Обычно пьесы смотрят ради развлечения, но эта разбила мне сердце.

Сестрицы расхохотались. Я заметил им:

— Перестаньте, Юнь всегда принимает все близко к сердцу.

Сестрица Юй спросила мою жену:

— Уж не собираешься ли ты просидеть здесь весь день?

— Я приду, если актеры сыграют что-нибудь веселое, — ответила ей Юнь.

Услышав пожелание Юнь, сестрица Ван попросила матушку, чтоб актеры представили что-нибудь вроде «Убийства Ляна» или «Возвращения долга». Юнь пришла посмотреть представление, оно ей понравилось, и она вновь развеселилась.

Когда мой дядюшка Су-цунь безвременно скончался, отец назначил меня его наследником, поскольку у того не было детей. Могила дяди была в Сикуатане, на Горе счастья и долгой жизни, то есть как раз подле нашего родового захоронения.

Каждый год весной я отправлялся в те места с Юнь поклониться праху дяди и обмести могилу. Сестрица Ван, узнав, что в тех местах находится знаменитый парк Гоюань, как-то пошла вместе с нами. По дороге Юнь обратила внимание на камни, они были самых разнообразных оттенков, с рисунком наподобие лишайника. Она предложила:

— Что если из этих камней сделать на подносе горку, получится куда интереснее, чем пейзаж с белыми камнями из Сюаньчжоу.

— Боюсь, не найдем достаточно камней нужной формы, — ответил я.

— Если уж сестрице они так нравятся, я соберу для нее эти камни, — предложила Ван.

Она взяла у нашего провожатого пеньковый мешок и, шагая словно журавлик, принялась подбирать камни. Каждый раз, подняв какой-нибудь голыш, она спрашивала, годится ли он, и я отвечал ей «хорош» или «не стоит». Собирала она довольно долго, усталая, она вернулась к нам с мешком, набитым камнями, на лице ее сквозь пудру выступали капельки пота. Бросив мешок, она сказала:

— Если еще подыму хоть один камень, упаду.

— Говорят, что в горах для сбора фруктов приручили обезьян, теперь я вижу, что такая работа как раз для них, — заметила Юнь.

Ван с возмущением закрыла лицо руками и готова была разрыдаться, я остановил ее и сказал Юнь осуждающе:

— Для тебя так старались, а ты городишь чушь, удивительно, что сестрица рассердилась.

Возвращаясь домой, мы посетили парк Гоюань, молодая зелень соперничала в яркости с кокетливыми купами красных цветов. Ван по натуре была грубовата, она срывала цветы и тут же их бросала. Юнь стала бранить ее.

— Если ты не хочешь поставить цветы в воду или приколоть к волосам, зачем же рвать?

Ван ответила:

— А что тут плохого? Ведь им же не больно!

Я в шутку решил пострадать ее:

— Когда-нибудь тебя постигнет суровая кара — выйдешь замуж за рябого или бородатого.

Ван бросила на меня гневный взгляд, кинула цветы на землю и ногой отшвырнула их в пруд.

— Почему вы все время меня обижаете? — вскричала она.

Юнь помирилась с ней, приласкала, и Ван успокоилась.

Поначалу Юнь была неразговорчива, и ей нравилось слушать мои рассуждения. Я стал учить ее красноречию, подобно тому как сверчка заставляют бегать, подхлестывая травинкой. В конце концов она научилась вести беседу. Вот пример тому.

У Юнь была привычка запивать рис чаем, еще ей нравились соевый соленый творог с горчицей (в Сучжоу это блюдо зовется «вонючий творог») и особым способом замаринованные в криветках огурцы. Могу только сказать, что более всего на свете я ненавижу именно этот творог и огурцы. И чтобы подшутить над ней, сказал ей однажды:

— У собаки нет вкусового обоняния, и она ест отбросы, не ведая, что они дурно пахнут; жук роется в навозной куче, и если и превращается в цикаду, то только потому, что жаждет взмыть повыше. Но разве ты собака или жук?

Юнь ответила мне так:

— Соевый творог едят, потому что он дешев, его можно есть и с чжоу, и с сухим рисом — я привыкла к нему с детства. Ныне я вступила женой в твой дом — словно жук, оборотилась цикадой, но мне по-прежнему нравится творог, ибо не следует забывать, откуда ты

родом. Что же до огурчиков, то впервые я попробовала их в твоём доме.

Я сказал ей:

— Что же, тогда выходит, мой дом — собачья конура?

Юнь оказалась в затруднении и, немного подумав, привела такой довод:

— Конечно, в каждом доме есть нечистоты, но различие состоит в том, едят их или нет. Ты обожаешь творог, и я пытаюсь привыкнуть к нему, тогда как творог я тебя есть не заставляю. А огурчики хороши, попробуй взять их в рот, зажав нос, и ты поймешь их вкус. Маринованные огурцы схожи с У Янь, которая была уродлива лицом, но прекрасна добродетелями.

Я расхохотался:

— Уж не собираешься ли ты превратить меня в собаку?

Юнь ответила:

— Долгое время у меня был пес, почему бы и тебе не попробовать им стать.

Тут она подцепила палочками кусочек огурца и насильно засунула его мне в рот. Я зажал нос и попробовал огурец, — действительно, вкусно. С того раза я полюбил огурцы. Потом я ел их, уже не затыкая носа, и мне казалось, что у них ни с чем не сравнимый аромат.

Юнь готовила еще соленый бобовый творог, в который добавляла конопляное масло и сахар, и я находил, что это по-своему вкусно. Мы смешивали мелко нарезанные огурцы с соленым творогом и называли это блюдо «удивительный двойной соус». Вкус его был необычен. Я сказал ей однажды:

— Не могу понять, почему вначале я находил и творог, и огурцы отвратительными, а сейчас люблю их.

— Когда любишь, не замечаешь уродливости того, на кого обращена любовь, — рассудила Юнь.

Мой младший брат, Ци-тан, женился на внучке господина Ван Суй-чжоу. Когда накануне свадьбы собрались послать свадебные дары, не оказалось жемчуга и цветов. Юнь отдала матери свой жемчуг, который когда-то получила в качестве свадебного подарка. Слушанке было жаль жемчуга, но Юнь сказала:

— Супруга есть воплощение женского начала — инь,

жемчуг представляет собой чистейшее проявление стихии инь, если украсить жемчугом волосы, то создается противодействие мужскому началу — стихии ян. Зачем же его жалеть?

Юнь любила растрепанные книги и порванные живописные свитки. Разрозненные части и отдельные листы она непременно переплетала в книжку — подобные книжки именовались у нее «Собранием фрагментов». Порванные живописные свитки или каллиграфические надписи она реставрировала, подыскивала нужную бумагу и просила меня подрисовать и поправить испорченный рисунок. Свою коллекцию реставрированных свитков она называла «Восхитительное собрание, составленное из выброшенных листков». Если у Юнь выдавался свободный от вышивания или приготовления пищи день, она возилась с подобными пустяками, не чувствуя ни утомления, ни усталости. А уж коль случилось ей в старом сундуке или в куче заплесневелых книг отыскать исписанный листок или рисунок, который ей казался красивым, она радовалась, словно ей в руки попала редкая драгоценность. Кончилось тем, что одна наша соседка, старуха Фын, стала собирать всякую бумажную рухлядь и продавать нам.

У нас с Юнь были одинаковые привязанности и неприязни. Мне было легко с ней, она угадывала мои мысли по выражению глаз, по едва заметному движению бровей; тотчас уловив какое-нибудь желание, она выполняла его наилучшим образом, не дожидаясь напоминаний. Однажды я заметил ей:

— До чего досадно, что ты рождена женщиной. Будь ты мужчиной, нам удалось бы посетить знаменитые горы, увидеть красивейшие места, побродить по всей Поднебесной! То-то было бы весело!

— Так в чем же дело, — ответила мне Юнь. — Подожди, пока поседеют волосы у твоей подруги. Если не сможем посетить Пять священных гор, то наверняка доберемся до мест близких, вроде Хуфу и Линъяня, на юге дойдем до озера Сиху, а на севере — до Пиншаня.

— Все это так, однако для странствий ты будешь уже старовата.

— Ничего. Не успею в этой жизни, сумею в другой.

— Но ведь в следующем перерождении ты будешь мужчиной, а я женщиной.

— Так не будем же омрачать этой жизни, пусть нам все будет в радость, — заключила Юнь.

Я рассмеялся:

— В день нашей свадьбы мы уже говорили, что не надо омрачать жизнь, и не сомкнули глаз всю ночь. Если же станем рассуждать о будущих перерождениях, то у нас совсем не останется времени для сна.

Юнь заметила:

— Говорят, что на небе свадебные дела вершит Лунный старец. Он соединил нас, и мы стали мужем и женой. В следующем перерождении наша судьба также в его руках, почему бы нам не повесить в доме его изображение?

Мы попросили господина Ци Лю-ти из Таоси, имя его было Цянь, большого мастера кисти, нарисовать Лунного старца. На его картине старец держал в одной руке красную шелковую нить, в другой — плетенку, что берут в странствие, в ней, по мысли художника, должна храниться книга судеб. У старца было лицо юного отрока и волосы словно перья журавля, казалось, он летел не то среди дымки, не то в тумане — так воплотил художник свое представление о Лунном старце. Мой друг Ши Чжо-ган написал хвалу портрету, и мы повесили изображение бога в комнате. Первого и пятнадцатого дня каждой луны я и Юнь курили перед изображением благовония и совершали поклонения, моля о ниспослании нам долголетия.

Ныне, после стольких несчастий, обрушившихся на мою семью, эта картина утеряна.

Ухожу на покой в этой жизни,
Гадаю о жизни другой.

Неужели до богов могли дойти просьбы и молитвы? Вскоре мы переехали на улицу Цанми, и я сделал для нашей спальни надпись: «Палаты благоуханного гостя». Это был намек на имя жены: ведь слово «юнь» значит «пахучая луговая рута».

При доме был узкий дворик с очень высокими стенами — дворик нам не нравился. Зато вызывала восхищение пристройка к дому, где хранились книги, — окна ее выходили в заброшенный сад семьи Лу. Юнь любовалась садом и вспоминала Цанланский павильон.

К востоку от Моста Золотой матушки в самом кон-

Це улицы Гэнсян жила одна старая женщина. Возле ее дома был огород. За изгородью с калиткой виднелся пруд в несколько му шириной, вдоль изгороди росли цветы и тенистые деревья. На этом месте некогда стоял дом, в котором в конце юаньской династии размещалась управа Чжан Ши-чэна. В нескольких шагах от дома горой лежали битые черепки и кирпичи, с этого холма открывался вид, полный неповторимого очарования. Однажды наша соседка заговорила о своем доме, и Юнь уже не оставляла мысль о переезде. Как-то она сказала мне:

— Я постоянно вспоминаю Цанланский павильон. Коль скоро мы не можем жить там, давай поселимся на лето у старой женщины!

Я ответил:

— Я тоже думал, что хорошо бы нам найти место, где будет попрохладнее, ведь пока дожدهшься осени — сторишь от жары. Я пойду посмотрю ее дом, если подойдет — соберем пожитки и переедем на месяц-другой.

— Матушка, наверное, не позволит, — высказала свои опасения Юнь.

Я успокоил ее:

— Я сам попрошу у нее разрешения.

На следующий день я отправился к соседке. Ее дом состоял из двух комнат, каждая была разделена еще на две. Окна были заклеены бумагой, внутри стояли бамбуковые лежанки, дом производил впечатление места тихого и уединенного. Хозяйка узнала о моем намерении и с удовольствием сдала спальню. Я заново обклеил стены белой бумагой, и теперь жилище выглядело совсем по-иному. Я уведомил свою матушку о нашем намерении, и вскоре мы с Юнь переехали.

Нашими соседями оказались двое стариков, они выращивали овощи на продажу. Узнав, что мы собираемся провести в этом доме лето, они пришли познакомиться, принесли в подарок несколько рыб из своего пруда и овощи. Мы хотели заплатить, но они от денег отказались. Тогда Юнь сшила для них туфли. Старики поблагодарили и взяли туфли. Как раз была седьмая луна, — пора, когда под деревьями густая тень, когда ветер бороздит поверхность водоемов, а цикады оглушают вас своим стрекотом. Сосед соорудил нам рыбо-

ловную снасть, и мы с Юнь удили рыбу, устроившись в тени ив. Когда солнце клонилось к закату, мы поднимались на насыпную гору и любовались отблесками вечерней зари. Нам хотелось выразить свое настроение в стихах. Помнится мне следующая строка:

Туча-зверь проглотила заходящее солнце,
А месяц-лук настиг падающую звезду.

С наступлением вечера, когда луна отражалась в пруду, а насекомые поднимали писк, мы выносили бамбуковые лежанки и ставили их где-нибудь у изгороди, пили вино в компании с луной, совершенно забыв, что живем в городе. Затем, выкупавшись, надевали прохладные шлепанцы и, устроившись на лежанках, обмахиваясь веерами, слушали рассказы о возмездии за грехи, которые принималась рассказывать хозяйка. А с наступлением третьей стражи шли спать.

По нашей просьбе хозяйка высадила у изгороди хризантемы. В девятую луну хризантемы зацвели, и мы задержались в доме еще на десять дней. Моя матушка пришла проведать нас. Тот день мы провели весело — устроили небольшое пиршество среди цветов и ели крабов. Юнь радостно сказала мне:

— Когда-нибудь непременно поставим здесь дом. Прикупим десять му земли, слуги будут выращивать овощи и тыкву, дохода с огорода как раз хватит, чтобы жить безбедно. Ты будешь рисовать, я — вышивать, и у нас всегда будет на что купить вина для гостей и устроить поэтические состязания. Мы будем ходить в холщовых платьях, питаться только овощами, но будем счастливы до конца дней своих.

Меня глубоко тронули ее слова. По сей день стоит тот дом, но мой лучший друг мертв. Увы, мне остается только сокрушаться!

Примерно в одном ли от нашего дома на улице Цукусян стоял храм повелителя озера Дунтинху. В народе его называли Храм водяного. Попетляв по его переходам, попадаешь в сад с павильоном. Каждый год в день чествования повелителя озера всякая семья стремилась приобрести место в храме. Храм украшали множеством стеклянных фонариков, посреди водружали почетное кресло и выставляли вазы с цветами — на этой выставке и вазы, и цветы соперничали в красоте.

Днем в храме давали театральное представление, а в сумерки зажигали фонарики — они были понатыканы среди вазонов с цветами. Игра света и теней, отбрасываемых цветами на стены храма, плывущие клубы благовоний, струящихся из дорогих курильниц, создавали у присутствующих впечатление, что они в подводных чертогах Лун-вана, Царя-дракона. На празднике кто играл на свирели, кто пел, некоторые обсуждали качество заваренного для гостей чая. Перед храмом, точно полчище муравьев, теснились зеваки, и чтобы сдерживать толпу, вокруг храма ставили ограду.

Однажды друзья пригласили меня помочь расставить цветы и вазы — так я попал на праздник. Когда я об этом сообщил Юнь, она посетовала:

— До чего жаль, что я не мужчина и не могу пойти поглядеть на праздник.

Я предложил ей:

— Надень мою шляпу, накинь мое платье, вот и превратишься в мужчину.

Тут же она заплела волосы в косу, густо подвела краской брови и завершила свой туалет моей шляпой, под которую ловко спрятала волосы. Платье оказалось в полтора раза длиннее положенного, и она подтянула его поясом, накинув на плечи еще и магуа.

— А как быть с ногами? — спросила Юнь.

Я предложил:

— Надень «туфли-бабочки», они подойдут на всякую ногу и их легко найти в лавке, потом они заменят тебе шлепанцы. Хорошо я придумал?

Юнь возликовала. Вечером после ужина она переоделась в мужское платье и довольно долго ходила по комнате, стараясь усвоить мужские манеры — училась размахивать руками и широко шагать. Но вдруг, переменив намерение, сказала:

— Не пойду! Будет неловко, если кто вдруг узнает меня. К тому же и матушка твоя, коль до нее дойдут слухи, мне этой выходки не простит.

Я все же уговаривал ее пойти со мной в храм.

— Даже если дело выплывет наружу, все воспримут это как шутку. Матушка сейчас гостит в доме девятой сестры. Мы потихоньку уйдем, потихоньку и придем, и никто ничего не узнает.

Юнь взяла зеркало и посмотрела на себя, она хо-

хотала как одержимая и долго не могла остановиться. Я силком вытащил ее из дому, и мы направились к храму. Пока мы бродили по храму, никто не догадывался, что Юнь — женщина. Если меня спрашивали, кто это, я объяснял, что младший двоюродный брат. Нам жали руки, и этим все ограничивалось. Мы подошли к группе молодых женщин и девушек, которые сидели за выставленными цветочными вазонами. (Женщины были из семьи Ян, один из членов этого рода и был устроителем праздника.) Юнь подошла к ним поболтать, во время разговора она нечаянно коснулась плеча одной из женщин. Служанка возмутилась и громко сказала:

— Что за нахал! Он не знает приличий.

Я хотел было объясниться и исправить оплошность Юнь. Видя, что дело оборачивается плохо, Юнь сняла шляпу и выставила ногу:

— Смотрите, я ведь женщина!

Все остолбенели, и гнев сменился общим хохотом. Нас попросили остаться и угостили чаем. Скоро мы вернулись домой в паланкине.

Когда господин Цянь Ши-чжу, уроженец Уцзяна, скончался от болезней, отец прислал мне письмо, в котором просил меня приехать на похороны. Узнав об этом, Юнь поведала мне о своем желании:

— Тебе надо будет плыть по озеру Тайху, а мне так хочется поглядеть на него.

Я ответил:

— Хотел бы отправиться с тобой вместе, да не знаю, какой придумать предлог.

Юнь предложила:

— Давай скажем, что я еду повидать матушку, и я тотчас отправлюсь вслед за тобой.

Я согласился, и мы решили, что на обратном пути поставим лодку на прикол у моста Десяти тысяч лет.

— Дождемся полной луны, отдохнем от жары и будем слагать стихи, как в те времена, когда жили у Цанланского павильона. — мечтал я вслух.

Ранним прохладным утром восемнадцатого дня шестой луны я нанял лодку и вместе со слугой стал дожидаться Юнь у моста Тигрового рыка. Она прибыла в паланкине, пересела в мою лодку, и мы отчалили. Паруса, полные ветром, реюшие в небе птицы, водная

гладь, уходящая за горизонт, — таков был открывшийся нашему взору вид.

Юнь воскликнула:

— Так вот оно какое, озеро Тайху! Увидишь этот простор небес и земли и поймешь, что жил не напрасно. А ведь многие из тех, кто проводит время в теремах, за всю жизнь не видели ничего подобного.

Быстро проходит время за разговором, вскоре мы увидели ивы на берегу и догадались, что это Уцзян.

Я сошел на берег и отправился выразить соболезнование родственникам усопшего, а когда после похорон вернулся, обнаружил, что Юнь нет. Я бросился к лодочнику, и он мне сказал:

— Поглядите, разве не она наблюдает за бакланами, охотящимися за рыбой? Вон там, под ивами у длинного моста!

Вскоре Юнь вернулась вместе с дочерью рыбака. Пудра и пот смешались на ее лице, и если бы ее не поддерживала девушка, она не могла бы сделать и шага. Я потрепал ее по плечу:

— Да ты вся мокрая.

Юнь обернулась, увидела меня и объяснила:

— Боялась, что придет кто-нибудь из семьи господина Цяня, и ушла. А чего ты так скоро вернулся?

— Хотел поймать беглянку, — ответил я смеясь.

Мы сели в лодку и отчалили. До захода солнца добрались до моста Десяти тысяч лет. Опустили до отказа рамы окон, чтобы легкий ветерок мог проникнуть в каюту, надели шелковые рубашки, взяли веера, чтобы остудиться, и съели по куску арбуза. Скоро последние лучи вечерней зари позолотили перила моста, туман прикрыл мглой ивы, серебряная луна повисла в вышине, река засияла огнями лодок. Я велел слуге сходить на корму и пригласить дочь лодочника выпить с нами.

Имя дочери лодочника было Су-юнь. Я усадил ее рядом с Юнь и скрепил с ней дружбу чаркой вина, ибо она показалась мне незаурядной девушкой. Мы не стали зажигать фонарь, подождали, чтоб вышла луна, и я, как всегда, затеял игру в штрафные чарки. Су-юнь с сияющими глазами долго слушала мои объяснения, а потом создалась:

— Во всяких застольных играх искушена, но об этой никогда не слыхала. Разъясните ее мне.

Юнь еще раз рассказала ей правила игры, прибегая к разнообразным сравнениям, но все было напрасно. Тогда я со смехом заметил:

— Может быть, наставница приостановит свои рассуждения! Я знаю одно сравнение, и Су-юнь сразу уразумет, в чем суть игры.

— Что же это за сравнение? — спросила Юнь. Я сказал им так:

— Журавль хорошо танцует, но не может пахать, бык умеет пахать, но не танцует. Такова природа вещей. Ты, наставляя ее, хочешь невозможного, к чему же зря стараться?

Су-юнь толкнула меня в плечо и весело сказала:

— Так вот как вы отзываетесь обо мне!

Юнь сердито приказала:

— Раскрывайте рты, но не давайте волю рукам. Тот, кто нарушит это правило, наказывается большой чаркой.

Су-юнь была молодцом, она нацедила полную чашку вина и выпила до последней капли. Я сказал Юнь:

— Можно пускать в ход руки, чтоб приласкать, но не разрешается бить.

Юнь, смеясь, толкнула Су-юнь ко мне на грудь и сказала:

— Господин может ласкать ее сколько угодно.

Я возразил:

— До чего ты непонятлива. Удовольствие от ласки в ненамеренности, только неотесанная деревенщина может грубо тискать женщину.

Аромат жасмина, приколотого к волосам женщин, смешался с запахом вина, пудры и масла для волос и резко бил в нос. Я в шутку заметил:

— О, это простонародье! От него воню за версту разит. Просто невмоготу.

Су-юнь, не сдержавшись, бросилась на меня с кулаками:

— Это от чьей же вони вам сделалось дурно?

Юнь тут же вынесла приговор:

— Она нарушила правило и наказывается двумя большими чашками!

— Но он оскорбил меня, почему же я не могу поколотить его? — возразила Су-юнь.

Юнь разъяснила:

— Он сказал: «О, это простонародье». Я выберу его за шутку и разъясню тебе, почему он так сказал.

Су-юнь пришлось выпить еще две чашки вина. Юнь пересказала ей нашу беседу о жасмине.

— Ладно, — согласилась Су-юнь. — Наказывайте меня.

И она выпила третью чашку.

— Говорят, что ты хорошо поешь. Может, споешь что-нибудь? — предложила Юнь.

И Су-юнь запела, отбивая по тарелочке ритм заколкой из слоновой кости. Юнь пришла в восхищение. Она весело пила вино, не заботясь, что пьянеет. Потом она села в паланкин и отправилась домой. Я еще поболтал с Су-юнь и домой воротился при свете луны.

В тот год мы жили в доме моего друга, Лу Бань-фана, в Сяошуанлоу. Через несколько дней супруга господина Лу от кого-то прослышала об этой истории. Она тайком сказала Юнь:

— Вы знаете, несколько дней назад ваш муж пьянствовал с двумя певичками у моста Десяти тысяч лет.

— Да, верно, — ответила Юнь. — Одна из певичек — я.

И она рассказала историю своего путешествия. Супруга господина Лу долго смеялась и ушла от Юнь успокоенная.

В седьмую луну года цзя-инь при правлении государя Цянь-луна я возвратился домой из Восточного Гуандуна; со мной был двоюродный брат Сюй Сю-фын, который привез из тех мест наложницу. Сю-фын всем расписывал ее красоту и даже пригласил Юнь поглядеть на нее. На другой день Юнь сказала Сю-фыну:

— Красива-то красива, но никакого обаяния.

Сю-фын возразил:

— Что ж, когда твой муж возьмет наложницу, она должна быть и красива, и обаятельна?

— Конечно, — ответила Юнь.

С этого момента она вбила себе в голову мысль о наложнице, и только недостаток в средствах останавливал ее.

В те времена в Чжэцзяне пользовалась известностью одна певица, по имени Вэнь Лэн-сян, жила она тогда в Сучжоу. Лэн-сян сочинила четыре поэмы под названием «Летит ивовый пух», списки стихов ходили по городу, и

многие любители поэзии пытались подражать им. Мой друг Чжан Сянь-хань, из Уцзяна, был старинным приятелем Лэн-сян, как-то он принес мне ее поэму и попросил что-нибудь написать в ответ. Я решил показать свое искусство и в ответ написал стихи. Были там такие строки:

Коснулась меня весенняя грусть
и заморозила.
Еще крепче разлуки нити
опутали меня.

Они особенно нравились Юнь.

На следующий год осенью, как раз на пятый день восьмой луны, моя матушка собралась вместе с Юнь посетить Тигровый холм. В тот день неожиданно-негаданно пришел Чжан Сянь-хань и сказал мне:

— Я ведь тоже отправляюсь на Тигровый холм. Приглашаю вас в одну компанию в качестве третьего избранника.

Я попросил матушку ехать первой, условившись встретиться с ней у Баньтана, что подле Тигрового холма. Мой друг потащил меня на лодку к Лэн-сян. Я увидел женщину уже в возрасте. При ней находилась ее юная дочь, по имени Хань-юань, как говорится, «еще невзрезанная тыковка», для нее еще не настал седьмой день седьмой луны. Она казалась одинокой яшмой, поистине про нее была строка: «В прозрачной осенней воде отражается холод людской».

Поговорив с ней, я узнал, что Хань-юань умеет писать и читать. У нее была сестра Вэнь-юань, совсем дитя.

В те времена мне была чужда всякая мысль о певичках, я сознавал, что бедному ученому нечего делать в их обществе. И на этот раз сердце мое билось от волнения, но, сделав над собой усилие, я включился в разговор.

Я тихонько шепнул Сянь-ханю:

— Я ведь бедный человек, а ты, видно, собираешься разыграть меня?

Сянь-хань рассмеялся:

— Да нет. Просто один человек пригласил меня и Хань-юань отобедать. Но случилось так, что ему самому пришлось идти к какому-то важному господину.

Я замещаю его в качестве хозяина, а тебя пригласил вместо гостя. Так что не беспокойся!

У меня полегчало на душе.

В Баньтане я нашел лодку матушки. Я попросил Хань-юань пойти к матушке и оказать ей знаки почтения. Юнь и Хань-юань встретились как старые друзья. Юнь взяла ее за руку и повела осматривать достопримечательности. Юнь особенно нравилось место под названием Тысяча цинов облаков, она долго восхищалась открывшимся видом. Поднявшись по реке, мы доплыли до Ефанбина, где стали на якорь и устроили веселую пирушку.

Перед тем как снова тронуться в путь, Юнь попросила меня:

— Может быть, ты составишь компанию господину Чжану, а Хань-юань будет путешествовать в моей лодке?

Я согласился. Лишь у Дунтинского моста я попрощался с Хань-юань и Чжан Сянь-ханем. Домой мы добрались только к третьей страже.

— Вот и нашла я, наконец, красавицу, полную обаяния, — сказала мне Юнь. — Я уже условилась с Хань-юань, что она завтра навестит нас, и мне следует подготовиться к этой встрече.

Я был удивлен:

— У нас ведь не золотые хоромы, нам не на что содержать подобных девиц, мы и так во многом себе отказываем. Это бред безумного! К тому же мы оба так счастливы, зачем тебе кого-то подыскивать?

— Она мне нравится, — с улыбкой сказала Юнь. — Отдай ее мне в услужение.

На следующий день в полдень пришла Хань-юань. Юнь радушно и ласково встретила ее, устроила небольшое угощение и игру в загадки — проигрывающий выпивал штрафную чашечку вина. До самого конца обеда о сговоре не было ни слова. Хань-юань ушла домой, и Юнь сказала мне:

— Я условилась с Хань-юань, что она приедет к нам на восемнадцатый день этой луны, и мы станем названными сестрами. Тебе бы следовало все приготовить для полагающегося жертвоприношения.

Затем, с улыбкой посмотрев на малахитовый браслет, что был у нее на руке, сказала:

— Если увидишь этот обруч на руке у Хань-юань, знай, что дело устроилось. Я намекнула ей о деле, но что из этого получится, не знаю.

Я решил во всем положиться на жену. Восемнадцатого дня шел проливной дождь. Тем не менее Хань-юань навестила нас. Она довольно долго пробыла в спальне Юнь, а потом обе женщины вышли, держась за руки. Хань-юань посмотрела на меня и застыдилась — малахитовый браслет был на ее руке. После того как курительные свечи были зажжены и союз заключен, мы решили продолжить пиршество. Но Хань-юань спешила на прогулку по озеру Шиху, она простилась с нами и уехала.

Юнь радостно сообщила мне:

— Вот и нашла я для господина красавицу, а как он собирается отблагодарить свою сваху?

Я попросил ее рассказать все подробно.

Юнь рассказала:

— Я заговорила с ней издалека, боясь, что, может, у нее кто-то есть на примете. А когда поняла, что никого нет, то сказала: «Понимаешь ли ты смысл сегодняшней встречи?» Хань-юань мне ответила: «Я удостоилась высокой почести, как говорится, „попынь нашла опору в яшмовом дереве“. Однако моя матушка возлагает на меня большие надежды, и я не могу поступать по своей воле. Давайте подождем и узнаем, каковы ее намерения». Когда я надевала ей свой браслет, то опять сказала ей: «Яшма отличается твердостью, а смысл круга — постоянство. Прошу тебя принять браслет в знак нашего сговора». Хань-юань ответила, что все зависит от меня. Кажется, она согласна. Вся сложность, конечно, в ее матушке. Посмотрим, как обернется дело.

Я рассмеялся:

— Уж не собираешься ли ты сыграть в жизни пьесу «Любовь в благовонном окружении»?

Юнь ответила:

— Да, да, собираюсь.

С того дня мы не говорили больше о Хань-юань. Вскоре она была просватана за одного влиятельного человека, и затея Юнь кончилась ничем. Узнав эту новость, Юнь едва не умерла от огорчения.

ПРИЯТНОЕ БЕЗДЕЛЬЕ

Помнится, ребенком я мог подолгу смотреть на солнце не мигая, мог отчетливо различать тончайшие линии и видеть самые мелкие предметы, подмечая их формы и узоры, я ощущал их неизъяснимую прелесть. Летом воздух звенит от комаров. Эти тучи комаров в моем воображении были кружащейся в воздухе стайей журавлей — сотней или даже тысячей самых настоящих журавлей. Задрал голову, я наблюдал за ними, пока не начинала ныть шея. Когда комары забивались ко мне под полог, я выпускал на них струйку дыма, заставляя пищать и кружиться в дымном воздухе, — они походили на белых птиц среди синих облаков, ведь и в самом деле журавли курлычат под облаками у края неба. Радости моей не было границ.

Иной раз, устроившись возле шерботой глинобитной стены или на террасе с цветочными горшками, а то и среди травы, я садился на корточки и замирал, внимательно вглядываясь в травы; тонкие стебельки становились для меня деревьями, букашки и муравьи — дикими зверями, земляные комья и камешки — горами, а ямки превращались в долины; и мой дух вольно странствовал среди них. Этот мир доставлял мне истинное счастье.

Однажды я увидел в траве двух яростно дерущихся насекомых; я был поглощен их борьбой и не заметил, как появилось какое-то жирное раздувающееся существо, вмиг обрушившее мои горы и вытоптавшее леса, — то была жаба. Одно движение языка — и она слизнула моих бойцов. От неожиданности я невольно вскрикнул. Потом, придя в себя, я поймал жабу, исхлестал ее пру-

том и выбросил в чужой двор. Вспоминая этот эпизод в зрелые годы, я понял, что схватка двух насекомых была борьбой за самку. Древняя поговорка гласит: «Прелюбодеяние — на шаг от убийства». Не так ли и у насекомых?

В другой раз, когда я с жадностью наблюдал жизнь вокруг себя, ко мне в «гнездышко» (у нас, в Сучжоу, мужскую принадлежность называют «гнездо») забрался земляной червь. Все у меня распухло, и я не мог мочиться. Тогда поймали гусака — считалось, что его слюна губительна для насекомых. Гусь открыл клюв и уже был готов склевать червя, но служанка почему-то выпустила его из рук, и гусь, угрожающе вытянув шею, пошел прямо на меня. Я испугался и заревел. Так рассказывали эту историю, когда хотели посмеяться надо мной. Таковы первые впечатления моего детства.

Повзрослев, я до самозабвения полюбил цветы, особенно карликовые деревца в горшках. От Чжан Лань-по я узнал способы подрезания веток и выращивания колена, постиг искусство сочетания цветов и расположения камней. За благоухание и скромное очарование среди цветов превыше всего ценится орхидея, но мне не удавалось достать действительно редкие и ценные, согласно каталогам, растения. Незадолго до смерти Чжан Лань-по подарил мне горшок с весенней орхидеей, ее лепестки походили на лotosовые, а сердечко было совершенно белым; цветоножка прикреплялась к стеблю точно горизонтально. Цветок был с широко раскрытой сердцевинкой, изящество его подчеркивала простота стебля — поистине, моя орхидея отвечала самым строгим требованиям. Цветы и листья ее были на редкость пышны. Я лелеял ее, словно то была старинная яшма с высеченными драконами. Когда мне случалось отлучиться из дому, орхидею поливала Юнь. Но не прошло и двух лет, как она в один день увяла. Я вытащил корни и осмотрел — они не были повреждены, но стали белые, будто яшма. Я ничего не мог понять, решил, что такова, видно, моя судьба. Повздыхал и на этом успокоился. Уже позднее я вспомнил, как один человек просил у меня отводок, я же не позволил делить корень, должно быть, он убил мою орхидею, плеснув на нее крутым кипятком. С того дня я поклялся не выращивать орхидей.

После орхидеи предпочтение я отдавал азалии. Она лишена аромата, но ее цветы долго радуют глаз, к тому же азалии легко переносят обрезку. Юнь до того любила цветов и жалела, что не позволяла мне делать частую обрезку, так что мне ни разу не удалось вырастить из куста деревце. Кстати, я не смог это сделать и с другими горшочными цветами.

С наступлением осени я со страстью увлекался хризантемами, — цветком, что некогда «вырос у восточной ограды в саду». Я люблю срезанные хризантемы, поставленные в вазах, и не люблю их в горшках.

Нельзя сказать, чтобы я вообще не любил хризантем, растущих в горшках, но у моей семьи не было своего сада и я не мог их сам выращивать, а те хризантемы, что продают на базаре, были ординарны. Они мне не нравились.

Расставляя хризантемы в вазе, бери нечетное число цветов, причем только одного тона. Для хризантем более подходит ваза с широким просторным горлом, а не узким, ибо красиво, когда цветы располагаются свободно. Словно исполненные достоинства, цветы должны гордо возвышаться прямо из горловины вазы, они могут и раскинуться в разные стороны, будто в танце или полете, однако надо избегать впечатления, что цветы понатыканы в вазе как попало; между ними следует оставлять пространство, а сам букет хорошо дополнить бутонами. Листья букета не должны производить впечатление прихотливой случайности, равно как стебли не должны торчать вертикально. Пользуясь иглами для поддержки цветов, длинные непременно обрезаешь, дабы они не вылезали наружу. Нельзя цветы собирать в кучу, но нельзя и слишком разбрасывать их: искусство композиции как раз в том, чтобы цветы не лежали на горловине, а располагались в соответствии с четырьмя правилами пространства живописного свитка. Правило гласит: «Горловина вазы требует безупречной четкости в расположении стеблей».

На столике лучше выставлять не менее трех ваз. Однако помни, когда ваз много, глаз перестанет различать цветы — это похоже на цветочный прилавок на базаре. Подставки для ваз бери разной высоты, от трех-четырех цуней до четырех-пяти, но не более — таким образом достигается гармоничное сочетание ваз и соз-

дается целостность композиции. Если же поставить высокую вазу в центре, а две поменьше — по бокам, или же низкую вазу поставить перед высокой, или расположить их симметрично, то получится, как говорится в народе, «горсть золы на парче». Поставишь ли ты вазы на расстоянии или же близко друг к другу, отодвинешь назад или, напротив, подвинешь вперед — композиция удастся лишь в том случае, если ты владеешь секретами живописи.

Можно также расположить цветы в чаше или широком блюде, способ поддержки цветов в таком случае следующий: надо смешать деготь и смолу с корой вяза, посыпать эту смесь мукой, полить растительным маслом и подогреть на огне до тех пор, пока смесь не станет клейкой, — вот этим клеем обмажь шляпки гвоздиков и прикрепи их к бронзовой пластинке. Затем прогрей пластинку и положи ее на дно чаши или блюда. Когда она остынет, обвяжи проволокой букетики цветов и наколи цветы на гвоздики. Цветы должны располагаться по краям блюда, а не торчать из середины; важно также, чтобы стебли не собирались в кучу, а листья не теснили друг друга. После этого налей в чашу воды, добавь чистого песка, чтобы казалось, будто цветы растут из глубины чаши.

Собираясь поставить в вазу цветущую ветвь, прежде всего помни секрет ее срезки, ибо не стоит несколько раз ходить за одной веткой в сад, а если поручить кому-то срезать ветку, так ведь она также может оказаться негодной. Выбери ветку на дереве, но прежде чем срезать, поверни ее и осмотри, снова водвори на место и опять осмотри, дабы мысленно представить себе, как она будет выглядеть в вазе. Обрежь наиболее пышно цветущие побеги, а те, что высохли или имеют вид старых и причудливых, оставь — они-то и красивы. Подумай и о том, как поставить ветку в вазу: войдет ли она в горловину изломом или скрючиваясь, притом избегай, чтобы листья и цветы оказались сбоку или сзади ствола. Например, тебе попала старая ветка, у которой ствол торчит почти вертикально. Если ее так и поставить в вазу, то ветви смешаются с цветами, цветы окажутся сбоку, а листья — позади ствола — считай, что композиция не удалась, ибо в ней потеряны и гармония, и очарование. Способ же подрезания ство-

ла и придания ветви изогнутости таков: надпили половину ствола и вставь на место излома камешек или кусочек кирпича — прямая ветвь искривится. Если же опасешься, что ветвь надломится, вбей в нее одну-две шпильки, чтобы получить твердый остов. Этим способом и лист клена, и ветвь бамбука, и даже трава и чертополох могут быть включены в композицию. К примеру, коленце молодого побега бамбука сочетается с ягодами краснотала, а несколько тонких травинок — с двумя веточками чертополоха; от такой композиции повеет особенным, пленительным очарованием.

Если задумаешь посадить в горшок цветущее деревце, пусть не смущает тебя ни ствол, растущий вкривь, ни листья, висящие сбоку, — пройдет год, и ветви, и листья сами поднимутся кверху. Кроме того, если ствол деревца сразу посадить прямо, то позднее будет трудно придать ему желаемый вид.

Что же до секретов выращивания карликового деревца в горшке и его обрезки, то выбирай только те экземпляры, чьи корни выходят наружу наподобие куриной лапы. Обрежь с обеих сторон корни так, чтобы стало их три, и после оставь один побег для роста. От одной ветки у карликового деревца должен отходить только один побег, всего же у него может быть семь-девять ветвей. Плохо, когда побег на ветке растет внутрь, наподобие сгиба в локте, или когда молодые веточки сидят на стволе точно наросты на ноге журавля. Чаше поворачивай горшок: если освещать растение только справа или слева, то, как говорится, и «грудь и спина будут голыми». Точно так же нельзя, чтобы веточки росли только спереди или сзади. Такие экземпляры карликовых деревьев называют «с двумя стволами» или «с тремя стволами» — у него от одного корня отходят два, а то и три ствола. Если корни не располагаются наподобие куриной лапы, а, напротив, идут прямо и походят на ствол, такое дерево не бери.

Для выращивания карликового деревца требуется лет тридцать, а то и сорок. Я знал только одного человека, который за жизнь вырастил несколько деревьев. Это старый Вань, по прозвищу Цай-чжан, он был моим земляком. Однажды в Янчжоу у одного купца мне довелось увидеть два карликовых деревца — самшит и кипарис, их подарил ему приятель из Юйшаня.

Увы! То были две светлые жемчужины, отданные невежественным людям. Никогда в жизни я не встречал таких интересных экземпляров.

Не позволяй ветвям расти словно крыша пагоды и не давай им скрючиваться наподобие земляных червей, такое деревце испорчено, это не произведение искусства, а топорное ремесло.

Располагай камни и цветы так, чтобы малая композиция походила на картину, в большом же плане умей передать ритм. Замечу, что очарование пейзажа подобно прелести чая: душистая влага одарит тебя своим ароматом и ты словно погружаешься в него душой — это ощущение сродни радости, которую может дать творчество в уединении.

Однажды я выращивал нарциссы, и у меня не нашлось для композиции камней из Линби, так я решил заменить их кусками древесного угля. Я взял бобовые ростки, пять-семь веточек разной длины (белизна их сродни снежно-белой яшме), и посадил их в песок, насыпанный на широкий глиняный поднос. Чтоб оттенить белое и черное, я дополнил композицию куском древесного угля. Получилось чрезвычайно интересно.

Трудно описать всевозможные варианты композиций, но стоит только начать составлять и занятие доставит тебе бесконечное наслаждение. Например, набери в рот семян аира благовонного и глотни немного холодного рисового отвара. Как хорошенько смочишь их, выплюнь на кусок древесного угля. Оставь уголь во влажном и темном месте, и через какое-то время семена прорастут. На любом блюде или плоске такой кусок угля создаст впечатление горы, поросшей мхом. Можно сделать и по-другому. Возьми уже подсохшее семечко лотоса, немного смочи его и помести в пустую яичную скорлупу. Затем вместе с другими обычными яйцами подложи под наседку. Когда цыплята вылупятся, вынь эту скорлупку из гнезда, достань из нее лotosовое семечко и посади его. Возьми землю, остатки ласточкина гнезда и почву из-под спаржи, коей должно быть не более двух десятых от общей доли. Эту землю с семенем помести в небольшой сосуд, залей свежей речной водой и выставь на солнце. Когда лотос зацветет, его венчик будет как раз с винную чашечку, а листья — не

более пиалы — и сколь нежен будет вид у этого крошечного цветка, одиноко поднятого над листьями!

Разбивая сады с павильонами, башенками, галереями и летними домиками, создавая насыпные каменные горки или выращивая цветущие деревья, держись следующих правил: в большом уме́й видеть малое, в малом — большое, в нереальности — действительность, в действительности — вымысел. Стремись ли ты передать в пейзаже впечатление уединения или, напротив, бескрайнего простора, секрет разбивки сада не в том, чтобы остроумно запутать дорожки, насыпать как можно больше камней и земли или истратить огромные средства. Здесь принципы иные.

Если на ровном ландшафте хочешь передать впечатление горы, насыпь земли и сделай горку, посреди нее положи камни, а между них рассадит травы и цветы. Для изгороди подойдут живые ветви цветущей сливы мэ́хуа, а у стены хорошо высадить ползучие лианы. Там, где большое и открытое пространство, лучше сажать быстрорастущий бамбук и сливу мэ́хуа, ее тонкие ветви дополняют резкую стройность бамбука. Подобный прием зовется «в большом увидеть малое».

Когда двор мал и хочешь создать впечатление простора, то окружающая его стена не должна быть ровной, лучше, если у нее будут впадины и возвышения. Каменную ограду закрой ползучими лианами, а сверху положи на нее большой камень с надписью, как на стелах. Тогда из окна увидишь стену, вид которой пробудит в тебе ощущение бескрайности. Вот это и значит «в малом увидеть большое».

Для мест, бедных водой и с равнинным рельефом, следует применять способы крайне неожиданного перехода от одного вида к другому — равно как дверца, наподобие той, что ведет в отхожее место, вдруг откроет тебе выход в сад. Это значит «в нереальном увидеть действительность». Сотвори эту воображаемую садовую калитку, замаскируй мнимый вход в сад бамбуковыми деревьями и камнями — так слегка наметишь то, чего вообще-то и нет. Это и значит «в действительности увидеть вымысел».

Поставь низенькие перильца по верху стены, они воскресят иллюзию, будто за стеной — терраса для

любования луной. Вот здесь сочетаешь и действительность, и вымысел.

Бедные ученые обычно живут в переполненном доме. Рекомендую им перенять способ, к которому прибегал один мой земляк — лодочник. Он остроумно расширил место на корме, устроив подобие многоярусных возвышений. Их он использовал как ложа. В одной маленькой каюте у него разместились три постели — между ними он поставил деревянные перегородки, обклеенные бумагой. Так благодаря описанному способу раздвинулись границы пространства. Когда я и моя жена жили в Янчжоу, мы применили этот же способ. Наш дом был небольшой, всего на две потолочные балки, но в нем разместились две спальни, кухня и небольшая гостиная, все комнаты были устроены по тому же принципу постепенного возвышения, и у нас даже оставалось немного свободного места. Юнь часто шутила:

— Хотя расположение комнат удачно, дому почему-то недостает впечатления богатства и роскоши.

Однажды я отправился обмести могилы предков и в горах подобрал несколько оригинальных камней с забавным рисунком. Возвратясь, я показал их Юнь, и она сказала.

— Я слыхала, что на камни из Сюаньчжоу наносили шпаклевку из масла и золы и клали на каменное белое блюдо, дабы выявить контраст цветов. Камни с нашей горы желтые, и хотя они имеют вид древних и просты по очертаниям, желтое и белое не контрастирует. Даже если вымазать их золой, пропитанной маслом, все равно будут выступать незакрашенные изломы. Не знаю, что нам с ними делать.

И далее Юнь предложила:

— Давай выберем острые камни, раздробим их и смешаем с золой — так замажем изломы, а когда камни обсохнут, может быть, они будут одного цвета.

Мы так и сделали. Потом взяли прямоугольное блюдо из исинской глины и на нем соорудили гору, которая уступами сходила в низину с правой стороны. На тыльной стороне горы мы нанесли пересекающиеся квадратные линии в стиле мастера Ни Юнь-линя, казалось, будто гора нависает над рекой. В одном углу блюда мы оставили пустое место, заполнили его довер-

ху речным илом и посадили болотную ряску — растение с обильными мелкими листочками, а на самом камне высадили кустик повилики — получилось подобие пейзажа «сосны в горах». На все это потребовалось буквально несколько дней. Когда же наступила пора поздней осени, повилика (точно то была глициния, свисающая с каменной стены) разрослась, покрыла всю нашу гору и густо зацвела ярко-красными цветочками. Из самой глубины воды широко раскинулась ряска. Этот мир из красного и белого на миг пробуждал в нас ощущение, что мы на волшебной горе Пэнлай. Наш пейзаж мы поставили под стрехой крыши. Мы с Юнь подолгу обсуждали его детали: где у нас будет крытый павильон над водой, где поставим увитую зеленью беседку, где выберем место для стелы с надписью: «Здесь опадают цветы, и поток уносит лепестки». Мы обозначали место, где поставим дом, где будем ловить рыбу, спорили, откуда открывается лучший обзор. Мы словно поселились в этом мире из долин и холмов. Но однажды ночью на крыше подрались две кошки, видно, не поделили какой-то кусок, они свалились со стропил и угодили прямо на наше блюдо с пейзажем и, конечно, разбили его вдребезги. Я вздохнул и сказал:

— Видно, даже столь малым деянием мы вызвали зависть создателя.

При этом оба мы не могли сдержать слез.

Возжечь ароматные курения в комнате — одно из пленительных удовольствий праздного духа. Юнь предпочитала аромат палочек из алойного дерева, иногда она брала палочки из другого дерева, но обязательно душистого. Прежде чем возжечь их, она пропаривала палочки в котле, потом выкладывала их на проволочную медную сетку над очагом, примерно на расстоянии полчи от огня, и таким образом просушивала. От палочек исходил удивительно тонкий запах, и они не дымили. В обращении с ароматными палочками нет никаких запретов. А вот цитрус фошоу, «Рука Будды», нельзя подносить к носу выпившему человеку, иначе плод протухнет. Древесную тыкву — мугуа следует обмывать водой во избежание плесени. Всех способов использования фошоу и мугуа невозможно описать, я много раз видел, как люди держали в руках и мугуа, и фошоу — и, судя по тому, как держали, было ясно,

что они не постигли искусства пользования этими плодами.

В моем доме на столике всегда стояла ваза с цветами. Юнь как-то сказала мне:

— Расставляя цветы в вазе, ты можешь передать впечатление ветра, солнечного дня, дождя и росы; ты умеешь постичь пленительную сущность цветка. Я слышала, что есть картины в стиле «цветы и бабочки», не мог бы ты создать подобный вид в натуре?

— Я не знаю, как поставить насекомое на ножки, и потому вряд ли у меня выйдет что-нибудь путное, — сказал я ей.

— Есть один прием, правда, боюсь, он покажется тебе предосудительным.

Я попросил рассказать.

— Ты ведь знаешь, что насекомые не меняют окраску после гибели, — начала она. — Можно выбрать подходящего богомола, бабочку или цикаду, проткнуть булавкой, и после, когда насекомое умрет, надо тонкой проволочкой привязать его за шейку к цветку или стебельку травы, установить ножки как требуется, будто оно сидит на стебле или спряталось в листьях. Насекомое будет выглядеть как живое.

Мне понравилось ее предложение. Многие из тех, кто видел мои композиции с насекомыми среди цветов, приходили в восторг. Вряд ли найдется другая женщина, которая проявила бы такое понимание в подобных вещах, как моя супруга.

Когда я жил с ней в Ишаи у господина Хуа, его жена просила Юнь обучить двух ее девочек чтению. У них был открытый солнцу двор, так что летом стоял нестерпимый зной. Юнь научила хозяев делать на редкость изящные цветочные ширмы. Каждая ширма состояла из четырех створок. Юнь взяла две небольшие палки, примерно в четыре-пять цуней, и положила их параллельно, а поперек прибила четыре перекладины, каждая около одного чи. Затем по углам образовавшегося квадрата сделала небольшие круглые дырки, в которые воткнула бамбуковые шесты, у нее получилась шпалера высотой шесть-семь чи. На дно шпалеры она поставила горшок с цветным горошком, который вскоре поднялся и покрыл опору. Все устройство можно было легко передвинуть даже вдвоем. Ширмы можно расстав-

лять в любом месте — перед окнами или дверьми; своей зеленой тенью они полностью закрывают окно, заслоня вас от солнца и пропуская дуновение ветерка. Подобные заграждения могут быть сделаны в любой форме в соответствии со временем года и предназначенным для них местом. Они и называются «подвижные цветочные ширмы». Для них лучше всего подходят ползучие и душистые цветы. Поистине такие ширмы хороши для всякого загородного дома.

Имя моего друга Лу Бань-фана — Чжан, прозвание Чунь-шань (Весенняя гора); он искусно писал сосны, кипарисы, сливу и хризантемы, владел каллиграфическим стилем лишу и был отменным резчиком печатей. Нам случилось жить в его доме в Сяошуанлоу около полутора лет. Дом был обращен фасадом на восток. Я занимал три комнаты. Как в дождливую, так и ясную погоду из комнат открывался изумительный вид. Кроме нас в доме жил слуга и пожилая женщина, при которой была еще молоденькая дочка. Слуга умел шить, а старуха — пряхть. Юнь занялась вышиванием, а старик стал шить на продажу платье, так мы добывали себе пропитание.

По натуре я гостеприимен. И где бы ни собирались мои приятели, я всегда предлагал игру со штрафными чарками вина. Юнь была удивительная мастерица стряпать недорогие блюда: тыква, овощи, рыба и креветки в руках Юнь приобретали редкий и совершенно особый вкус. Мои друзья знали, что я беден, поэтому каждый старался внести свою денежную лепту, дабы у нас была возможность собраться. Я любил со своими друзьями чувствовать себя свободно и легко и стремился всегда, чтоб место, где я жил, было безупречно чистым.

В тот год меня часто посещали несколько друзей: это Ян Бу-фань, имя его Чан-суй, он превосходно писал портреты; Юань Шао-юй, другое имя его Пэй, мастер пейзажа; Ван Син-лань, имя Янь, мастер живописи цветов и птиц. Они любили Сяошуанлоу за уединенную изысканность. Обычно они приходили с принадлежностями для рисования, и я учился у них искусству живописи. Мои друзья делали за плату прописи в стиле цао и чжуань или резали печати. Выручив деньги, они отдавали их Юнь, чтоб она могла приготовить для го-

стей чай и купить вино. Все дни мы говорили только о поэзии и обсуждали достоинства живописных свитков. Среди моих друзей были и незаурядные люди — братья Ся Тань-ань и Ся И-шань, братья Мяо — Шань-инь и Чжи-бо, или такие, как Цзян Юнь-сян, Лу Цзюй-сян, Чжоу Сяо-ся, Го Сяо-юй, Хуа Син-фань, Чжан Сянь-хань. Они приходили без зова и уходили, когда хотели, — словно то были ласточки, прилетающие в свое старое гнездо под стрехой. Не раз Юнь вынимала из волос шпильку и продавала, чтобы иметь возможность угостить друзей вином, и никогда не сердилась. Ни один день не проходил у нас без друзей. Нынче мои друзья словно облака, отнесенные порывом ветра, разбросаны по всему свету, а женщина, которую я люблю, мертва. Разбитая яшма, благоуханный аромат погребен под землей! Сколь грустно обращаться к прошлому!

В Сяошуанлоу мы строго блюли четыре запрета: не говорить о получении государственных должностей и продвижении по службе, не толковать о судебных делах и сплетнях, не обсуждать сочинения, поданные на императорские экзамены, не играть в карты или кости — всякий, кто нарушал хотя бы одно из правил, покупал пять цзиней рисовой водки. Мои друзья ценили в поведении непосредственность и простосердечие, скрытое очарование и изящество, несдержанность и порывистость без чванства, спокойствие и молчаливость.

В долгие летние дни мы устраивали своего рода экзаменационные сессии. Прежде всего отбирались восемь участников состязания, каждый из которых был обязан иметь при себе две сотни мелких монет. Сперва мы тянули жребий, кому из нас быть первым, — он становился нашим главным экзаменатором и усаживался на специальное возвышение; второй становился секретарем, он тоже усаживался отдельно, остальные превращались в соискателей-кандидатов. Каждый получал у секретаря лист бумаги с печатью. Главный экзаменатор давал нам тему — фразу из пяти и семи слов. За короткий срок, пока не сгорит ароматическая палочка, мы должны были написать стихотворение. Мы бродили по комнате, не имея права сесть или перекинуться словом. Тот, кто уже выполнил задание, обязан был положить листок с текстом в шкатулку и возвратиться на место.

После того как все сочинения были положены в шкатулку, секретарь открывал ее и переписывал стихи в тетрадь, которую потом передавал главному экзаменатору — таким образом пресекалась всякая возможность подделок.

Нам предлагалось написать три семисложных стихотворения и три пятисложных. Тот, кто напишет лучшее из предложенных шести стихотворений, становится экзаменатором на следующей сессии, а тот, кто станет вторым, будет секретарем. Неудачно написавший одно стихотворение подвергался штрафу в размере десяти монет, не написавший два — платит двадцать, провалившийся по всем статьям — наказывается удвоенным штрафом. За сессию главный экзаменатор собирал до сотни монет, мы называли этот сбор «пожертвования на благовонные курения». А так как за день мы проводили сессию из десяти экзаменов, то у нас собиралась тысяча монет, на которые мы могли купить вина и закусок для грандиозного пира. Только сочинения Юнь проходили как специальные сочинения должностных лиц, поэтому ей разрешали сидеть и давали время подумать.

Однажды в саду Ян Бу-фань написал два портрета: Юнь и мой, оба наброска отличались большим сходством. Той ночью ярко светила луна, вырисовывая на белой стене тень орхидей, нас охватило какое-то неземное настроение. Ван Син-лань, уже достаточно вдохновленный вином, сказал:

— Бу-фань может нарисовать не то что ваш портрет, но даже и тень цветка.

Я рассмеялся:

— А тень цветка будет столь же хороша, как и портрет?

Тогда Ван Син-лань взял лист белой бумаги, прикрепил его к стене и едва наметил на нем тень цветка. Когда наутро мы взглянули на рисунок, то хотя это и был всего лишь набросок, где цветы и листья были едва намечены, тем не менее он передавал ощущение лунного света. Юнь очень дорожила этим рисунком. И каждый из моих друзей сделал на нем свои стихотворные надписи.

В Сучжоу есть два приятных места, одно называется Южный сад, другое — Северный сад. Была как раз

пора цветения, и мы собрались на прогулку. К досаде нашей, в тех местах не оказалось винной лавки, где можно было пропустить по чашечке вина. Одни настаивали, чтобы пойти искать винную лавку, другие предлагали вначале полюбоваться цветами, а потом вернуться домой и устроить пирушку. Я же считал, что все это не то, ибо самое лучшее — пить теплое вино в компании с цветами. Так мы не пришли к какому-либо решению. Слушая наши споры, Юнь словно в шутку сказала:

— Если завтра каждый из вас выложит нужную сумму, я сама перенесу очаг.

Мы, смеясь, согласились. Когда друзья ушли, я спросил:

— Как ты это сделаешь?

Она ответила:

— А я не собираюсь ничего делать. Я видела, как на базаре торговли пельменями хумьтунь носят с собой очаг и котел, это все, что им требуется. Почему бы не нанять кого-нибудь и взять котел и очаг с собой? Я приготовлю еду, а когда вы придете на место, поставите очаг и подогреете закуску, вино и чай.

Я сказал:

— Овощи и вино мы подогреем. Но вряд ли сумеем вскипятить воду для чая.

В ответ Юнь сказала:

— А вы возьмите глиняный горшок, приделайте к нему из проволоки ручку и поставьте на очаг вместо котла, остается подбросить веток — и чай готов.

Я захлопал в ладоши.

За сто монет мы наняли одного продавца пельмени, некоего Бао, и договорились, что завтра же после полудня он отправится с нами. Когда на следующее утро пришли мои друзья, все те, кто хотел любоваться цветами, и я поведал им о наших планах, восторгам не было конца. После обеда мы двинулись в путь, захватив с собой циновки и подстилки. Добравшись до Южного сада, выбрали место в тени тополей и сели в кружок. Сперва вскипятити воду и выпили чаю, а потом подогрели вино и поставили на огонь закуски. Дул мягкий ветерок, светило яркое солнце, солнечные лучи золотили землю. По полю ходили женщины, их зеленые юбки и красные рукава мелькали среди межей. Бабоч-

ки и пчелы кружились в воздухе — вид, от которого и без вина опьянеешь. Вскоре вино и закуски были подогреты, мы расселись на траве, и началось великое чревоугодие. Наш пельменщик оказался человеком на редкость приятным и негрубым, мы потащили его выпить с нами. Люди, что проходили мимо, с завистью глядели на наше забавное времяпрепровождение.

Скоро чашечки для вина и тарелки были пусты и валялись на траве в беспорядке. Мы были навеселе, кто сидел, а кто лежал, кто пел, а кто насвистывал. Красный диск солнца клонился к закату. Я предложил: «Неплохо бы выпить рисового отвара», — и попросил нашего пельменщика купить рису и приготовить отвар. Сытые, в хорошем настроении мы возвратились домой.

— Весело вы провели день? — спросила Юнь.

Мы хором воскликнули:

— Без ваших стараний, достойная благоустроительница, ничего бы не было.

Все рассмеялись и довольные разошлись.

Бедному ученому приходится экономить на всем: на еде, одежде, довольствоваться скромной мебелью и утварью, но в то же время он должен стремиться к тому, чтобы его дом производил впечатление изысканности и чистоты. Способ экономии тот же, что и в присловье: «Веди дела в соответствии с возможностями».

К примеру, я люблю немного выпить и не охотник до обильных трапез. Юнь обычно ставила еду на поднос с рисунком в виде цветущей сливовой ветви. На подносе умещалось шесть глубоких тарелок: ту, что из белого фарфора, Юнь ставила в центре, а пять других, лакового дерева, — по сторонам — получалось подобие цветка сливы. Тарелки располагались так, чтобы центральное блюдо было выше других. На крышку блюда водружалась палочка, она была стеблем. Когда поднос выставлялся на столике, он походил на черный цветок, а когда открывали крышку, овощи были уложены словно цветочные лепестки. Одного такого подноса вполне хватало на компанию в два-три человека. У нас был еще и другой поднос, круглый и с низкими краями, на него было удобно класть палочки, поставить чайник и чашечки для вина, его можно было легко перенести в любое место. Вот лучший способ сэкономить на еде.

Юнь сама делала для меня шляпы, воротники к

платью и носки. Рваное платье мы латали, ставя заплаты то в одно место, то в другое, но тем не менее оно всегда выглядело чистым и опрятным. Для платья я выбирал ткани спокойных тонов по той причине, что на них пятна менее заметны и его можно надевать и дома, и идя в гости. Вот лучший способ экономии на платье.

Когда я впервые прибыл в Сяошуанлоу, я посчитал, что в доме темно, оклеил стены белой бумагой, и стало заметно светлее. В летние месяцы окна вынимались, а так как в доме не было перегородок, становилось пустынно и неуютно.

Юнь как-то предложила:

— Почему бы не перегородить комнату старой бамбуковой ширмой.

— А как?

— Возьми несколько бамбуковых палок черного цвета и обознач ими углы прихожей. Затем поставь стойки и перекладины. Разрежь пополам бамбуковую ширму и приколоть половинки к поперечным перекладинам — так получится прихожая. Затем из четырех коротких бамбуковых шестов, скрепленных проволокой, сделай перегородку, пришей или прикрепи к ней с обратной стороны кусок темной материи. Это создаст впечатление закрытого пространства и будет даже нарядно, к тому же и денег не стоит.

Вот это пример ведения дел в соответствии с возможностями. Я припоминаю высказывание древних: «Веточки бамбука и опилки — все может сгодиться», и в этом есть смысл.

Юнь придумала интересный способ ароматизации чая — когда с наступлением лета зацветал лотос, она оставляла на ночь в цветке шелковый мешочек с чайным листом, ведь чашечка лотоса закрывается с наступлением сумерек и открывается ранним утром. На следующее утро мы вынимали мешочек и заваривали чай на воде из источника, у чая был удивительно нежный аромат.

СКОРЬБЬ УТРАТЫ

Откуда берутся невзгоды, выпадающие нам в жизни? Чаще всего они ниспосылаются в наказание, но в моем злосчастии повинен не я. Я был расположен к дружбе и свято чтил данное слово, но мое простосердечие и неумение сдерживать чувства обрекло меня на многие неприятности. Моего отца, господина Цзяфу, по праву можно было назвать рыцарем щедролюбия: в беде он тотчас приходил на помощь. Он вечно улаживал чьи-то дела или устраивал брачные союзы. Людей, обласканных им, не счесть. К тому же он сорил деньгами, словно то был песок, и все для чужих. После женитьбы мы с Юнь остались жить в родительском доме. Иной раз, когда у нас возникала в чем-то нужда, нам приходилось закладывать вещи. Поначалу мы кое-как сводили концы с концами, но со временем это стало трудно. Пословица гласит: «Без денег нет счастья в семье». Бедность навлекла на нас злобу мелких людей, а потом и колкие насмешки со стороны моей семьи.

Сколь справедливо древнее речение: «Отсутствие талантов у женщины — уже добродетель!» Поскольку я был старшим в семье, по счету третьим сыном, все родственники, дальние и близкие, и моя семья называли Юнь саньян — «третья сестрица». Вскоре, однако, это обращение переделали на сань тайтай — «третью госпожу». Шутку повторяли так часто, что она обратилась в привычку. Уже в одном этом мне мнилось стремление унижить Юнь, которая была старше меня на десять месяцев. Не было ли это предвестием наших семейных бед?

В год под циклическими знаками и-сы при правлении государя Цяньлуна я вместе с отцом прибыл в хайнинский ямынь. Вместе с письмами семьи приходили и весточки от Юнь. Отец посчитал, что у нее хороший почерк, и как-то сказал мне:

— Твоя жена знает грамоту, пусть помогает матери писать письма.

Но однажды до моей матушки дошли какие-то слухи, она заподозрила, что это Юнь превратно изложила в письме одно домашнее происшествие, и более не стала обращаться к ее услугам. Когда отец заметил, что письма написаны не рукой Юнь, он осведомился у меня:

— Что, твоя жена больна?

В тот же день я отправил Юнь письмо, умоляя ее объяснить, в чем дело. Ответа не было. Спустя некоторое время отец открыто изъявил свое недовольство:

— Мне кажется, твоя жена тяготится писать за мать письма.

Когда, наконец, мы вернулись домой, и я узнал истинную подоплеку происшедшего, я собрался было тактично объяснить отцу, что же произошло, но Юнь удержала меня:

— Пусть лучше гневается твой старик, чем я потеряю расположение свекрови.

Поэтому относительно этого события отец так и остался при своем убеждении.

Весной в год гэн-суй я поехал сопровождать отца в Наньцзян. Там мы поселились рядом с неким Юй Фу-цином, сослуживцем отца, который, кстати, привез с собой и семью. Как-то в разговоре с ним отец обронил такие слова:

— Всю жизнь я провел в обременительных хлопотах вдали от дома и семьи, и мне всегда хотелось иметь при себе человека, который бы заботился обо мне. Если сын питает ко мне истинное почтение, он должен подыскать мне какую-нибудь женщину. Желательно, чтоб она была из тех же краев, что и я, не будет различий в выговоре.

Фу-цин в точности передал мне пожелание отца, и я тайно отправил Юнь письмо с просьбой присмотреть для него наложницу. Моя жена вскоре нашла подходящую девицу, урожденную Яо. А поскольку сговор

еще не состоялся, она не стала уведомлять об этом мать. Когда же девица прибыла к нам в дом, Юнь, скрывая обстоятельства и цель ее приезда, сказала матери, что Яо из наших краев и совершает увеселительное путешествие. Вскоре отец поручил мне доставить наложницу к нему в покои. Его поступок породил много толков, в частности говорили, будто он давно уже имел намерение соединиться с этой девицей. Когда же истинный смысл происходящего стал очевиден моей матушке, она сказала Юнь:

— Но ведь ты говорила, что Яо совершает увеселительное путешествие. С какой же стати мой муж взял ее в наложницы?

Так Юнь восстановила против себя и свекровь.

Весной в год жэнь-цзы я жил в Чжэньчжоу. После путешествия в Янчжоу по реке Ханьцзян мой отец тяжело занемог. Я тотчас же поехал к нему, но вскоре и сам заболел. В это время к отцу приехал мой младший брат Ци-тан. В письме ко мне Юнь сообщила: «Ци-тан занял крупную сумму у нашей соседки. Он просил меня поручиться за него, и вот теперь соседка требует немедленного возвращения долга». Я спросил у брата, верно ли это. Ци-тан стал отнекиваться, говорить, что старшая невестка суется не в свои дела. Поэтому я отписал Юнь: «Нынче мы оба больны, к тому же у нас нет денег, чтобы немедленно заплатить долг. Подожди, пока вернется мой младший брат. Пусть сам выпутывается».

Вскоре отец выздоровел, и я отбыл в Чжэньчжоу. В мое отсутствие пришел ответ от Юнь. Отец сам распечатал ее письмо. Как я потом узнал, Юнь снова писала о том, что Ци-тан занял большую сумму. А в конце следовали такие слова: «Твоя мать считает, что в болезни старика повинна наложница. Как только он оправится от своих недугов, посоветуй Яо сказать старику, будто бы она скучает по дому. А я тем временем попрошу ее родителей приехать в Янчжоу и забрать ее домой. Это единственный выход». Письмо привело отца в неистовую ярость. Прежде всего он спросил Ци-тана, действительно ли тот брал в долг, и мой брат заявил, что впервые об этом слышит. Затем отец написал мне: «Твоя жена занимает тайком от тебя деньги и клеветает на твоего брата. Более того, у нее хватает

дерзости называть свекровь „твоей матерью“, а меня, почтенного отца твоего, „стариком“. Нет и не может быть более недостойной грубости. Я уже отправил домой нарочного с повелением, в коем предписал изгнать ее из дому. Если у тебя осталась хоть малость соображения, ты должен сам понять ее вину».

Это известие поразило меня как гром среди ясного неба. Я немедленно написал ответ, умоляя о прощении, вскочил на коня и поспешил домой в страхе, как бы Юнь не покончила с собой. В то время как я объяснял своим домашним, как все произошло, принесли письмо от отца, в котором тот не преминул изобразить поведение Юнь в самых мрачных тонах. Юнь, рыдая, сказала:

— Конечно, не следовало мне употреблять такие слова, но я сделала это по неведению, свекор мог бы простить меня.

По прошествии нескольких дней отец известил меня о новом решении:

— Я не хочу наказывать вас с излишней строгостью. Но избавь меня от своего присутствия, заведи жену и оставь мой дом. Так вы избежите более сурового проявления моего гнева.

Я хотел было отправить Юнь на некоторое время к ее родственникам. Но матушка ее давно умерла, младший брат убежал из дому, да и сама Юнь не желала зависеть от родственников. К счастью, мой друг Лу Бань-фай, прослышав о нашей беде, сжалился над нами и пригласил пожить у него в Сяошуанлоу. Через два года отец, наконец, узнал всю правду. Это случилось после того, как я вернулся из Линнани. Он сам приехал к нам в Сяошуанлоу. Обращаясь к Юнь, отец сказал ей тогда:

— Я знаю всю правду. Почему бы вам обоим теперь не возвратиться под родительский кров?

Домой мы вернулись втроем и счастливо зажили в нашем старом доме. Согласие в семье было восстановлено. Но кто знал, что история с певичкой Ханьюань принесет нам новые несчастья!

Юнь издавна страдала кровотечениями. Недуг особенно обострился после того, как ее младший брат в один прекрасный день покинул родительский дом, да так никогда и не вернулся. Вслед за тем умерла мать,

убитая тоской по сыну. Юнь была подавлена горем. С тех пор как она подружилась с Хань-юань, у нее целый год не было кровотечений, и мы стали надеяться, что благотворное воздействие дружбы окажется для нее лучшим лекарством. Но вскоре Хань-юань рассталась с нами: ее просватали за одного богатого влиятельного человека, который дал за нее тысячу золотых монет. Если бы не эти деньги, ее мать умерла бы с голоду. Наша красавица-подруга должна была уехать в княжество Кашгар. Я не сразу решился сообщить эту новость Юнь. Но однажды, когда она была в гостях у Хань-юань, та сама поведала ей всю правду. Вернувшись домой, Юнь сказала мне, безутешно рыдая:

— Я никогда не предполагала, что Хань-юань постигнет такая злосчастная судьба.

Я ответил:

— Возьми себя в руки. Какова по-твоему должна быть участь певички? Коль скоро она привыкла «одеваться в шелка и вкушать яшмовую пищу», то никогда не сможет довольствоваться шпилькой из шипа терновника и холщовой юбкой. Неужели лучше жить в бедности и горевать, что тебя никто не берет замуж!

Не менее трех раз я принимался успокаивать и утешать ее. Юнь была так потрясена, что кровотечения возобновились с новой силой. Ни пребывание в постели, ни целебные снадобья — ничто не помогало. Временами, казалось, наступало улучшение, но потом все возобновлялось.

Но не только это омрачало нам жизнь. С каждым годом долги наши росли, а мы сами оказались мишенью насмешек всей семьи. Отец мой и родственники были недовольны Юнь, укоряя ее за то, что она стала названной сестрой певички. Я же, оказавшись между двух огней, совсем отчаялся и уже не знал, бывает ли счастье в жизни.

Нашу дочь звали Цин-цзюнь. К тому времени, о котором я пишу, ей исполнилось четырнадцать. Она знает письмо. Отличаясь редкой понятливостью, быстро научилась преодолевать трудности жизни, закладывая золотые заколки и платье. Был у меня и сын Фэн-сэнь. Ему шел двенадцатый год, и он ходил к учителю. Долгие годы я нигде не служил и, чтобы прокормить семью, открыл лавку по продаже книг и живописных свитков.

Трехдневного дохода от лавки едва хватало, чтобы протянуть один день, и мы дошли до крайности.

Ни у кого из нас не было теплого платья, и в суровые зимы оставалось лишь запастись терпением. Цин-цзюнь ходила в легком платье и, хотя вся дрожала, упорно твердила:

— Мне не холодно.

Видя нашу нищету, Юнь отказалась от лекарей и перестала принимать пилюли.

За это время Юнь лишь однажды поднялась с постели. Это случилось в тот день, когда из управы князя Фу приехал мой друг Чжоу Чунь-суй. Он искал мастерицу, чтоб заказать вышивку к обложке буддийского фолианта «Сутра сердца». Привлеченная значительным вознаграждением, обещанным за работу, Юнь предложила свои услуги. К тому же она верила, что за украшение буддийского канона судьба отведет от нас беды и ниспошлет нам счастье. Мой друг спешил и не мог долго ждать, и Юнь пришлось закончить работу за девять дней. Конечно, для человека такого слабого здоровья это было непомерным напряжением. Недомогания ее усилились, она стала жаловаться на боли в спине и головокружение. Не думал я, что Будда откажет в милосердии столь несчастному человеку, как я.

Юнь закончила работу, и состояние ее здоровья ухудшилось. Теперь забота о ней еще большим бременем легла на мои плечи, она то и дело требовала, чтобы ей подали воды или вскипятили чай.

Рядом с моей лавкой снимал помещение один шансец. Он жил тем, что под высокий процент ссужал деньгами. Время от времени он заказывал мне картины. Так, собственно, мы и познакомились. Один из моих приятелей захотел занять у него пятьдесят серебряных монет и попросил меня быть поручителем. Я не считал возможным отказать ему. Вскоре приятель скрылся, прихватив с собой все деньги. Ростовщик, конечно, за долгом пришел ко мне, причем каждый его визит сопровождался руганью. Поначалу я пытался заплатить долг своими картинами, но в конце концов их запас иссяк. Наступил такой момент, когда у меня не осталось ни одной вещи, которую я мог бы отдать в погашение долга. В конце лета мой отец возвратился

домой, и ростовщик потребовал от него уплаты долга, подняв сильный шум у нас в доме. Узнав, в чем дело, отец принялся меня ругать. Он сказал:

— Мы принадлежим к кругу, где в обычае носить шапку и пояс чиновника, и не можем брать на себя уплату долгов низких людишек.

Я собрался объяснить ему, как все произошло, но в это время появился посыльный от подруги Юнь из Сишаня, урожденной Хуа, с которой Юнь с детских лет считались названными сестрами. Проведав о нездоровье Юнь, Хуа прислала нарочного. Но отец почему-то решил, что это посыльный от певицы Хань-юань, и, рассердившись еще больше, сказал:

— Твоя жена не блюдет своего достоинства — она стала названой сестрой певички. Да и сам ты, вместо того чтобы водить знакомство с приличными людьми, якшаешься со всяким сбродом. У меня не хватает духу убить тебя, я даю тебе три дня срока, чтоб ты покаялся в своих поступках, — иначе я подам на тебя в суд, обвинив в непочтительности.

Услыхав об этом, Юнь залилась слезами и сказала:

— Это я повинна в том, что отец в гневе. Я знаю, что ты не пережил бы моей смерти. Но и я не перенесу разлуки с тобой. Попроси разрешения войти посыльному от Хуа, я хочу поговорить с ним наедине.

Поддерживаемая дочерью, Юнь вышла в передние покои и принялась расспрашивать слугу из дома Хуа:

— Действительно ли госпожа прислала тебя ко мне или же ты, отправившись по другим делам, просто заглянул мимоходом?

Слуга ответил:

— Моя госпожа давно наслышана о вашей болезни и хотела бы сама навестить вас, но она еще ни разу не покидала своего дома и не решилась приехать. Она наказала мне передать, что, если вас не смущает жизнь в бедном деревенском доме и вы не побрезгуете простой пищей, она будет рада видеть вас у себя, дабы исполнить обещание, которое вы дали друг другу в детстве, — в те времена, когда вы вместе вышивали по вечерам, сидя у одной лампы.

Посыльный напомнил Юнь о детской клятве помогать друг другу в бедах и несчастьях.

— Возвращайся побыстрее к своей госпоже и по-

проси ее через пару дней тайно прислать за нами лодку, — наказала ему Юнь.

Когда слуга отбыл, она сказала:

— Поистине союз между сестрами неразделим, словно плоть и кость. Если ты согласен пожить у Хуа, посидим вместе. Взять с собой дочь и сына мы не можем, оставить их на попечение родственников тоже нельзя, поэтому нам следует за эти два дня как-то пристроить детей.

Был у меня друг по имени Ван Цзинь-чэнь, который прочил мою дочь в жены своему сыну Юнь-ши.

— Я слышала, — сказала Юнь, — что молодой Ван слаб здоровьем и не блещет талантами. В лучшем случае он будет лишь послушным сыном. Но он единственный сын в семье, где чтут ученость и канон. Я думаю, можно принять это предложение.

Я тут же известил о нашем решении Цзинь-чэня.

— Между моим батюшкой и вами, господин, — сказал я ему, — отношения столь тесные, что и между реками Вэй и Ян. Некогда вы имели намерение взять Цин-цзюнь в жены своему сыну, и вот вам наше согласие. Однако обстоятельства сейчас таковы, что мы с супругой не можем ждать, пока она достигнет надлежащего возраста, так как отбываем в Сишань. Прошу вас переговорить с моими родителями и взять мою дочь к себе в дом в качестве жены-подростка.

Ван Цзинь-чэнь обрадовался.

— С радостью принимаю ваше решение, — сказал он.

Попечение о сыне я доверил своему доброму приятелю Ся И-шаню, который взял его в лавку, чтобы он приучался к торговле. Едва наши приготовления были завершены, прибыла лодка от Хуа. Это было как раз двадцать пятого дня двенадцатого месяца в год под циклическим знаком гэн-шэнь. Юнь сказала:

— Если мы сейчас выйдем за ворота, боюсь, не избежать нам насмешек соседей, к тому же найдутся люди, вроде того шансийца, и просто не дадут нам сесть в лодку. Ехать надо завтра утром, в пятую стражу, когда все еще спят.

Я спросил:

— А сможешь ли ты, больная, подняться так рано?

— Смерть ли, жизнь ли, все в руках судьбы, — ответила Юнь. — Что будет — то будет.

Я сообщил отцу о своем решении. И он его одобрил. В ту же ночь я взял коромысло и тайком перенес часть вещей в лодку. Сыну я велел лечь пораньше. Цинцзюнь плакала подле матери. Юнь, как могла, утешала ее:

— Судьба неблагоприятна ко мне, к тому же я была несдержанна в своих чувствах. Потому и очутились мы в столь бедственном положении. Мое счастье еще, что твой отец так привязан ко мне, тебе нечего за меня беспокоиться. Через два-три года дела наши непременно уладятся и вся семья вновь соединится. Когда ты войдешь в новый дом, постарайся быть хорошей невесткой, не будь похожа на меня. Я знаю, что твоя свекровь и свекор рады взять тебя в жены своему сыну, они будут добры к тебе. Все, что остается в наших корзинах и сундуках, — твое, возьми эти вещи с собой. Младший брат еще мал годами, и лучше, чтобы он пока ничего не знал. Перед отъездом мы скажем ему, что я еду к лекарю и вернусь через несколько дней. Лишь когда наша лодка будет далеко, скажи ему всю правду и попроси деда присмотреть за ним.

Сопровождать нас вызвалась одна пожилая женщина, та самая, которая некогда сдала нам свой летний дом, о чем я писал уже в первой тетради своих записок. Она сидела рядом с нами и, пока шел этот разговор, вытирала безостановочно льющиеся слезы. Перед пятой стражей мы разогрели чжоу. С немалым усилием сделав веселое лицо, Юнь пошутила:

— Прежде мы ели чжоу перед встречей, теперь вот едим перед расставанием. Если захочешь сочинить рассказ, то заголовок уже есть — «Записки о том, как ели чжоу».

Услыхав шум, проснулся Фын-сэнь.

— Что ты делаешь, мама? — невнятно пробормотал он.

Юнь ответила ему:

— Я собираюсь ехать к лекарю.

— Почему так рано?

— Нам предстоит далекий путь. Ты останешься дома с сестрой, постарайся не надоедать бабушке и деду. Я уседу из дому вместе с папой и вернусь через несколько дней.

В это время, возвещая рассвет, трижды прокричал

петух. Обливаясь слезами и поддерживаемая нашей сопроводительницей, Юнь хотела уже было выйти через заднюю дверь, как вдруг Фын-сэнь поднял громкий плач.

— Я знаю, мама никогда не вернется назад, — кричал он.

Цин-цзюнь поспешно прикрыла ему рот рукой, чтоб он не разбудил домашних, а потом постаралась утешить его. Мне казалось, будто рвется некая пуповина, соединяющая меня с сыном. Я не в состоянии был говорить, только просил его не кричать. Цин-цзюнь затворила за нами дверь. Юнь не успела сделать и десяти шагов, как силы оставили ее. Я потащил ее на спине, а сопровождавшая нас женщина несла перед нами фонарь. Когда мы подошли к лодке, нас остановили сторожа. К счастью, наша спутница догадалась сказать им, что Юнь — ее заболевшая дочь, а я — зять. Лодочники услышали шум, поспешили к нам навстречу и помогли перебраться в лодку. Юнь захлебнулась слезами. Дурные предчувствия не обманули ее: она в самом деле никогда больше не увиделась с сыном.

Господин Хуа носил имя Да-чэн, жил он в Уси, что на дунгаоских горах. Его дом был как раз обращен к горам. Человек он трудолюбивый, притом чрезвычайно простой и честный. В полдень мы уже добрались до места. Госпожа Хуа ждала нас у ворот. Завидев издали приближающуюся лодку, она в сопровождении двух своих маленьких дочек подошла к берегу.

Обе женщины были рады встрече. Юнь с помощью подруги выбралась из лодки. Нам был оказан самый теплый прием. Со всей округи собрались дети и женщины. Они шумной толпой ввалились в дом поглядеть на Юнь. Одни спрашивали о новостях, другие просто выражали свое расположение или хотели познакомиться. Весь дом шумел и галдел. Видя этот переполох, Юнь сказала госпоже Хуа:

— Я чувствую себя как тот рыбак, который попал к Персиковому источнику.

Хуа ответила:

— Не шутите так, сестрица. Конечно, наш деревенский люд мало что видел на свете и многое ему в диковинку.

В доме наших гостеприимных хозяев мы прожили в

полном согласии вплоть до нового года, т. е. прошло не более двух шестидневок со дня нашего приезда. Наступил пятнадцатый день первой луны — праздник фонарей. Юнь немного окрепла и могла самостоятельно сделать несколько шагов. В ту ночь мы отправились посмотреть представление с фонарями и шестие дракона, которое устраивалось на большом молотильном току. Я заметил, что настроение и состояние Юнь постепенно приходят в норму. На душе у меня стало спокойно, и я уже начинал обдумывать всевозможные планы.

— Не можем же мы здесь жить вечно, — сказал я ей однажды. — Но, честно говоря, у нас нет денег, чтобы мы могли куда-нибудь двинуться. Что же нам делать?

Юнь ответила:

— Помнится мне, что супруг твоей сестры, господин Фань Хуэй-лай, что ныне служит начальником цзинцзянской соляной управы, лет десять назад одолжил у нас десять золотых монет. Тогда нужной суммы не оказалось и мне пришлось продать мою драгоценную заколку.

— Да, верно, я совсем забыл об этом.

— Так вот, я слышала, что отсюда недалеко до Цзинцзяна, так почему бы тебе туда не съездить?

Я последовал ее совету и в шестнадцатый день первой луны года синью отправился в путь. Было тепло, так что в вельветовом халате и короткой безрукавке из саржи я чувствовал себя вполне сносно. Ночевал я на постоялом дворе в Сишане, где попросил на ночь одеяло, а на следующее утро нанял лодку. Поездка оказалась нелегкой. Непрерывно дул встречный ветер, пошел и небольшой дождь. К ночи, когда мы пристали к цзинцзянской пристани, я продрог, до мозга костей. Чтобы согреться, я купил вина, истратив на это последний чох. Всю ночь я проворочался, размышляя, не заложить ли мне нижнюю рубаху, чтобы заплатить за паром. К девятнадцатому дню первой луны ветер усилился, повалил густой снег. Не в силах терпеть холод, я заплакал. Еще раз прикинув стоимость постоя и переезда на пароме, я понял, что нечего и мечтать о рюмке вина. И вот когда от холода сердце мое заледенело, а кости заломило от дрожи, я увидел пожилого человека.

На нем были сандалии и войлочная крестьянская шапка, на спине он тащил желтый сундук. Я сразу узнал его, и он меня тоже. Я спросил его:

— Почтенный господин! Вы Цао, уроженец Тайчжоу?

— Он самый, — ответил тот. — Если бы не вы, я давно бы умер в какой-нибудь канаве или яме. Моя младшая дочь, которая жива и здорова, вспоминает о вас с благодарностью. Не думал я, что мы с вами встретимся нынче. Какой ветер занес вас в эти края?

Здесь я должен объяснить, что познакомился я с этим человеком несколько лет назад, когда служил в тайчжоуском ямыне. В те времена Цао жил в большой бедности. У него была дочь редкой красоты, к тому времени она была уже за кого-то просватана. Но нашелся некий влиятельный человек, который ссудил Цао деньгами, а потом возбудил иск, намереваясь вытребовать у него не только долг, но и девушку. Я помог уладить это дело, а затем препроводил девушку в семью будущего мужа. Тогда-то старик Цао и пришел в ямынь с подарком и, склонившись в глубоком земном поклоне, благодарил меня.

И вот нам довелось встретиться вновь. Я объяснил Цао, что еду к мужу сестры, но мое путешествие прервано сильным снегопадом.

— Если завтра небо прояснится, — сказал Цао, — я поеду с вами, так как и мой путь лежит в том же направлении.

Он вынул несколько монет и купил вина, стараясь таким образом выразить мне свою симпатию.

На рассвете двадцать второго дня, когда только-только раздались первые удары колокола, я услышал крик паромщика, зазывающего пассажиров. Я тут же поднялся и пригласил Цао вместе идти на паром. Но он сказал:

— Не торопитесь. Давайте сперва поедим.

Он заплатил за мой постой и за все, что я там должен, и потащил меня поесть. Но я уже так устал от бездействия и так спешил переправиться на тот берег, что еда не лезла в горло — еле-еле проглотил два кунжутных блина. Когда мы, наконец, взошли на паром, ветер пронзил меня сотнями стрел и я снова задрожал от холода.

Цао сказал:

— Эту лодку наняла некая вдова. Говорят, у нее муж удавился в Цзинцзяне. Придется подождать ее.

С пустым брюхом, замерзший, я едва дождался полудни, и вот, наконец, мы двинулись. Когда мы прибыли в Цзинцзян, уже смеркалось. Цао сказал:

— В Цзинцзяне два присутственных места. Родственник, к которому вы направляетесь, служит в самом городе или за его пределами?

— Право, не знаю,— ответил я, в подавленном настроении следуя за ним по пятам.

— Тогда надо поискать ночлег,— предложил Цао.— А к нему пойдем завтра утром.

Мы зашли на постоялый двор. Мои туфли и носки были насквозь мокрые, все в грязи, и я положил их у очага, чтоб подсушить. Кое-как поев, истомленный усталостью, я погрузился в беспокойный сон. Когда наутро я проснулся, оказалось, что носки мои наполовину сгорели. Цао опять заплатил за мой стол и приют.

Наконец мы добрались до дома моего зятя Хуэй-лая. Дом его оказался в самом городе. Но Хуэй-лай еще не вставал. Услышав о моем приходе, он быстро оделся и вышел. Мой жалкий вид его испугал:

— Что с вами? Как вы дошли до такого плачевного состояния?

— Не спрашивайте пока ни о чем. Дайте мне в долг две серебряные монеты, если у вас есть при себе деньги, мне надо отдать их моему попутчику.

Хуэй-лай дал мне два юаня, и я протянул их Цао. Цао ни за что не хотел брать деньги, лишь после моей настойчивой просьбы он взял один юань и ушел. Только тогда рассказал я шурина обо всем, что со мной случилось, а также и о цели моего прихода. Хуэй-лай ответил мне так:

— Мы с вами близкие родственники, и даже если бы я не брал у вас денег, моя обязанность помочь вам, чем только смогу. К несчастью, наши джонки с солью захвачены пиратами. Сейчас у меня плохо с деньгами. Боюсь, что не смогу дать вам большую сумму. Не согласитесь ли вы принять юаней двадцать в погашение моего долга?

Я не уповал на большее, возражать не стал. Через

два дня небо прояснилось, потеплело, и я отбыл. Двадцать пятого дня первой луны я был уже дома.

Юнь сразу же спросила меня:

— Снег захватил тебя в пути?

Я рассказал ей о моих злоключениях. Юнь горестно заметила:

— Когда повалил снег, я полагала, что ты уже в Цзинцзяне, а ты, оказывается, плыл по реке. Хорошо еще, что тебе повстречался этот старый Цао, поистине, небо милосердно к хорошим людям.

Через несколько дней мы получили письмо от Цин-цзюнь, из которого узнали, что ее младший брат уже служит в лавке моего друга И-шаня. С согласия и благословения моих родителей Цин-цзюнь в двадцать четвертый день первой луны вступила в новый дом. Можно было считать, что судьба моих детей устроена, но разлука с ними причиняла нестерпимую боль и родителям, и детям.

В начале второй луны повеяло теплом. С деньгами, которые я получил от шурина, я собрался в новый путь — навестить моего земляка Ху Кэнь-тана, он служил в янчжоуской соляной управе. Через него мне удалось получить должность писаря в отделе таможенного надзора. Я почувствовал, что жизнь моя налаживается. В восьмую луну года жэнь-суй я получил от Юнь письмо, в котором она писала: «Я полностью оправилась от своей болезни. В наши намерения никогда не входило обременять собой родственников или знакомых. Я с удовольствием приехала бы в Янчжоу и посетила знаменитые своей красотой горы Пиншань». Я поспешил снять дом. Дом был расположен подле ворот Первой весны, по ту сторону реки, и состоял из двух комнат. Затем я сам поехал к Хуа, чтобы перевезти Юнь. Госпожа Хуа дала нам в услужение мальчика по имени А-шуан, который помогал готовить еду и убирать дом. Я пригласил их к себе, заверив в самых дружеских чувствах. Но время десятой луны в Пиншане — холодная пора, и мы отложили визит до следующей весны.

Так, преисполненный упованиями, что спокойная и не оравленная заботами жизнь будет способствовать окончательному выздоровлению Юнь, я уже мечтал о том времени, когда семья наша вновь соединится, как

мясу надлежит быть рядом с костями. Но не прошло и месяца, как в управе, где я служил, сократили штат на пятьдесят человек. И я, который не имел влиятельного покровителя, оказался в числе освобожденных от дел. Юнь начала было строить сотни планов о том, что мне предпринять, и, стараясь быть веселой, даже утешала меня, ни разу не упрекнув и не высказав обиды. Так мы протянули до весны года гуй-хай, когда у Юнь разразилось новое кровотечение. Я опять собрался к мужу сестры в Цзинцзян, чтобы просить о помощи. Но Юнь удержала меня.

— Чем искать поддержки у родственников, лучше обратимся к друзьям.

— Что верно, то верно, — ответил я. — Но хотя друзья и преданы мне всей душой, они тоже сейчас не у дел и сами ищут, где бы приютиться.

Юнь пришлось согласиться.

— К счастью, погода сейчас теплая, вряд ли в пути тебя застигнет снег. Потому отправляйся в путь и скорее возвращайся. А за меня не беспокойся.

К этому времени деньги мои иссякли. Но я не хотел волновать Юнь и сделал вид, будто иду нанимать мула, тогда как сам решил идти пешком. Захватив с собой несколько лепешек, я направился на юго-восток. В пути я пересек две речки и, пройдя около восьмидесяти или девяноста ли, очутился в совершенно безлюдном месте. Шло время, одна стража сменяла другую, а я видел перед собой лишь бескрайнее море желтого песка. Светлый день уже сменился сумерками, когда, наконец, я набрел на молельню, воздвигнутую в честь здешнего бога-покровителя. Эта молельня, высотой не более пяти чи, окружена была низенькой глинобитной стеной, у входа стояли два кипариса. Преклонив колени, я сотворил молитву и, обращаясь к богу этих мест, молвил так:

— Я, некий Шэнь из Сучжоу, иду к родственникам, но в дороге сбился с пути. В твоём храме хочу обрести пристанище на ночь. Не оставь меня своим милосердием.

Затем я вынул из ниши маленькую каменную курильницу и, поставив ее подле молельни, постарался втиснуться в освободившееся пространство. Но места было слишком мало. Поэтому я сел на землю, надвинув на лоб зимнюю шапку. Колени мои торчали наружу.

Я закрыл глаза и попробовал сосредоточить мысли на чем-нибудь постороннем. Вокруг молельни слышался лишь посвист ветра. Мгновение спустя, сломленный усталостью и с изнуренной душой, я впал в дремоту, точно в беспамятство. Когда я пробудился, на востоке уже брезжил свет. Вдруг за низенькой оградой мне послышались шаги и чья-то речь. Я тотчас вылез из своего убежища и увидел местных крестьян, которые шли на базар. Я расспросил их о дороге. Они сказали:

— Идите прямо на юг, и через десять ли будет городок Тайсинсянь, пройдя этот городок, поверните к юго-востоку и еще через десять ли доберетесь до земляных дамб. Когда минете восьмую по счету насыпь, начнется проезжий тракт, который приведет вас к Цзинцзяну.

Поблагодарив крестьян, я вернулся к молельне и поставил курильницу на прежнее место. Затем, преклонив колени, возблагодарил бога за приют и двинулся дальше. В Тайсинсяне я нанял телегу, к часу шэнь прибыл в Цзинцзян и тотчас направился к родственнику.

Отдав визитную карточку, я довольно долго ждал приема, наконец вышел слуга и сказал мне:

— Господин Фань отбыл в Чанчжоу по делам службы.

По его смущению я понял, что это ложь. Но все же я спросил, когда господин вернется.

— Не знаю, — был ответ.

Тогда я заявил:

— Пусть мне придется торчать здесь год, я все равно дождусь его.

Слуга, догадавшись о цели моего визита, потихоньку спросил:

— А правда ли, что госпожа Фань приходится вам родной сестрой?

Я ответил:

— Не будь она моей сестрой, стал бы я дожидаться господина Фаня!

Слуга сказал тогда:

— Прошу господина обождать.

По прошествии трех дней мне объявили, что господин Фань возвратился в Цзинцзян, и выдали двадцать пять монет. Я нанял осла и поспешил домой.

Я застал Юнь взволнованной и в слезах. Она сразу же огорошила меня известием:

— Вчера вечером А-шуан сбежал, прихватив все наши вещи. Я попросила соседей поискать мальчика, но его до сих пор не нашли. То, что он исчез, огорчает меня гораздо больше, чем пропажа вещей. Когда мы уезжали, его мать трижды повторила просьбу, чтобы я хорошенько присматривала за ним. Если он удрал домой, ему придется переезжать через Янцзы. Мало ли что может случиться на реке! А вдруг родители укроют его в потайном месте и потребуют вернуть им сына? Что мы тогда будем делать? С каким лицом я предстану перед своей названной сестрой?

Я сказал ей:

— Не волнуйся. Давай рассудим спокойно. Тот, кто прячет своего сына с целью шантажа, делает это ради денег. Но все прекрасно знают, что у каждого из нас по две руки, по одному рту и ничего больше. Он прожил полгода в нашем доме, мы его кормили и одевали и за все это время ни разу не подняли на него руку, ни разу не выбрали, об этом знает вся округа. Я думаю, что этот малый давно уже исподличался и, видя, что дела наши день ото дня хуже, улизнул с нашим скарбом. Что же до госпожи Хуа, которая приходится тебе названной сестрой и которая послала с нами этого негодника, то именно ей, а не тебе должно быть стыдно. Следует немедленно сообщить о его бегстве в управу — так мы избежим дальнейших осложнений.

Мои доводы несколько успокоили Юнь. И все же во сне она часто всхлипывала и бормотала:

— А-шуан убежал! Как могла Хуа возложить на меня такую ответственность!

Ее состояние день ото дня ухудшалось. Я хотел послать за лекарем, но Юнь воспротивилась.

— Ты же знаешь, — сказала она, — что моя болезнь началась от изнурения, вызванного душевной тоской, когда убежал брат, а вслед за тем умерла матушка. Недуг обострялся каждый раз, когда на нас обрушивалось несчастье. Всю жизнь я остерегалась делать промахи, всей душой стремясь быть хорошей невесткой. Но у меня ничего не вышло. Я уже настолько тяжело больна, что никакой, даже самый хороший врач мне не поможет. Поэтому прошу тебя, не делай

ненужных трат. За двадцать три года нашей согласной супружеской жизни я всегда была уверена, что ты любишь меня, несмотря на мои недостатки.

Пусть я испытала много горя — зато судьба подарила мне мужа и друга, подобного вам! Я была счастлива все время, пока у нас было платье, хотя и простое, но все же на вате, пока у нас хватало овощей и риса и мы были сыты, а в доме царило согласие. Я была счастлива, как небожительница, спустившаяся в мир людей, когда мы гуляли среди ручьев и камней, наслаждаясь красотой пейзажа вокруг Цанланского павильона или в Сяошуанлоу. Но ведь мы смертные, нам не стать небожителями, которые могут, постигнув тайны тайн, продлить свою жизнь на много поколений. Наше счастье возбудило зависть самой судьбы, и она послала нам тяжелые испытания. Тебе не следовало так сильно любить ту, которая повинна во всех твоих несчастьях.

Она замолчала, а затем, подавив рыдания, заговорила вновь:

— Сто лет — срок человеческой жизни. Мы расстаемся, пройдя лишь половину пути. При мысли о том, что я не смогу до конца твоих дней прислуживать тебе «с совком и метелкой» и не увижу своими глазами свадьбы Фын-сэня, сердце мое разрывается на части.

По ее лицу покатались крупные, как горошинки, слезы.

Я постарался утешить ее.

— Ты болеешь уже восемь лет, и за это время несколько раз тебе было так же худо. Почему именно сегодня тебе приходят такие грустные мысли?

Юнь ответила:

— Несколько дней подряд я вижу один и тот же сон: будто мои родители прислали лодку, чтобы забрать меня к себе. А когда я закрываю глаза, то чувствую себя легкой, как небожительница, шествующая по облакам и туманам. Не потому ли, что душа моя уже отлетела, а здесь осталось только брэнное тело?

— Ты больна, тебе надобно принять целительные и подымающие силы снадобья, — сказал я ей, — тогда ты обретешь душевный покой и поправишься. Уверен, что ты исцелишься от всех своих недугов.

Но она, продолжая всхлипывать, возразила:

— Если бы хоть тоненькая паутинка еще связывала меня с жизнью, я не осмелилась бы завести этот разговор. Но вот-вот я вступлю на дорогу, ведущую во мрак, и если не выскажу сегодня все, что хожу, завтра будет поздно. Я знаю, что это из-за меня вы не пользовались благорасположением родственников и потерпели неудачу в жизни. Когда я умру, отношение родителей к вам изменится и вы сами почувствуете себя с ними проще. Ваши родители уже стары, поэтому возвращайтесь к ним побыстрее. Если не сможете похоронить мои останки на родине, оставьте гроб пока здесь. Перевезете, когда сможете. Я надеюсь, что вы найдете себе жену, которая будет и добродетельна, и красива. Пусть она займет мое место, чтоб служить вашим родителям и утешать моих осиротевших детей. Обещайте мне, и я умру спокойно.

Мое сердце разрывалось от боли, и, не владея более собой, я зарыдал. Я сказал Юнь:

— Даже если мы расстанемся с тобой на середине пути, я никогда больше не женюсь. «На что тому ручеек, кто видел великое море, и на что тому облако, кто видел Ушаньскую тучку».

Юнь взяла меня за руку, желая еще что-то сказать. Но смогла лишь тихо вымолвить:

— Ухожу в мир иной.

Вдруг дыхание ее стало прерывистым, уста сомкнулись, глаза широко открылись, и сколько ни звал я ее по имени, она не откликалась. Слезы бежали двумя струйками по ее щекам. Какое-то мгновение они текли непрерывно. Но через некоторое время они высохли, грудь перестала судорожно вздыматься, и душа Юнь без всяких усилий покинула тело, начав свое вечное странствие. Это случилось тринадцатого дня третьей луны в год под знаком гуй-хай, под девизом Цзяцин.

В комнате, освещенной лишь слабым мерцанием светильника, кроме меня, не было ни души. Я крепко сжал кулаки, опасаясь, что сердце не выдержит таких мук. Горю моему не было границ. После долго не покидала меня тоска. Да и может ли наступить ей конец?

Мой хороший друг, по имени Ху Кэнь-тан, выказал свое добросердечие и дал мне десять золотых монет. Все, что у меня нашлось годного для продажи, я обратил в деньги. Эта сумма и пошла на скромные похо-

роны моей жены... Увы! Увы! Юнь принадлежала к числу женщин, которые одарены талантом и широтой души мужчины. С того времени, как она вошла в мой дом, я часто оставлял ее, чтобы раздобыть денег на еду и платье. Моя жена бедствовала, ей приходилось даже голодать, но ни разу я не слышал от нее слова жалобы. Когда я бывал дома, нашим любимым развлечением было рассуждать о словесности. Юнь умерла, изнуренная болезнями, с обидой и болью в душе. Кто же, как не я, за все это в ответе? Как теперь мне исполнить долг перед лучшим моим другом? Я хочу сказать в предупреждение всем мужчинам и женщинам, вступающим в брачный союз: избегайте всего, что ведет к ненависти, но и не попадайте в тенета чрезмерной любви. Недаром пословица гласит: «Супруги, почитающие любовь высшим благом, не живут вместе до конца своих дней». Пусть будет вам предостережением несчастная моя судьба!

Народ верит, что душа усопшего, прежде чем отойти навсегда, должна в какой-то определенный день еще раз возвратиться домой. Поэтому в тот день, убирая жилище, ему придают тот же самый вид, какой оно имело при жизни покойного. На кровать кладут платье усопшего, а его туфли ставят тут же, на полу. Все это делается для того, чтобы дух покойного, возвратясь, мог в последний раз проститься с домом. На моей родине, в Сучжоу, этот обычай называется «закрывание глаз усопшему». В тот день в обычае приглашать святого даоса, чтобы он сотворил заклинание. Монах призывает душу посетить ложе смерти, а затем он отправляет ее обратно. В народе это называется «встреча с духом». В Янчжоу же этот обычай несколько иной: в комнате покойного домашние расставляют блюда с яствами и ставят чаши с вином, а затем уходят из дому, чтобы «избежать беды». И случается, что воры целиком очищают дом, оставленный без всякого присмотра.

В канун возвращения души Юнь хозяин дома, где я жил, ушел. Соседи заклинали меня расставить подношения, а самому убраться подальше. Но я горячо желал увидеть возвращение души Юнь. Один из соседей, по имени Чжан Юй-мынь, долго меня отговаривал:

— Вы можете подпасть под чары демонов, — гово-

рил он.— Я верю, что так бывает, хотя, по правде сказать, своими глазами ничего подобного не видел.

Я отвечал ему:

— Я тоже верю в духов, поэтому-то останусь здесь и не покину дом.

Но Чжан возразил:

— Препятствовать возвращению духа в дом нельзя. Это может иметь пагубное последствие для вас. Даже если это будет душа вашей супруги, мир света и мир тьмы несоединимы. Боюсь, что вы так и не увидите облик той, которую жаждете видеть. А не желая уйти из дому, вы рискуете подпасть под чары демонов.

Но я, как одержимый, упорно твердил одно:

— Жизнь ли, смерть ли — на все воля судьбы. Если вы, сударь, так за меня беспокоитесь, почему бы и вам не остаться со мной?

— Ладно, буду стоять за дверью. Если заметите что-либо странное, тотчас зовите меня, — согласился Чжан.

И вот в сопровождении Чжана, с лампой в руках, я вступил в комнату. Она была убрана точно так же, как в тот день, когда Юнь покинула меня. Облик и голос моей любимой уже поглотило небытие, и я, не сдержав душевной боли, невольно заплакал. Я боялся, что из-за слез глаза мои потеряют остроту и я не увижу ту, которую так жаждал встретить. С усилием я сдержал слезы, и, усевшись на кровать, стал ждать. Неожиданно прикоснувшись к платью жены, все еще сохранявшему ее аромат, я на миг потерял ощущение боли, от которой разрывалось все мое существо, и тут же потерял сознание. Как долго продолжалось мое забытие — не могу сказать. Наконец, в мозгу моем вновь возникла мысль, что я жду душу. Я открыл глаза и огляделся. На низеньком столике горели две свечи, мерцающая бледным пламенем. Внезапно их огонь уменьшился до размеров боба. Волосы у меня встали дыбом. Я потер лоб и внимательно всмотрелся в пламя. Оно разгоралось, поднимаясь все выше и выше. Вот оно достигло высоты пяти чи и стало лизать балки потолка, обклеенные бумагой. Воспользовавшись этой неожиданной вспышкой, осветившей комнату, я огляделся по сторонам. И тут вдруг пламя осело. Сердце бешено колотилось в моей груди, я весь дрожал и готов был

уже позвать соседа, дежурившего за дверьми, но не решился, боясь воспрепятствовать приходу души. Я только потихоньку окликнул Юнь по имени и сотворил молитву. Комната была погружена во мрак, и я почти ничего не видел. Затем пламя свечи разгорелось вновь, но уже не достигло прежней высоты. Я вышел из комнаты и рассказал обо всем Чжан Юй-мыню. Тот посчитал меня неустрашимым храбрецом, тогда как я был всего-навсего безумцем.

Когда я похоронил жену, мне пришли на ум строки, сочиненные поэтом Линь Хэ-цзином: «Жене подношу ветку сливы, а аист — мой дар сыновьям», — поэтому я решил сменить свое прозвание на Мэй-и, что значит «Вновь обретший ветку сливы». Я похоронил Юнь со всеми подобающими почестями подле западных ворот в Янчжоу. Место это называлось Гора золотой кассии, но в народе его именовали Драгоценной пагодой дома Хэ. Там я и купил место для могилы, выполнив тем самым последнюю волю своей жены.

Домой я возвратился с деревянной дощечкой для поминовения. Моя матушка была глубоко опечалена известием о смерти Юнь. Мои дети, Цин-цзюнь и Фын-сэнь, одетые в траур, пришли ко мне с горьким плачем. Выждав удобный случай, Ци-тан сказал мне:

— Ты знаешь, отец все еще в гневе на тебя. Возвращайся пока в Янчжоу. Когда наш почтенный родитель вернется домой, я поговорю с ним и постараюсь убедить его простить тебя. Тогда и извещу письмом, чтобы ты возвращался.

Я поклонился своей матери и опять расстался с детьми. Долго рыдал я перед тем как покинуть родные места. Затем отбыл в Янчжоу, где жил тем, что продавал свои картины. Часто ходил на могилу Юнь и, сидя там в полном одиночестве, предавался горю. А если мне случалось проходить мимо старого дома, где мы некогда жили, я испытывал нестерпимые муки.

В канун праздника девятого дня девятой луны трава на могилах пожухла. Зеленым оставался лишь холмик Юнь. Кладбищенский сторож сказал:

— Место это благоприятно для захоронений, здесь пышно цветет дух земли.

В этот день я потихоньку обратился к Юнь с мольбой:

— Осенний ветер уже силен, на мне же только тонкое платье. Помогите мне получить какую-нибудь должность, чтобы я мог бы прожить безбедно до конца своих дней. А пока мне приходится уповать на милость родных.

Вскоре после этого некий Чжан Юй-ань, письмоводитель из цзяндуского ямыня, отправился в Чжэцзян на похороны родителей. Перед отъездом он попросил меня заместить его на три месяца. Так я смог пережить зимние холода. С наступлением тепла полномочиям моим пришел конец, однако Чжан предложил мне остаться у него в доме. Но вскорости и он лишился своего места. Когда он сказал мне, что нам трудно будет вдвоем протянуть до нового года, я вместо ответа отдал ему двадцать монет — все, что я имел, молвив при этом:

— Эти деньги я намеревался истратить на перенесение гроба Юнь на родину. Вы можете вернуть их мне, когда буду уезжать домой.

В тот год праздник Нового года я встретил в семье Чжана. Я ждал новостей из дому, день проходил за днем, но не было ни слуху ни духу.

Наконец, в третью луну года цзя-цзы пришло письмо от Цин-цзюнь, в котором она сообщала о болезни отца. Я томился желанием вернуться в Сучжоу, но боялся отцовского гнева. Пока я раздумывал, ехать или не ехать, пришло второе письмо от дочери, где она писала, что отец умер, пораженный тяжелым недугом. Болью пронзила меня мысль, что я не сказал отцу прощального слова. Напрасно, стая, взывал я к небу, было уже поздно: оставалось только вернуться как можно быстрее домой. Я ехал, не останавливаясь ни при светлом дне, ни при звездном небе. А добравшись домой, с плачем и в слезах бился головой перед гробом, пока не потекла кровь... Увы! Нелегко жилось моему отцу, вечно покидал он дом ради службы. А я, непутевый сын, ничем не мог порадовать своего дорогого отца, пока тот был жив, и не мог подать ему лекарство, когда тот был болен. Поистине, велика моя вина.

Видя мои горестные стенания, матушка спросила:

— Почему же ты не прибыл в тот же день, как только получил известие о болезни отца?

— Если бы не письмо вашей внучки Цин-цзюнь, я ничего бы и не знал, — ответил я.

При этих словах матушка метнула быстрый взгляд на жену Ци-тана, но не произнесла ни слова.

Семь дней и семь ночей не отходил я от гроба отца, и за это время ни один родственник не обратился ко мне по какому-нибудь семейному делу или по поводу похоронной церемонии. Стыдясь, что не смог выполнить свой сыновний долг, я никого ни о чем не спрашивал. Однажды у ворот нашего дома собрались какие-то люди. Они подняли галдеж, называли меня недоимщиком и требовали, чтобы я возвратил им деньги, когда-то якобы занятые мной. Я вышел к ним и сказал:

— Конечно, вы имеете право требовать возмещения долгов. Но подобает ли шуметь так громко над еще не остывшим телом моего отца? Есть у вас совесть?

Тогда один из них потихоньку сообщил мне:

— Поймите, господин, мы пришли сюда по просьбе одного человека. Пожалуйста, скройтесь, а мы потребуем возмещения долгов у него.

Я ответил:

— Я сам свои долги выплатил, прошу вас удалиться.

Не вступая со мной в спор, они почтительно откланялись и ушли.

Я тотчас позвал Ци-тана, чтобы поговорить с ним начистоту.

— Хотя твой старший брат, — сказал я ему, — достоин порицания, он еще никогда не преступал законов человеческих. Если же речь идет о том, чтобы сделать из меня наследника, который бы расплачивался с ростовщиками, то запомни, что я за всю свою жизнь не взял ни одного медяка из семейных денег. Неужели ты думаешь, что я спешил на похороны отца только ради того, чтобы поделить с тобой наследство? Достойный муж не нуждается в подачках, ибо сам умеет стоять на ногах. С пустыми руками я пришел сюда, с пустыми руками и уйду.

Высказав все, что у меня было на душе, я повернулся лицом к гробу, и снова из глаз моих полились слезы.

Я попрощался с матушкой и объявил дочери, что хочу принять монашеский постриг — «удалиться на гору и предаться покою, следуя святому Чи Сун-цзы». Цин-

цзюнь заклинала меня не делать этого. К ней присоединились несколько моих друзей и среди них братья Ся — Нань-сюнь, известный под литературным именем Дань-ань, и Фэн-тай, в литературных кругах известный под именем И-шань. Они настойчиво принялись увещавать меня оставить эту мысль.

— Мы не виним тебя, что ты дал волю гневу, натолкнувшись в семье на столь нелюбезный прием, — говорили они. — Хотя отец умер, твоя матушка все же здравствует, и хотя жена твоя почилла, сын еще нуждается в поддержке. Если ты оставишь мирскую жизнь, будет ли у тебя спокойно на душе?

Я спросил их:

— Что же мне делать?

Дань-ань предложил мне:

— Я хочу пригласить вас в свое убогое жилище. К тому же я прослышал, что господин Ши Чжо-тан, уйдя в отставку, собирается возвратиться домой. Почему бы вам не поговорить с ним? Думаю, он сможет подыскать для вас подходящую должность.

Я сказал братьям:

— Едва ли это возможно. Еще не истек сотый день траура по отцу, да и ваша матушка по-прежнему живет у вас в доме. И-шань тогда заметил:

— Это пусть вас не беспокоит, мой отец собирается вернуться домой. Если же вам не подходит наш дом, то подле нашей усадьбы есть монастырь. Тамшний монах-настоятель с нами в дружеских отношениях. Почему бы не попросить у него приюта?

Я согласился. На прощание Цин-цзюнь сказала мне:

— Дедушка оставил нам не менее трех-четыре тысяч золотых монет. Если уж вы, отец, отказываетесь от своей доли наследства, примите хотя бы мешок, который брали с собой во время путешествий. Я найду его и пришлю в монастырь.

Помимо мешка, я получил еще несколько книг и картин, принадлежавших моему отцу, а также плитки прессованной туши и подставки для кистей.

Монах-настоятель устроил меня в павильоне под названием Великое милосердие. Фасадом павильон был обращен к югу. Я расположился в боковом покое павильона, где было окно в форме луны. Во дворе мо-

настыря находилось изображение Будды. Люди, посвятившие себя служению Будде, обычно просили здесь подавание. Неподалеку от моего жилья стояла еще статуя Гуань Юя — бога войны. Вид у вооруженного мечом бога был поистине устрашающим. Посреди двора рос огромный, в три обхвата, серебристый абрикос, под тенистой кроной которого укрывался весь мой павильон. Когда ночью ветер пробегал по ветвям, дерево тихо вздыхало. И-шань часто навещал меня с вином и фруктами. Обычно он шутил:

— Вы тут совсем один. Не боязно ли?

Я отвечал ему:

— Я прожил честную жизнь, к тому же не суеверный. Чего страшиться?

Вскоре после моего приезда начались ливни. Дождь лил дни и ночи, целый месяц. Временами я боялся, что дерево не выдержит напора воды и рухнет всей тяжестью на мое жилище. Но благодаря милосердию богов ничего подобного не случилось. А между тем за монастырской стеной непогода причинила ужасные бедствия — многие дома обрушились, а рисовые поля были сплошь затоплены. Я целые дни проводил вместе с настоятелем за рисованием, не обращая внимания на то, что творилось вокруг.

В начале седьмой луны, когда небо, наконец, прояснилось, отец поверенного в делах моего друга И-шаня — звали его Шунь-сян — отправился по делам службы на остров Цзунмин. Я отбыл вместе с ним в качестве личного письмоводителя, получив в вознаграждение двадцать монет. Когда я возвратился домой, усыпальница моего отца была почти достроена. Ци-тань через Фын-сэня передал мне такую просьбу:

— Пусть твой отец даст двадцать или хотя бы десять золотых монет для оплаты расходов на похороны.

Я собрался выложить все, что было у меня в кармане, но И-шань настоял, чтобы я внес лишь десять монет, половину требуемой суммы. Вместе с Цин-цзюнь я удостоился чести возглавлять погребальное шествие.

После окончания похорон я вернулся в павильон Великого милосердия. В конце девятой луны И-шань собрался ехать за арендной платой в место, называемое Берег Юнтай. Я вызвался сопровождать его. Поездка длилась два месяца, и когда мы вернулись, была уже

глубокая зима. Пришлось переехать в дом моего друга, который назывался Гнездо аистов. Здесь я встретил Новый год. И-шань выказал много больше добросердечия, чем самые близкие из моих родственников.

В седьмую луну года и-чоу господин Чжо-тан вернулся из столицы домой. Чжо-тан, собственно, его прозвание. Настоящее его имя Юнь-юй, а литературный псевдоним Чжи-жу. Мы были знакомы с детства. В год гэн-сюй правления государя Цяньлуна он первым выдержал императорский экзамен и стал главой управы в городе Чунцин, в Сычуани. В пору смуты, поднятой приверженцами учения «Белого лотоса», он снискал известность тем, что в течение трех лет вел войну с мятежниками. Встретившись после долгой разлуки, мы оба были несказанно обрадованы. В девятый день девятой луны Чжо-тан вместе с семьей опять собрался на службу в Чунцин. Он пригласил меня сопровождать его. Я опять распрощался с матушкой, которая теперь жила в доме у Лу Шан-у, мужа моей девятой сестры, так как дом отца был продан и принадлежал уже другим людям. В наставление мне матушка тогда сказала:

— Твой младший брат всегда был ничтожеством. Поэтому, не щадя сил своих, ты должен приумножить славу семьи. Во всем я уповаю только на тебя.

Провожал меня мой сын Фын-сэнь. На полпути сын вдруг стал громко рыдать, и я вынужден был отослать его домой.

Когда наша лодка прибыла в Цзинкоу, Чжо-тан сказал, что хочет навестить своего давнего приятеля, некоего Ван Ти-фу, который обладал почетным титулом сяолянженъ — «человека, отличившегося в благопочитании родителей» — и служил при соляной управе в городе Янчжоу. Чтобы повидать его, Чжо-тан свернул в сторону от намеченного пути. Воспользовавшись удобным случаем, я посетил могилу Юнь. Вскоре мы снова вернулись в лодку и поплыли вверх по реке Янцзы. Путь наш пролегал по многим известным своей красотой местам. Когда мы были уже в Цзинчжоу, что в провинции Хубэй, получили известие, что мой друг назначен на должность таотай в Тунгуань. Чжо-тан попросил меня остаться в Цзинчжоу с его сыном Дуньфу и семьей, пока он отправится в Чунцин для встречи Нового

года, а оттуда он проследует к месту своей новой службы, в город Чэнду.

Во вторую половину следующего года вся семья двинулась вслед за ним, в провинцию Сычуань. До Фаньчэна мы добрались на лодке, отсюда путь шел уже по суше. Путешествие было долгим и потребовало больших затрат, ведь с нами двигалось великое множество людей и повозок. В дороге одна за другой дошли лошади, непрестанно ломались оси телег, и казалось, не будет конца нашим мучениям и страданиям. Только в третью луну мы, наконец, добрались до Тунгуани, но к тому времени Чжо-тана уже перевели в провинцию Шаньдун на новую должность. Денег у нас не осталось; как говорится, «только легкий ветер бродил в наших рукавах». Семья Чжо-тана не могла следовать за ним к месту его новой службы, и на время всем нам пришлось поселиться в Тунгуаньском училище наук. Только к концу десятой луны мой друг смог получить положенное ему содержание в шаньдунской управе и переслать нам с нарочным деньги. Вместе с деньгами прибыло и письмо от Цин-цзюнь, в котором она писала, что Фын-сэнь умер в четвертой луне этого года. Тут я понял, что слезы моего сына, которые он пролил, провожая меня, были слезами прощания сына с отцом. Увы! Юнь родила мне только одного сына. И должно было так случиться, что именно он ушел из жизни, так что некому было продолжить линию рода Юнь. Чжо-тан вместе со мной оплакивал кончину моего сына. По прошествии некоторого времени он подарил мне наложницу и тем снова погрузил меня в весенний сон жизни. С этого времени я опять в круговороте тревог и не знаю, когда наступит пора прозрения.

РАДОСТЬ СТРАНСТВИЙ

За тридцать лет, проведенных мною в разъездах по делам, я не видел только земли Шу, Цянь и те, что к югу от Дянь. Мой путь, верхом или на телеге, направлялся волей людей, которых я сопровождал. Я никогда не имел возможности поселиться в глухом углу и обрести уединение, мог лишь любоваться видом гор, рек, сменяющимися пред взором облаками и туманами. Я склонен обо всем судить сам, и мне в тягость повторять других. Подчас, говоря о поэзии и достоинствах живописного свитка, я отрину то, что для иных жемчужина, и приму творение, которое отвергли; так и с примечательными и известными славой местами, ибо они дороги настроением, коим их наделило сердце: бывает знаменито место, а не чувствуешь его красоты, а другое, безвестное, восхитит. Я напишу здесь о том, что сам повидал.

Мне было пятнадцать лет, когда мой отец служил в Шаньине. В это время жил там один достойный конфуцианец, родом из Ханчжоу, некто Чжао, по прозванию Шэн-чжай, имя его было Чжуань. Как-то начальник уезда пригласил его в наставники сыну, отец приказал и мне пойти к Шэн-чжаю и попроситься в ученики. Он взял меня.

Раз в свободное время мы с наставником отправились на прогулку в Куншаньские горы; горы находились не более чем в десяти ли, но добраться до них можно было только на лодке. Неподалеку от гор я заметил каменную пещеру, над входом ее лежал надтреснутый

поперек камень — вот-вот обрушится, однако наша лодка благополучно прошла под ним, и неожиданно мы оказались в просторной пещере.

В народе пещеру называют Сад на воде. С четырех сторон она окружена отвесными стенами. У самой протоки расположен павильон на устоях из пяти камней, против — каменная стена с надписью: «Полюбуйтесь на резвящихся рыбок». В том месте вода безмерно глубока, говорят, будто в этой пучине живет превеликих размеров черепаха. Я попробовал приманить ее куском блина, но увидел лишь крохотную рыбешку, она-то и склевала мою наживку. От павильона шла тропа в Сухой сад, здесь как попало громоздились разных размеров камни. Некоторые были круглые, величиной с кулак и больше, другие плоские, точно ладони. Были здесь и каменные столбы, на плоских верхушках которых покоились глыбы. Но следов зубила не было ни на одном.

Осмотрев пещеру, мы устроили пирушку в Водяном павильоне. Я велел запалить хлопушки — раздался грохот, и горы ответили многократным эхом, донесся до нас словно бы раскаты грома. Таково начало моих радостных странствий в дни отрочества.

В тот раз я так и не смог добраться до Беседки орхидей и могилы Великого Юя, о чем сокрушаюсь и по сей день.

На следующий год мой наставник устроил школу у себя в доме. По старости он уже не мог совершать дальние прогулки, но все же мы поехали в Ханчжоу. Красоты озера Сиху превратили эту поездку в радостное путешествие. Более всего я был восхищен завершенной красотой Драконова колодца и Небесного садика. Плиты для садика частью привезли из Индии с горы Фэйлай, а частью взяли из Древней пещеры благовещего камня с горы духа-покровителя города Сучжоу. Воду подвели из Нефритового источника, вот отчего вода в Небесном садике светла и прозрачна, а рыбки на удивление оживленные. Но сколь безмерно грубым показался мне Агатовый храм на Лиановом хребте! Остальные сооружения — вроде Беседки посреди озера или Источника старца по прозванию Один из шести — очень красивы, их не перечислить. Однако озеро и его окрестности прямо-таки пропахли пудрой и притира-

ниями, а мне больше по душе заброшенная уединенность Малой обители спокойствия, где изысканность почти сравнялась с природой.

Могила Су-сяо как раз возле моста Силянцяо. Когда в первый раз мне показали могилу, я увидел полуразрушенный холм и груды желтой пыли. В год гэнцзы государь Цяньлун предпринял поездку на юг в целях осмотра края. В весну года цзячэнь был повторен блистательный образец предшествующего путешествия, по этому случаю холм на могиле Су-сяо облицевали камнем — теперь это был восьмигранный купол со стелой, на которой начертали: «Могила Су-сяо, уроженки Цяньтана». Отныне скорбящие о древнем поэте не будут бродить по округе в поисках могилы. Невозможно исчислить, сколько героев и верных жен канули в вечность, ибо даже тех, о ком дошли известия, и то немало. Су-сяо — имя певицы. Со времени династии Южная Ци и поныне нет человека, который не слышал бы его. Уж не дух ли ее существа воплотился в том настоящее, коим веет от здешних гор и озер?

В нескольких шагах к северу от моста Силянцяо было училище Почитания словесности, где я вместе с моим однокашником по имени Чжао И-чжи должен был сдать экзамен. Стояла пора Долгого лета. Мы поднялись рано, вышли из Цяньтанских ворот, миновали храм Чжаоцинсы, поднялись на Оборванный мостик, посидели на его каменных перилах. Вот-вот должно было взойти солнце, и свет занимающейся зари брезжил сквозь ивы, придавая пейзажу неопишемую красоту. Сквозь аромат белых лотосов иногда долетал до нас легкий ветерок, омывая душевно и телесно. Мы подошли к училищу, но темы сочинений еще не объявили. А около полудня мы уже вернули свои экзаменационные манускрипты.

В поисках прохлады я вместе с И-чжи зашел в Пещеру пурпурных облаков. Пещера могла вместить не один десяток человек, через отверстие в каменном своде в нее пробивался солнечный свет. Какой-то предприимчивый человек расставил в пещере низенькие столики и табуреты и начал торговать вином. Мы сняли верхнее платье, пригубили вина, отведали сушеной оленины, изумительнейшей, а трапезу заключили свежими водяными орехами и белыми, совсем как снег, корнями

лотоса. Из пещеры вышли чуть охмелевшие. И-чжи сказал:

— На вершине горы есть Терраса утреннего солнца, терраса высокая, и с нее открываются многие дали и просторы. Не прогуляться ли нам?

Мне пришлось по душе это предложение, и я храбро полез на гору. Только здесь я окончательно уверился, что озеро Сиху и в самом деле схоже с зеркалом, город Ханчжоу подобен шарикю от самострела, а река Цяньтан вьется словно кушак: ведь взору открывались сотни ли окрест — это был первый в моей жизни большой обзор. В беседке мы просидели долго, до тех пор, пока не стало садиться солнце — Золотой ворон, мы взялись за руки и начали спускаться с горы. В Наньбине звонил вечерний колокол. В тот раз я не добрался до Таогуана и Пристанница облаков.

От рощи дикой сливы, что возле Управы красных ворот, и зарослей железного дерева вокруг храма Гугу остались лишь отдельные редкие деревца. Я решил еще осмотреть Пещеру пурпурного солнца. Вход в пещеру был узок, через отверстие не более пальца сочился ручей. Если верить народной молве, как раз в этой пещере и находится земной рай, но, к досаде моей, я не смог расширить отверстие и проникнуть в райскую обитель.

В день поминовения мой наставник совершал обряд весенних жертвоприношений и обметания могил, в эту поездку он взял и меня. Могилы были в Дунъюэ. Здешние места богаты бамбуком, могильщики выкапывали еще не вылезшие из земли ростки (они походят на сливы, только более заостренные) и готовили отвар на продажу. Он пришелся мне по вкусу, я осушил две чашки. Наставник заметил:

— Эх! Отвар хорош на вкус, но он разжижает кровь, чтобы не было вреда, надо съесть побольше мяса.

Не такая у меня натура, чтобы, как говорится, «затреться на лучший кусок мяса», а из-за этих ростков аппетит и вовсе пропал. На обратном пути я изнывал от головной боли и жары, язык и губы растрескались. Когда подошли к Каменным палатам, у меня не было охоты ни на что смотреть. По дороге мы заглянули в небольшую, схожую с кельей пещеру, она называлась

Водяная музыка, ее отвесные стены были сплошь покрыты ползучими лианами. По пещере тек ручеек, на удивление быстрый, явственно слышалось его переливчатое журчание. Тут же было и небольшое озерцо, не более трех чи в ширину и около пяти в глубину, оно не пересыхало и не переполнялось. Я припал к ручью и напился — боль и жар тотчас отпустили меня. Возле пещеры стояли две маленькие беседки, в них можно посидеть и послушать всплески ручья. Монах повел нас осмотреть Чан десять тысяч лет. Чан находился в помещении, называемом Кухня средоточия благоволий, он был огромен и сообщался с родником посредством бамбуковой трубы — был слышен шум вливающейся в него воды, хотя за долгие годы он оброс мхом на несколько чи. Зимой вода в чане не замерзала, потому холода не причиняли ему вреда.

На исходе осени года син-чоу отец подхватил малярию и принужден был вернуться домой, в ознобе он просил разжечь огонь, в жару требовал принести льда. Моим советам он не внимал, а когда болезнь дополнилась тифом, стал угасать с каждым днем. Я находился рядом, подносил целебные отвары, не смыкал глаз ни днем ни ночью — и так весь месяц. К тому времени занемогла Юнь. И душевно, и физически я был так изнурен, что не передать словами. Однажды отец призвал меня, чтобы сказать последнюю волю:

— Я тяжело болен, боюсь, уже не встану. Ты держись за свои несколько книг и по сей день не ведаешь, как прокормиться. Потому препоручаю тебя моему побратиму Цзян Сы-чжайу в надежде, что ты продолжишь мое дело.

В тот же день прибыл Сы-чжай. Мне было велено пред ложем отца поклониться ему, как наставнику. А по прошествии нескольких дней отца осмотрел первый лекарь Сюй Гуан-лянь и взялся излечить его. Отец стал понемногу поправляться. Благодаря искусству Сюя, Юнь тоже поднялась с постели. А я? С той поры началась моя служба в управе. Служба не доставляла мне ни малейшего удовольствия, стоит ли писать о ней здесь? Думаю, что следует. Ибо с того дня, как я забросил книги, начались мои блуждания и странствия.

Имя моего нового наставника было Сян. В ту зиму

я начал под его присмотром служить в Фэнсяньской управе. Вместе со мной проходил службу Гу Цзинь-цзянь, молодой человек родом из Сучжоу, второе имя его было Хун-гань, прозвание Цзы-ся, по натуре он был великодушен, тверд, и если уже доверял, то держался дружбы без колебаний. Он был годом старше меня, и я называл его старшим братом. В ответ Хун-гань звал меня младшим братом, выказывая дружеское расположение. Так первый раз в жизни я познал дружбу. К скорби моей, на двадцать втором году мой друг скончался, и с той поры я замкнулся в себе.

Ныне мне пошел сорок шестой год, и я не знаю, встречу ли в этом безбрежном море жизни друга, подобного Хун-ганю? Вспоминаю, что в годы, когда завязалась наша дружба, мы были полны мечтаний, а по временам вдохновлялись идеей поселиться в горах. В канун праздника девятого дня девятой луны я и Хун-гань оказались в Сучжоу. Мой отец и один из родственников, по имени Ван Сяо-цзя, собрались устроить пиршество, пригласив на него актеров, чтобы те дали представление. Предполагая, что будет скучно, я уговорился с моим другом подняться на Холодную гору для выбора места, где мы могли бы поставить хижину. На другой день едва забрезжил рассвет Хун-гань уже поджидал меня у ворот. Юнь собрала для нас небольшую плетенку с едой и вином. Мы взяли провизию и вышли из городских ворот Сюймынь, заглянули в харчевню, поели, потом перешли речку Сюйцзян и у моста, что подле рынка фиников на Хэнтанской дороге, наняли небольшую лодку. Солнце еще не достигло зенита, а мы уже добрались до Холодной горы. Лодочник оказался человеком добросовестным, по нашей просьбе он взял рису, чтобы сварить нам еду. Мы сошли на берег и направились к Храму срединного пика — храм стоит к югу от Старого приюта отшельника Чжи-сина. Подле ворот храма, скрытого в глубине сада, царила тишина, земли были заброшены, сами монахи — праздно, те двое, что нам встретились, ходили в нищенских отрепьях и босяком, они не пожелали завязать с нами знакомство. Мы не хотели задерживаться и поэтому не стали углубляться в монастырские владения.

Вернувшись к лодке, обнаружили, что обед готов. Закусили. Лодочник вызвался пойти с нами, он взял

плетенку с вином, а сынишке приказал постеречь лодку. От Холодной горы мы направились к Пристанищу белых облаков. Пристанище находится в Саду высокого долга. Подле галереи вздымались крутые скалы, внизу был выбит небольшой водоем. В оправе из камней и деревьев озерцо сияло осенней гладью. На крутой скале, поросшей мхом и лишайником, раскинула свисающие книзу ветви смоковница. Посидели на галерее. Шуршали падающие листья, царило безмолвие, никаких человеческих следов. Потом мы вышли за ворота и заглянули в беседку, приказав сыну лодочника подождать. Через пролом в каменной стене мы проникли внутрь. Здесь была беседка, она называлась Нить к небу, если от нее пойти по горной тропе, как раз доберешься до вершины горы, называемой Выше белых облаков. Сама обитель обвалилась, сохранилась лишь обветшавшая башня, с которой когда-то открывался хороший обзор.

Мы отдохнули с четверть часа, а потом начали спускаться, осторожно поддерживая друг друга. Лодочник сказал:

— Эх, забыли прихватить плетенку с вином.

Хун-гань возразил:

— Мы шли сюда, чтоб подыскать уединенное пристанище, а не ради того, чтобы вскарабкаться на гору и устроить выпивку.

Лодочник предложил нам:

— Неподалеку, в двух-трех ли, есть селение — Деревня над песками. Правда, народу там много, но можно отыскать и свободные земли. У меня там свояк Фань, не зайти ли к нему?

Я с радостью согласился и сообщил своему другу:

— На исходе династии Мин наставник Сюй Сычжай удалился в те места и предался уединению. Сам я в тех местах не бывал. Но говорят, тамошний парк на редкость тих и красив.

Следуя за лодочником, мы направились в деревню.

Деревня расположилась в горной расселине. В парке, упиравшемся в подножие горы, не было искусственных камней, а старые деревья переплелись и спутались ветвями, создавая впечатление полного уединения. Надстройка над террасой, окна и перильца были безыскусно просты. Террасу окружала бамбуковая изгородь и

мальвы. Поистине, это было место, где подобало бы поселиться отшельнику. Посреди парка под сенью японской гледичии — огромного дерева, в два обхвата, была беседка. Справа от парка — гора, в народе ее называют Горой петуха и дракона, на ее совершенно вертикальной вершине висела глыба, наподобие того камня, что в Древней пещере, однако от глыбы не исходило сияние, как от канчэнской горы. В стороне от беседки лежала темная плита. Хун-гань лег на нее и сказал:

— Смотришь вверх — любишься вершинами, глядишь вниз — видны беседки и парки, и чем дальше — тем интереснее вид. По этому случаю стоило бы выпить по чарке вина.

Мы позвали лодочника выпить с нами, а потом пели, насвистывали мелодии, веселились от души. Местные жители по ошибке приняли нас за тех, кто ищет место для погребения, и наперебой стали предлагать разные места, благоприятные, по их понятию, с точки зрения расположения вод и направления ветров. Хун-гань сказал:

— У вас, я вижу, одно на уме. Не говорите мне о водах и ветрах.

Увы! Но его слова оказались пророческими.

Наконец, бутыль с вином опустела, каждый из нас нарвал полевых хризантем, коими мы украсили волосы. Солнце садилось, когда мы тронулись в обратный путь, к следующей страже я был уже дома. Гости, однако, не разошлись.

Юнь по секрету шепнула мне:

— Среди актрис — Лань Гуань, Повелительница орхидей. Держится с достоинством, можешь позвать.

Я сделал вид, что передаю указание матушки, и окликнул ее, потом вошел в комнату, взял ее за локоток, скосив при том на нее глаза: и вправду, пухлый подбородочек, густо вымазана белилами. Я обернулся и шепнул Юнь:

— Красива-то красива, однако, думаю, что ее слава не соответствует правде.

Юнь заметила:

— Но пухлость — ведь знак счастливой судьбы.

В ответ я возразил:

— Вспомни беду в Мавэе. Уж какое счастье вы-

пало на долю Юй-хуань — Нефритового браслета?!

Под каким-то предлогом Юнь отослала певицу обратно. Она спросила:

— А что, сегодня господин опять сильно пьян?

Я стал подробно описывать ей наше странствие, и она в воображении своем долго путешествовала с нами.

Весной года гуй-мао я сопровождал своего учителя Сы-чжая в Янчжоу — так впервые я увидел горы Цзиньшань и Цзяошань — Золотую и Опаленную. Золотую гору надо рассматривать издали, на Опаленную лучше глядеть вблизи. За все случаи, что я бывал в тех местах, мне ни разу не удалось совершить на них восхождение. Мы переехали через Янцзы и повернули на север. Поэт Юй-ян сказал о Янчжоу: «Зеленые ивы вдоль городской стены — это Янчжоу». И это соответствовало действительности.

Пиншаньтан (пиншаньский храм) отстоит от города на три-четыре ли, однако по дороге пришлось пройти все девять. Хотя весь комплекс — плод рук человеческих, вычурность замысла увязана с природным ландшафтом, так что даже легендарно знаменитые сады, пышно называемые «высокие врата обители бессмертных», «белояшмовые пруды богини Сиванму», «нефритовые терема и лунные дворцы», не могли бы спорить в красоте с Пиншаньтаном. Прелесть Пиншаньтана заключена в единстве, с коим сады, разбросанные вокруг строений и беседок, располагаются в пространстве от городской стены до самых гор. Ведь в искусстве пейзажа самое трудное — создать непосредственный переход от города к горам.

Город расположен на широкой равнине, на фоне скалистых гор и весьма живописен. Хотя рощицы и парки вокруг города разбиты довольно бестолково, путешественник, глядя на беседки, башни, стены, камни, наполовину скрытые зеленью бамбука или другими деревьями, не в состоянии оторвать взгляд от этой красоты. Поистине, только художник, в сердце выносивший эти холмы и пади, мог исполнить сей замысел!

От городской стены начинается Сад радуги. К северу от него — каменный перекидной мост — это Мост радуги. Не знаю, от названия ли моста пошло название сада или, наоборот, сад дал название мосту. Дамба

весенних ив — на самой стремнине реки. Сад разбит за городской стеной, но композиция в целом не получилась, а то дамба выглядела бы еще живописнее. На запад от дамбы — насыпной холм — Малая золотая горка. Да, вот тут действительно чувствуется, что живописная гармония пространства — творение незаурядной личности. Я слышал, что в этих местах сплошь песок и возведение строений затруднено, поэтому под фундамент в несколько слоев кладут бревна, а поверх дополнительно насыпают землю. Затраты на такие работы составили не один десяток тысяч монет в золоте. Если бы не купцы, вряд ли удалось бы построить Пиншаньтан. Потом мы прошли мимо Башни триумфального сияния, сюда из года в год приходят жители Янчжоу смотреть состязания на лодках, переправляющихся через реку, поскольку река в этом месте достаточно широка. Через реку перекинут Лotosовый мост. Мост стоит на восьми опорах, на нем построены пять беседок, янчжоусцы называют мост Четыре блюда к одному котлу. Я силился постичь замысел сооружения, но тщетно, до такой степени мост пришелся мне не по душе.

К югу от моста Храм лotosовой завязи. Посреди храмового двора устремилась ввысь белая ламаистская ступа, навершье на золотом ее шпиле казалось выше облаков в небе. Кипарисы и сосны заслоняли красные стены храма, по временам из-за ограды доносились звуки гонга и колокола. В Поднебесной не найти другой такой уединенной беседки и сада. Мы миновали мост и увидели терем в три этажа: разрисованные балки, карнизы, которые, казалось, парили в воздухе, — от переливов цвета рябило в глазах. Подле громоздился окруженный беломраморной балюстрадой холм, он был насыпан из камней озера Тайху и именовался Приютом пятицветных благовещих облаков. Расположение его частей было строгим, словно в сочинении изящной словесности.

Затем мы прошли место под названием Утреннее солнце над Шуским холмом, это просто равнина, в композиции его нет ни выдумки, ни фантазии. Чем ближе к горам, тем уже русло, река несколько раз делает крутой поворот среди насыпных холмов, поросших бамбуком, и вдруг горы раступились, а воды иссякли — взору открылся широкий простор — перед нами в ряд

выстроились сосны бора Десять тысяч сосен Пиншаня. Надпись: «Пиншаньтан» — «Пиншаньский храм» — сделана рукой поэта и каллиграфа Оуян Сю. Пятый источник, что к востоку от реки Хуай, на самом деле колодец в насыпной горе, но вода в нем на вкус словно из настоящего горного ручья. Источник близ Лотосовой беседки обнесен железной оградой с шестью отверстиями. Сад под названием Девять пиков расположен в укромном месте за Южными воротами, он полон самобытной прелести. Я думаю, что это один из лучших парков Поднебесной. Это лишь краткое описание садов Пиншаньтана. Правда, я не видел парков Каншаня, поэтому не могу сравнить их. В целом стоит заметить, что лучше лицезреть красавицу, чем созерцать смазливую деревенскую девку, стирающую на берегу реки.

Случилось так, что я посетил здешние места сразу после инспекционной поездки государя на юг: тогда было объявлено об окончании всех работ и доложено государеву выезду о приведении строений в надлежащий вид, дабы доставить удовольствие высокой особе насладиться необозримыми видами, — так что мне выпала редкая удача.

Весной года цзя-чэнь я сопровождал отца в Уцянскую управу, где в ту пору начальствовал минфу Кэ. Моими сослуживцами оказались Чжан Пин-цзян, уроженец Шаньиня, Чжан Ин-му из Улиня и Гу Ай-цюань, родом из Таоси. Нам было поручено почетное благоустройство в Наньдоуной дворца и подворья для его светлости государя — так мы удостоились лицезреть его небесный лик второй раз.

Однажды, когда за вечерело, меня вдруг потянуло домой. Я нанял небольшую быстроходную лодку с парой весел на носу и корме — эти челноки резво, словно бы на летящих веслах, носятся по озеру Тайху (у нас в местности У их прозвали «взнузданными скакунами, выходящими из вод») — будто на аисте я взвился в поднебесье и в мгновение ока был уже подле моста Ворота в У, но это не придало мне бодрости духа. Домой я прибыл перед ужином.

Издавна мои земляки отличались тягой к пышному великолепию, и по сей день они гонятся за вычурностью и состязаются в роскоши, и стали даже еще более расточительны. Напрасно древние мудрецы восторгались

склонностью моего народа к яркому — «жемчужными занавесями и расшитыми пологам», «яшмовыми перилами» и «парчовыми шатрами». А что стоят раскрашенные до ряби в глазах фонари? Напрасно песни, что по обычаю принято оглушающе орать под звуки шэна, высокопарно именовали «мелодиями, выющимися меж расписных стропил и резных кровель». Друзья не раз просили меня помочь расставить цветы или по случаю радостных событий вывесить разноцветные ленты, и я не отказывался. В целом же я пребывал в праздности, созывал друзей по духу, и мы развлекались выпивкой, горланили песни, с великим удовольствием бродили или любовались окрестностями. В молодые годы ты силен и воодушевлен, не ведаешь ни усталости, ни недугов. Я родился в счастливый год, но случись мне жить в глухом углу, довелось бы тогда много странствовать и увидеть?

В тот год управа господина Хэ по каким-то причинам была упразднена, и отец получил приглашение служить в Хайнине под началом господина Вана.

В Цзясине проживал некто Лю Хуэй-се, в недавнее время принявший учение Будды и обет годичного поста. Однажды мы с отцом навестили его. Дом Лю Хуэй-се стоял подле Терема тумана и дождя, к нему примыкала некрытая пристройка с видом на реку под названием Приют луны в воде — хозяин обычно читал здесь сутры, вокруг царила чистота, словно это монашеская келья. Терем тумана и дождя — посреди Зеркального озера, берега которого в зеленых тополях, жаль только, что мало там бамбука. К терему пристроен помост, откуда взору открывались дальние просторы. Рыбачьи лодки, раскиданные по озеру, мерная зыбь спокойных волн — вид, достойный лунной ночи. В тот раз послушник подал нам постные кушанья на редкость вкусные.

В Хайнине со мной вместе служили Ши Синь-юэ, родом из Баймэня, и Юй У-цяо, уроженец Шаньиня. У Синь-юэ был сын Чжу-хэн. Нрава чистого и спокойного, он всегда хранил молчание. Это был человек цельный, классический образец конфуцианского ученого, он ни в чем мне не перечил — так второй раз я познал истинную дружбу и расположение; жаль только, что

мы провели вместе не много дней, а расстались и точно в воду канули.

В тот год я посетил Сад умиротворенный разлив, принадлежащий господину Чэню. На площади в сто му были разбросаны двухэтажные терема и павильоны, крытые галереи, террасы. Было и озеро, необычайно широкое, с мостом в виде шести зигзагов. Лианы, полностью скрывшие следы зубила на поверхности камней, старые деревья, стволами упиравшиеся в небо, крики птиц и опадающие лепестки цветов — все это создавало настроение, будто ты попал в глухие горы. Из всех равнинных садов с искусственными камнями и садовыми беседками, которые когда-либо я видел, то был лучший сад, созданный людьми, — он был очарователен своей простотой. В тереме под названием Кассия в цвету господин Чэнь накрыл стол. Благоухание цветов корицы заглушало запах блюд, только аромат имбиря и сои был стоек и ничем не смягчен. По своим свойствам имбирь и корица с возрастом становятся более терпкими, в моем сознании они служат символом мужа, преданного высокому долгу, чей взлет жизненных сил подобен водовороту, а не бессодержательной пустоте.

От Южных ворот я вышел прямо к морю. Дважды в день здесь набегают прилив; точно серебряная дамба в тысячи тысяч чжанов он отсекает море, а потом уходит назад. На здешних кораблях есть специальные гребцы, которые встречают прилив, — когда набегают волна, они поднимают весла и ставят корабль навстречу ей. На носу корабля установлено деревянное кормило, по форме оно схоже с большим ножом на длинной рукояти. Стоит гребцам навалиться на кормило, как волна рассекается надвое, кормило всплывает и поворачивает нос корабля вслед приливу. Корабль устремляется вперед и несется — в мгновение делая по сто ли. Как-то вечером в праздник Середины осени вместе с отцом я наблюдал с прибрежной пагоды такой прилив. Примерно в тридцати ли в море высится утес под названием Острая гора, кажется, он вот-вот ринется в море. На вершине утеса стоит павильон, на котором надпись: «Здесь море безбрежно, небеса — бездонны». И поистине, взглянешь — ни конца ни края, только разгневанные валы сливаются с небом.

От начальника уезда Кэ я получил приглашение на

службу в управу Цзиси в Хуэйчжоу, было мне тогда двадцать пять лет. Я отплыл из Улиня на речной барке с верхней палубой для путников, миновал гору Фучуньшань и террасу, с которой Цзы-лин некогда удил рыбу. Терраса стоит в седловине и будто утес высится над водой чжанов на десять или больше. Неужели при ханьской династии она была вровень с водой? Лунной ночью мы причалили в Цзекоу, здесь и была моя управа. Высокие горы, над которыми малым кругом плыла луна, тихое течение воды по выступающим камням — то был упоительный вид. Я не мог охватить взором всю Желтую гору, ибо с этого места видно только ее подножие. Цзиси лежит среди тысячи горных вершин, это маленькое селение, как принято говорить, не более шарика для самострела, а люди его нравом просты и бесхитростны. Недалеко от города есть гора под названием Каменное зеркало. Если попетляешь по горным кручам около одного ли, попадешь к утесу, с которого низвергается стремительный поток, а увлажненная зелень того и гляди начнет сочиться каплями. Чуть выше — каменная беседка. Все четыре стены ее отвесны. Одна из них гладко обтесана и напоминает ширму, цветом темна и до того блестяща, что в нее можно глядеться, словно в зеркало. По преданию, в стене можно увидеть свой облик в будущей ипостаси: говорят, некогда Хуан Чао пришел к стене и увидел обезьяну; желая сжечь ее изображение, он опалил камень, и видение исчезло. Ли в десяти от города находилась пещера, называемая Рай огненных облаков, здесь на стенах причудливо сплелись каменные узоры, пади, холмы, а утесы словно были рождены кистью Дровосека с Горы желтого аиста, только расположены они были в беспорядке. В пещере от камней исходил темно-багровый свет. Возле был скит, уединенный и тихий.

Как-то некий торговец солью, по имени Чэн Сюйгу, позвал меня на прогулку и устроил угощение. Были поданы маньтоу с мясом. Молодой послушник не отрываясь смотрел на них, и мы дали ему четыре штуки. Когда собрались уходить, решили вознаградить тамошнего монаха двумя заморскими серебряными таэлями. Горный отшельник, не разумея их назначения, денег не принял. Мы сказали ему, что за одну такую монету можно выменять более семисот бронзовых зеленых гро-

шей. Но поблизости не было меняльной лавки, и он вновь отказался. Мы скинулись и набрали ему мелочью шестьсот монет, и монах с благодарностью принял подношение.

Как-то я пригласил друзей вновь посетить эти места. И вот, захватив короб со снедью, мы отправились. Нас встретил знакомый мне монах. Укоряя меня, он сказал:

— Уж не знаю, что в прошлый раз съел у вас послушник, только у него разболелся живот. Не вздумайте опять его угощать.

Я понял, что брюхо, привыкшее к листьям гороха и траве, не принимает мясного. О происшедшем я весьма сожалел. Я сказал друзьям:

— Чтобы стать монахом, надо жить вот в таком глухом углу и всю жизнь ничего не видеть и не слышать, может быть, тогда укрепишь в себе изначально-истинную природу и обретешь покой в мыслях. Если же удалиться на Тигровый холм, что на моей родине, по целым дням глазеть на кокетливых отроков и размалеванных певичек, слушать песни под струны и цевницу, вбирать ароматы изысканных закусок и хорошего вина, вряд ли твое тело уподобится иссохшему дереву, а сердце — мертвому пеплу!

В тридцати ли от Цзиси была деревня под названием Поселение человеколюбцев. Раз в двенадцать лет в деревне устраивали праздник цветов и плодов, причем каждый участник выставлял свои вазоны с цветами. Мое пребывание в Цзиси как раз совпало с праздником, и я загорелся желанием пойти в деревню, но, на беду, не оказалось ни паланкина, ни коня. Тогда я велел нарубить бамбука, сделать шести и к ним привязать стул — так получилось подобие носилок. Нанятые носильщики подняли шести на плечи, и мы тронулись в путь. Один из моих сослуживцев, по имени Сюй Цэтин, отправился со мной, и всякий, кому случилось попасться нам на пути, смеялся, дивясь необычному зрелищу. Пришли на место, в деревне оказался храм, но не знаю, в честь какого божества его воздвигли. Перед храмом на открытой площадке сколотили для представлений высокий помост, его разрисованные перья и квадратные стойки поражали грандиозностью и ослепительно блестели, но, подойдя ближе, я разглядел, что

это — разрисованная и скрученная в трубу бумага, по-верх крытая лаком. Вдруг раздались удары гонга и показались люди: четверо несли две свечи, огромные, словно колонны, а восемь других тащили на палке здоровенного, как вол, борова. Двенадцать лет всем миром его откармливали и вот сейчас закололи в честь божества. Цэ-тин рассмеялся и сказал:

— Свинье повезло с долголетием, но, видно, и зубы у бога острые. Будь я божеством, не сумел бы насладиться подношением.

Я ответил:

— Но это так хорошо показывает их нелепую веру. Мы вошли в храм. Галереи и двор были заставлены вазами с цветами и деревьями; здесь не было растений с подрезанными ветвями или обломанными коленцами, вся прелесть деревьев была в серебристой блеклости причудливых ветвей — большей частью это были сосны с Желтой горы. Началось представление, народ повалил валом, и мы поспешили уйти.

Не прошло и двух лет, как я повздорил со своими сослуживцами, как говорится, «взмахнул длинными рукавами» и воротился домой.

Со времени службы в Цзиси мне нетерпимо было видеть всю убогость и презренность моего положения в сутолоке казенной жизни, и я решил сменить ученые занятия конфуцианца на торговое дело. У меня был дядя по имени Юань Вань-цзю, муж сестры отца, в Паньси, в местечке Сяньжэньтан, он занимался виноделием. Вместе с неким Ши Синь-чэном я затеял дело на паях — мы продавали вино Юаня за море. Но не прошло и года, как на Тайване разразился мятеж Линь Шуан-вэня, сообщение морем прервалось, у нас скопилось много товара, и мы понесли убыток. Я оставил торговое дело, решив «уподобиться Фын Фу». Четыре года я прослужил в Цзянбэе и за все время не совершил ни одного приятного путешествия, о котором стоило бы написать.

Поселившись в Сяошуанлоу, мы довольствовались пищей святых отшельников. Муж моей двоюродной сестры, по имени Сю-фын, как раз вернулся из Восточного Гуандуна. Видя, что я не у дел, он с великой горячностью воскликнул:

— Вы ждете жалованья, чтоб было чем растопить

очаг, а на огонь ставите то, что заработаете кистью. Вижу, нет у вас дальней сметы. Почему бы вам не поехать со мной в Линнань? Ведь непременно будем при выгоде, во всяком случае, как говорится, «все ж более мушиной головы».

Юнь принялась уговаривать меня:

— Воспользуйся случаем, пока твои родители в полном здравии и ты в расцвете лет. Ведь говорят: продай хворост, рассчитай на рис — будешь жить в довольстве; лучше один раз потрудиться, чтобы потом не вестать забот.

Вскоре я и мои товарищи по торговому делу сложили свои средства и составили общий капитал нашего предприятия, Юнь ко всему прочему приготовила для меня вышивки, я взял еще сучжоуское вино, «пьяных крабов» — ничего этого нет в Линнани; затем известил отца о своем намерении и на десятый день Малой весны отбыл вместе с Сю-фыном.

Мы вышли из Дунба и поплыли в Уху. Я впервые видел Янцзы и был переполнен радостью и воодушевлением. Каждый вечер, когда мы причаливали к берегу, я устраивался на носу лодки и выпивал немного вина. Однажды я увидел, как рыбаки тянут сеть; она была в ширину и длину не более трех чи, притом с широкими, в четыре вершка, ячейками. Я рассмеялся и сказал:

— Хотя в наставлении мудреца и сказано: «При ловле не бери частую сеть», — но разве что-нибудь выловишь этим малым покрывалом с большими прорезами?

Сю-фын пояснил:

— Эта сеть предназначена для ловли леща.

Рыбаки, ухватившись за длинные веревки, то погружали ее, то вытаскивали. Но немного погодя они вдруг резко выдернули сеть из воды — в ней трепыхался лещ, застрявший жабрами в ячейках. Я вздохнул и сказал:

— Поистине, не исчислить, сколько можно узнать, увидев все своими глазами.

Однажды мыплыли мимо горы, одиноко возвышавшейся на самой середине реки, так что со всех сторон ее омывала вода. Сю-фын сказал мне, что это Гора-сирота.

Сквозь заиндевевший лес изредка проглядывали разбросанные строения и храмы, мы шли при попутном ветре и не могли остановиться, чтобы их осмотреть. Наконец, подошли к Беседке тэнского князя. Здесь я понял, что нельзя принимать на веру утверждение Ван Бо, высказанное им во вступлении к оде «Беседка тэнского князя», будто казенное училище Павильон почитания лассиков в Сучжоу находилось подле Сюймынских ворот у Большой пристани.

Подле Беседки тэнского князя мы пересели на сампан — лодку с высокой кормой и сильно задранном носом — и отплыли в Ганьгуань. Из Ганьгуаня отправились в Наньань, там мы снова высадились на берег. Как раз был день моего рождения, и Сю-фын в знак пожелания долголетия приготовил мне длинную лапшу.

На следующий день мы миновали хребет Даюйлин. На самой вершине хребта стояла беседка, на которой была надпись: «Подыми голову — солнце ближе». Вершина горы разламывалась надвое, обе стороны среза были отвесны, точно стены, между ними, словно в каменном переулке, пролегал тропинка. У входа на тропу были высечены еще две надписи: «Здесь потоки стремительны, отступи мужественно» и «Остановись, не иди дальше». На самой вершине хребта стоял храм военачальника, что носил фамилию Мэй — Дикая слива, не знаю, при какой династии жил этот полководец. Что ж до сливы, то в округе не нашлось ни одного сливового деревца. Возможно ли, чтобы название известной горы — Сливовый хребет — пошло от фамилии этого полководца?

В подарок друзьям я вез в вазоне деревце мэйхуа, оно уже отцвело, листья его пожелтели. И то сказать, ведь был канун месяца ла — двенадцатой луны.

Когда мы миновали хребет и вышли из ущелья, взору нашему открылся необычный пейзаж. К западу от хребта лежала гора, в ней виднелась расселина, вся прозрачная, я уже забыл ее название. Сопровождавшие нас носильщики сказали:

— В той пещере ложе бессмертного небожителя.

Но так как мы спешили, мне не удалось побродить в тех местах, о чем я очень сожалею.

В Наньсюне мы наняли старую «ладью-дракон». Проплыли мимо городка Фошань, где видели выстав-

ленные рядами у стен домов цветочные горшки. Цветы были только трех оттенков — ярко-красного, розового и белого, листья как у падуба, а цветы — похожи на пион. Оказалось, это камелии.

Мы прибыли в Кантон к полнолунию и остановились у Цзинхайских ворот. Сняли у некоего господина Вана на втором этаже три комнаты окнами на улицу. Свои товары Сю-фын сбыв местным торговцам, я сопровождал его, когда он наносил визиты, согласно составленному им самим списку. На Новый год много брачных церемоний, товары брали охотно, не прошло и десяти дней, как у меня иссякло все, что я привез. Кантонцы носят подбитые ватой халаты, поверх которых по случаю Нового года они надели платья из легкого шелка. В здешних местах не только погода иная, даже сами люди по духу и нравам совершенно другие. В полнолуние, что приходится на пятнадцатый день первой луны, трое моих земляков — служители здешней управы, потащили меня на реку поглядеть на певичек. Этот обычай называется «выйти на лов». Певичкам дали прозвание «лаоцзюй» — «старушки».

Мы вышли из Цзинхайских ворот и наняли лодчку с навесом, она походила на половинку яичной скорлупки. Причалили к Песчаному острову — Шамянь, джонки с певичками («цветочные ладьи») здесь были в два ряда, образуя посредине нечто вроде прохода для снующих взад и вперед небольших яликов. Каждые десять или двадцать лодок привязывались к бревну для придания им устойчивости и защиты от морских ветров. Меж каждой парой лодок вбита деревянная свая, на которую насажены кольца из лиан — это позволяло лодкам свободно опускаться и подниматься на волнах.

Управительницу подобного заведения называют Шу-тоупо — Матушка, расчесывающая волосы. На голове ее обычно убор — каркас из серебряной проволоки около четырех чи высоты, изнутри полый, а снаружи обвитый волосами, он дополнительно украшается цветами, воткнутыми в волосы при помощи длинных ухверток. Одета она в темную короткую куртку и такие же темные шаровары до пят, по поясу повязывается красным или зеленым полотенцем, а ходит на манер актерок из Грушевого сада — ее босые ножки будто сбрасывают

на ходу туфельки. Если гость подымается на лодку, она с улыбкой кланяется ему и семенит навстречу, приподымает занавеску и пропускает посетителя внутрь. В каюте в ряд стоят стулья и табуреты, посредине широкий кан, рядом с ним дверь, через которую можно выйти на корму. Когда мы подъехали, женщина крикнула:

— Гости пришли.

Тотчас мы услышали топот многих ног, потом показались девицы. У одних волосы подобраны в узел, у других уложены пучком, все напудрены — словно выбеленные стены, нарумянены — как гранат, одеты или в красные куртки и зеленые шаровары, или в зеленые куртки и красные шаровары, на ногах у иных короткие носки и туфли с вышивкой «бабочки среди цветов», другие хотя и босы, но зато с серебряными браслетами на щиколотках. Девицы сели на кан, другие прислонились к стенам, они не произносили ни слова, молча пожирая гостей глазами. Я повернулся к Сю-фыну:

— Что сие означает?

Сю-фын мне разъяснил:

— Моргни какой-нибудь, подзови и слюбись по взаимному согласию.

Я попробовал подозвать одну. Тотчас какая-то девица радостно вышла вперед, вынула из рукава бетель и в знак приветствия протянула мне. Я поднес бетель ко рту, вкус его был невыносимо терпким, я поспешил выплюнуть бетель и обтер бумажкой губы — моя слюна походила на кровь. На соседних лодках громко засмеялись.

Потом мы направились к Арсеналу. В тамошнем заведении женщины были одеты и убраны в точности так же, только все, и молодые, и постарше, умели играть на лютне. Когда я заговорил с одной, в ответ услышал:

— Ми?

По-кантонски это значит: «Что это?»

Молва гласит: «Молодым не ходи в Гуандун — душой истаешь». Но могут ли тронуть сердце дикие наряды и варварское наречие? Один из друзей заметил:

— Вот в Чаочжоу красотки разряжены и убраны словно бы небожительницы. Можем прогуляться и к ним.

Отправились в Чаочжоу. Лодки стояли здесь в том же порядке, что и на Шамяне. Была там знаменитая управительница, по имени Матушка Су, наряженная, что танцовщица с разрисованным барабанчиком. Размалеванные певички наряжены по-особенному: у платья воротник-хомут, застегнутый сзади, спереди свободно свисает; волосы распущены до плеч, челка до бровей, в дополнение ко всему на манер девочек-служанок узел на макушке. Те, что бинтовали ноги, ходили в юбках, те, что не бинтовали, носили длинные волочащиеся штаны, короткие носки и туфли, расшитые непременно узором «бабочки среди цветов». Речь здешних девиц я еще кое-как мог разобрать, но их нелепые одеяния и весь вид вмиг охладили меня, так что всякая охота пропала. Сю-фын сказал:

— На другом берегу реки, против Цзинхайских ворот, есть еще Янчжоуское заведение, девицы там одеты как у нас на родине, в местности У. Пойдем, вот где непременно найдешь кого-нибудь по душе.

Один из друзей добавил:

— Да ведь это одно название, что Янчжоуское заведение, тамошняя хозяйка — вдова Шао, да при ней невестка — старшая тетушка, обе они, и правда, уроженки Янчжоу, а остальные — кто из Цзянси и Хунани, кто из Хубэя, а то из Гуандуна или Гуанси.

Янчжоуское заведение располагалось на десяти лодках, поставленных в два ряда. Платья девушек состояли из кофты с широкими рукавами и длинной юбки, румяна и белила были положены тонко, волосы словно бы облака, а на висках блестели как иней, и главное — речь их была мне понятна. Вдова Шао встретила нас с величайшей любезностью. Один из моих друзей подозвал лодку, с которой торговали вином (те, что побольше, вроде джонки с надстройкой, а те, что меньше, здесь называют «плоскодонки для девиц»), и, взяв на себя роль хозяина, предложил мне выбрать певичку. Я остановил свой выбор на одной молоденькой, словно птенец феникса, у нее были маленькие слабые ножки, а фигурой и лицом она напомнила мне Юнь, мою жену. Имя ее было Си-эр. Сю-фын подозвал девушку, которую звали Цуй-гу. Остальные предпочли своих старых подружек. Мы принялись весело пить вино, пустив лодку по течению. Пробыло третью стражу.

Я испугался, что выпил слишком много и не смогу держаться на ногах, и решил вернуться домой. Оказалось, городские ворота запирают, как только сядет солнце, а я и не знал. Веселье иссякло, некоторые гости легли на кан и предались курению опиума, другие принялись обнимать певичек и весело хихикать. Слуга принес каждому по стеганому одеялу и подушке и принялся стелить постели на сдвинутых в ряд кроватях. Я потихоньку спросил у Си-эр:

— Нельзя ли устроиться на ночлег на твоей лодке?

Она ответила:

— Можно устроиться в ляо, да нет ли там гостей.

(Ляо — каюта в пристройке на верхней палубе.)

Я сказал:

— Давай-ка, сестрица, съездим и разузнаем.

Я окликнул лодочника с ялика и велел ему переправить нас на джонку вдовы Шао. Огни лодок разных заведений светились друг против друга, образуя подобие длинной освещенной галереи. В каюте гостей не оказалось. Хозяйка с улыбкой встретила меня и сказала:

— Знала, что приедет дорогой гость, потому и оставила для вас каюту.

Я улыбнулся:

— Ах, матушка, воистину, вы небожительница под лотосовым листом!

Тотчас же явился со свечой слуга и повел нас на корму. Я поднялся на несколько ступенек и очутился в комнате, похожей на келью. У стены стояла длинная тахта, к ней были придвинуты столик и стулья. Раздвинув еще одну занавеску, я попал на крышу, она служила кровлей носовой части лодки. В каморке была кровать и широкое прямоугольное окно, заделанное стеклом. Лампы не было, комнатка озарялась отсветом огней с лодок напротив. Одеяло, полог, туалетный столик и зеркало были нарядны, изящны.

Си-эр сказала:

— С террасы можно полюбоваться луной.

Я поднялся на ступеньку порога, растворил окно и выполз наружу. Я стоял над кормой, с трех сторон меня ограждали низкие перильца. Светлый овал луны, безбрежные воды, бездонные небеса... По реке, подобно плывущим в беспорядке листьям, сновали лодки, с

которых торгуют вином, а фонари их, как мириады звезд, выложенные на небесах, рассыпали по воде блестяшки. Лодки, точно челноки на ткацком станке, разбегались по реке, где-то лилась песня, ей вторила свирель и цитра, звуки сливались с рокотом волн — все чувства в моей душе сместились. Я вспомнил: «Молодым не ходи в Гуандун...» — и подумал: «Воистину верно». Жаль, что Юнь не сопровождала меня в этом путешествии.

Я обернулся и увидел Си-эр, лунный свет придавал ей сходство с Юнь, я увлек ее с палубы, задул свечу и лег. Наутро, едва рассвело, Сю-фын с компанией появился на лодке. Я накинул платье и вышел. Они стали укорять меня за вчерашнее бегство. Я ответил им прищелчком:

— Боялся, что вы, господин, да и вся ваша братия не оставите мне ничего: «И постель сдерете, и полог унесете».

Все вместе мы двинулись домой.

Через несколько дней я с Сю-фынем отправился прогуляться к Храму морской жемчужины. Храм стоит посреди воды и, словно город, с четырех сторон окружен стеной. На случай защиты от морских разбойников в стене пробиты бойницы для жерл больших пушек на высоте более пяти чи над водой. Пушки то поднимаются, то опускаются силой прилива, а насколько — трудно сказать. Думаю, что всякий расчет здесь будет неточен. «Тринадцать иноземных рядов» были сооружены к западу от Ворот простой орхидеи, и по четкости линий напоминали европейскую картину. На противоположной стороне реки был Цветник — кантонский цветочный рынок, цветов и деревьев здесь множество. До сих пор я полагал, что нет цветка, которого я бы не знал, но на этом торжище мне были знакомы лишь шесть-семь названий из десяти. Я стал выспрашивать, что это за цветы, и оказалось, что в «Собрании всевозможных благовоний» они не значатся, возможно, дело было в их местном произношении.

Храм Крыша над морем превеликих размеров. Сразу за храмовыми воротами росла большая смоковница, ствол ее в десять обхватов, а тень густая, точно от балдахина. Дерево не увядало ни в осенние, ни в зимние холода. Колонны, перила, решетки, окна и стропила

были выточены из железного или грушевого дерева. Подле храма росло еще дерево бодхи, листья его как у хурмы. Прибой ободрал кору дерева, и истонченные волокна древесины приобрели сходство с шелковистыми крылышками цикад; склеенные, они годились бы для небольших тетрадок, в которые обычно переписываются буддийские сутры.

На обратном пути я заехал к Си-эр на «цветочную ладью». У Си-эр и Цуй-гу не оказалось гостей. Чаепитие закончилось, я хотел уже уходить, но девушки трижды просили меня остаться. Тогда я решил подняться с ними в каюту на верхнюю палубу, но хозяйка, старшая тетушка, в нашей каюте уже потчевала гостей вином. Я решил испросить разрешения у матушки Шао, не будет ли она против, если девушки пойдут ко мне домой.

— Ладно, идите.

Сю-фын отправился первым, чтобы сделать необходимые приготовления и послать слугу за вином и закуской. Я привел с собой Си-эр и Цуй-гу. Среди веселья неожиданно-негаданно нагрянул Ван Мао-лао из местной управы, мы потащили его с нами выпить. Едва мы пригубили вина, как внизу послышался шум, казалось, будто кто-то лезет к нам на второй этаж. У хозяйки была племянница, отроду, видно, порядочная дрянь, она прознала, что я пригласил певичек, и созвала людей, замыслив вымогательство. Сю-фын сказал мне с укором:

— Не по мне была затея, а все же поддался я твоей минутной прихоти.

Я сказал:

— Раз дело сделано, поспеши найти способ, как «отвести солдат», — не время препираться.

Мао-лао предложил:

— Попробую спуститься первым и поговорить с ними.

Я кликнул слугу и послал его поскорее нанять два паланкина, ибо принял решение вначале избавиться от девиц, а затем попытаться самому выбраться из крепости. Было слышно, как Мао-лао уговаривает тех, что внизу. Они не отступали, хотя больше и не лезли к нам. Тем временем паланкины были поданы. Я приказал слуге поработать руками и ногами, дабы проложить

девицам дорогу. Сю-фын бросился за слугой, таща за собой Цуй-гу, следом я волок Си-эр; с трудом мы спустились вниз. С помощью слуги Сю-фын и Цуй-гу вырвались за ворота. Вдруг дорогу Си-эр заградила чья-то рука. С быстротой я поднял ногу и пнул того в плечо — рука ослабла, и Си-эр удалось выскользнуть. Тут и я, улучив момент, вырвался и удрал. Мой слуга стоял на страже подле ворот на случай преследования и нападения. Я взволнованно спросил его:

— Где девушки?

Он ответил:

— Цуй-гу села в паланкин, и его унесли. Я заметил, как девица Си вышла из ворот, но чтоб она садилась в паланкин, не видел.

Немедля я запалил факел, на обочине дороги увидел второй пустой паланкин. Тогда стремглав я помчался к Цзинхайским воротам, где нашел Сю-фына, который стоял у паланкина Цуй-гу. Я стал их расспрашивать о Си-эр. Однако они не знали, где она.

— Ей надо бы бежать на восток, а она, видно, кинулась на запад, — сказал Сю-фын.

Я повернул к дому, но и там ее не оказалось, прошел еще с десяток строений и, наконец, услышал, как кто-то зовет меня. Посветил — оказалось, Си-эр. Я с поспешностью усадил ее в паланкин, взял на плечи один шест, и мы пошли. Сю-фын, увидев меня, бросился со словами:

— При Воротах простой орхидеи есть шлюз, через него можно выйти за городскую стену. Я договорился, чтобы за плату нам отперли замок. Цуй-гу уже на пути к шлюзу, пусть и Си-эр не медлит.

Я сказал ему:

— Быстрее возвращайтесь домой и «отгоните неприятеля», а Цуй-гу и Си-эр я беру на себя.

Мы подошли к шлюзу. И правда, замок был снят. Цуй-гу уже поджидала нас. Я взял Си-эр под правую руку, Цуй-гу под левую, и они, пригнувшись и высоко по-журавлиному подымая ноги, прошли по шлюзу. Пошел мелкий дождь, дорога стала скользкой, словно бы маслом смазанная. До Шамяня мы добрались берегом. На реке было оживленно, звучали цевницы и песни. На одной из лодок Цуй-гу заметила приятельницу и окликнула ее. Мы сели к ней в лодку. Тут только я за-

метил, что волосы у Си-эр растрепаны, точно куст полыни на ветру, а шпильки и серьги бесследно исчезли.

—Что, отняли? — спросил я.

Она улыбнулась:

— Слышала, что они из чистого золота, это ведь вещи матушки-хозяйки. Когда мы спускались, я сняла их и спрятала в карман. Если бы шпильки отняли, непременно она затеяла бы тяжбу и заставила вас возместить убыток.

После такого объяснения мое сердце исполнилось благодарности. Я велел водворить шпильки и серьги на место и ни слова не говорить хозяйке о происшедшем, а наше возвращение объяснить тем, что-де в моем доме оказалось много народу.

В точно таких словах Цуй-гу доложила обо всем управительнице, притом добавила:

— Вином и закусками мы уже угостились, хорошо бы дать нам теперь чжоу.

К тому времени бражники из верхней каюты ушли, и хозяйка заведения, вдова Шао, послала Цуй-гу проводить меня в каюту. Тут я увидел, что расшитые туфельки девушки насквозь промокли и вымазаны грязью. Втроем мы принялись за чжоу и слегка утолили голод. Потом сняли нагар со свечи и потянулась долгая беседа. Я узнал, что Цуй-гу родом из Хунани, а Си — уроженка Хэнани, подлинная ее фамилия — Оуян, отец ее умер, мать вновь вышла замуж, а жестокосердный дядя, брат отца, продал Си-эр. Цуй-гу принялась рассказывать о горестях своего житья-бытья, когда, как говорится, не успеешь проводить одного — встречай другого; на сердце нерадостно, а улыбайся, вина душа не принимает, а пей насильно, тело радостей не просит — иди с гостем, в горле скребет — непременно пой. Находятся и такие беспутные посетители, чуть что не по нему, швырнет бокал с вином, опрокинет столик, наговорит грубейших слов — знает ведь, что хозяйка ему поверит, еще скажет, будто девица необходимо встретила гостя. Случаются и вовсе мерзкие гости, всю ночь напролет словно топчут тебя или ездят по тебе колесами, так что мочи нет. Когда Си-эр только пришла в заведение, она была еще очень молода и матушка-хозяйка всегда жалела ее. Цуй-гу рассказывала, а из моих глаз лились слезы. А тут и Си-эр вдруг заплакала.

Я привлек ее к груди, приласкал и успокоил. Я велел Цуй-гу лечь на тахте, ибо считал ее подружкой Сю-фына.

С той поры раз в десять, а то и в пять дней за мной непременно посылали кого-нибудь и звали на лодку. Иногда Си-эр приезжала в ялике и поджидала меня на берегу. Каждый раз, отправляясь на «цветочную ладью», я брал в компанию Сю-фына, но мы никогда не звали других гостей и не шлялись по другим лодкам. За всевозможные услады одной ночи брали всего четыре заморские серебряные монеты. Правда, Сю-фын имел обыкновение нынче пригласить одну, а на завтра — другую, как говорится, то в зеленом, то в красном, в народе это называется «прыгать от лохани к лохани», а порой доходил до того, что звал двух певичек зараз. Я всегда был только с Си-эр. Случалось, я приезжал на лодку один, выпивал на верхней палубе чашечку-другую вина, вел тихие беседы в каюте и, проявляя участие и сострадание, не заставлял девушку петь и не принуждал много пить, и у каждого на лодке веселело на сердце. Девушки, товарки Си-эр, завидовали ей. Узнав, что я в заведении, девицы, которые были свободны и не принимали гостей, обязательно приходили к нам. Все они хорошо знали меня. Идешь по лодке, так окликают без конца. Взглянешь на одну, кивнешь другой, всем-то ведь и не ответишь, да осыпь их десятью тысячами монет, и то не удостоишься подобного расположения. Я же за четыре месяца истратил всего сто с лишним монет, а уж сколько плодов личжи и свежих фруктов мне привелось отведать! Редкое удовольствие, на всю жизнь.

Вскоре управительница заведения возымела желание получить с меня пять сотен монет, принуждая, чтобы я их внес за Си-эр. Я стал тяготиться ее назойливостью и принял решение уехать. Сю-фыну, который пришел в помрачение от любовной страсти, я посоветовал купить наложницу.

В Сучжоу мы воротились тем же путем.

На следующий год Сю-фын снова отправился в Кантон, отец не разрешил мне ехать с ним. Я был приглашен в Цинпу на службу к начальнику уезда Яну. Возвратясь из Кантона, Сю-фын рассказал мне, что Си-эр хотела покончить с собой, тоскуя, что я не еду.

Увы! Те полгода минули словно сон.
На «цветочной ладье» прослыл я равнодушным!

После Гуандуна я два года прожил в Цинпу и за это время не совершил ни одного приятного путешествия, о котором стоило бы рассказать. Незадолго перед этим Юнь встретила с певичкой Хань-юань, и мы были втянуты в водоворот пересудов. Юнь переволновалась и заболела. Я вместе с Чэн Мо-анем открыл лавку по продаже свитков и книг, это давало мне возможность покупать для Юнь лекарства.

Спустя два дня после праздника Середины осени У Юнь-кэ, Мао И-сян и Ван Син-лань пригласили меня посетить Малую обитель спокойствия, что расположена в Сишаньских горах. Ради какого-то неотложного дела я не мог пойти с ними и предложил им отправиться одним. У Юнь-кэ сказал мне:

— Если у вас будет возможность пойти за город, то завтра в полдень мы будем ждать вас перед самыми горами у Приюта журавля подле моста Шуйтацяо (что значит «Ступивший на воду»).

Я согласился. На следующий день, оставив лавку на Чэна, я вышел из ворот Чанмынь, дошел до гор, миновал мост Шуйтацяо, прошел тропкой по меже и, повернув к западу, заметил скит, что был фасадом обращен к югу и опоясан у ворот светлым ручьем. Я забарабанил в ворота и стал звать кого-нибудь. В ответ услышал:

— Откуда гость?

Я объяснил. Тот рассмеялся и сказал:

— Это Обитель облаков. Разве гость не видел над воротами надписи? Приют журавля вы уже прошли.

Я ответил:

— Но от самого моста я не видел никакой другой обители!

Тогда человек показал рукой назад:

— Разве гость не видит вон там, в густых зарослях бамбука, глинобитную стену? Это и есть Приют журавля.

Мне пришлось вернуться. Я дошел до стены. Небольшая дверца в стене была плотно прикрыта. Через щель я заглянул внутрь: была видна низенькая изгородь и тропинка, петляющая среди густых зеленых за-

рослей бамбука, — кругом тишина, ни единого звука. Какой-то человек, проходящий мимо, сказал:

— Под стеной есть выемка, в ней камень, постучите им посильнее.

Я забарабанил в дверь, на стук вышел молодой монах. По узенькой тропке я прошел внутрь, миновал каменный мостик, затем свернул на запад и только тут увидел храмовые ворота с доской, покрытой лаком, на ней белилами было начертано: «Приют журавля». Ниже следовала пространная надпись, но у меня не было времени читать. Войдя в ворота и миновав зал, я заметил, что в обители опрятно и все блистает чистотой, будто пыли здесь никогда и не бывает. Я понял, что в этом храме ценят тишину и чистоту. Неожиданно я увидел, как из галерей вышел молодой монах с чайником в руке. Я окликнул его и спросил о приятелях. В ответ услышал смех Син-ланя:

— Каково? Я же говорил, что Сань-бо не обманет наших надежд.

Я обернулся и увидел Юнь-кэ, который шел навстречу.

— Ждем вас, господин, к ранней трапезе. Что же вы так припозднились? — спросил он меня. Позади него стоял монах, он мне поклонился. Я спросил его об имени, оказалось, монаха звали Чжу-и.

Я вошел в его келью, она была чрезвычайно мала — едва ли не в три потолочные решетины. На вывеске значилось: «Кабинет коричневого дерева». Действительно, посреди двора росло два коричневых дерева, они были в полном цвету. Син-лань и И-сян поднялись навстречу мне с возгласом:

— За опоздание вы наказаны тремя чарками!

К столу были поданы лучшие скоромные и постные блюда и выставлено желтое и белое вино. Я спросил своих друзей:

— Много ли мест посетили?

— Вчера прибыли под вечер, нынче поднялись спозаранку, но сходили только в Обитель облаков и Речную беседку.

Мы долго и с удовольствием пили вино. А когда трапеза подошла к концу, отправились посетить восемь или девять мест, начав с Обители облаков и Речной беседки. Дойдя до Цветочной горы — Хуашань, сдела-

ли привал. В каждом месте была своя прелесть, нет возможности подробно здесь обо всем рассказать.

Вершину Цветочной горы венчает Лotosовый пик. Время шло к закату, и мы отложили его посещение до другого раза. В здешних местах кассии цвели особенно пышно. Мы устроились под цветущими деревьями и выпили по чашке ароматного чая, а затем сели на повозку и по тропе вернулись в обитель. Бокалы и тарелки были уже расставлены в павильоне Приближения к чистоте. Монах Чжу-и был немногословен, но он любил гостей и был здоров выпить. Поначалу мы сломали ветку коричневого дерева и пустили ее по кругу, так продолжали игру до тех пор, пока каждому не пришлось выпить по разу. Кончили, когда барабан пробил вторую стражу.

Я сказал:

— Так прекрасно нынче ночью сияет луна, если мы сейчас, хмельные, здесь ляжем, после непременно будем сожалеть, что пропустили ее полное сияние. Нет ли где места с хорошим обзором, откуда мы могли бы насладиться луной и достойно провести эту прекрасную ночь?

Чжу-и предложил:

— Можно подняться к Беседке выпущенного аиста.

А Юнь-кэ заметил:

— Син-лань ведь ходит в обнимку с цитрой, а мы еще не слышали его лучших мелодий. Пойдемте в беседку и пусть он нам сыграет. Согласны?

Все вместе мы отправились в путь, дорога шла по заиндевелому лесу, луна освещала бескрайнюю пустоту, десять тысяч голосов тонули в безмолвии. Син-лань исполнил мелодию «Цветы дикой сливы» в трех вариациях, мелодия плавно плыла куда-то к небожителям. И-сян, воодушевившись, достал из рукава флейту, настроил ее и заиграл. Юнь-кэ сказал:

— Вряд ли кому-нибудь из тех, кто нынешней ночью любит луну на Каменном озере, так же радостно, как нам?

И вправду, ведь в моем Сучжоу в обычае на восемнадцатый день восьмой луны любоваться на Каменном озере отражением луны в воде с Моста шествия весны. Лодки жмутся одна к другой, всю ночь звучат песни под цевницу, но это лишь называется «любование лу-

ной», а на самом деле всего лишь в обнимку с певичками среди шума и гама пьют вино... Луна вскоре опустилась, и выпал холодный иней. Вдохновенное настроение наше иссякло, и мы пошли спать.

Наутро Юнь-кэ заявил нам:

— Где-то в здешних местах есть Обитель оставшегося в миру, она стоит в укромном месте. Кто-нибудь бывал в тех местах?

Мы хором ответили:

— Не только не бывали, но даже не слышали.

Чжу-и сказал:

— Обитель окружена горами, место это удаленное, и даже монахи не могут жить там подолгу. В прошлые годы я бывал в ней, видел одни руины. Я слышал, что ученый отшельник по имени Чи-му, фамилия его Пэн, восстановил обитель. Дорогу туда я еще помню, так что, если вы соберетесь, могу служить проводником.

И-сян сказал:

— Что ж, идти на пустой желудок?

Чжу-и рассмеялся:

— Я уже приготовил лапшу, правда без мяса. К тому же великий отшельнику-даосу прихватить бамбуковый складень с вином и закусками.

Мы съели лапшу, потом поднялись и двинулись в путь. Когда прошли место, называемое Сад высокого долга, Юнь-кэ свернул к Приюту белых облаков. Мы вошли в ворота и присели отдохнуть. Один из монахов важно подошел к нам, сложил руки и, почтительно приветствуя Юнь-кэ, сказал:

— Уже два месяца, как не внимал вашим наставлениям. Что новенького в городе? А что, гарнизонный все еще в своей управе?

От неожиданности И-сян поднялся, взмахнул руками и, чтобы не рассмеяться, выскочил за ворота. Я и Син-лапъ, едва сдерживая смех, последовали за ним. Юнь-кэ и Чжу-и почтительно ответили на все вопросы монаха и, попрощавшись, ушли.

В Саду высокого долга как раз и находится могила Фаня. Подле нее — Пристанище белых облаков. С наружной стороны павильон огражден стеной, сверху свешиваются лианы, внизу выбит глубокий водоем шириной в чжан с лишком — бездонная прозрачная лазурь, в которой плещутся золотые рыбки, — отсюда он и по-

лучил название Источник-чаша. Бамбуковый очаг и таган для приготовления чая здесь поставлены в укромном месте. Подле павильона, среди необозримой зеленой чащи, расположена сама могила Фань Чжун-аня. К сожалению, послушник не захотел посидеть здесь подольше. В свое время от Деревни на песках я вместе с Хун-ганем ходил на Гору петуха и дракона. Здесь ничего не изменилось, только Хун-гань был уже мертв, и донныне мне не совладать с болью утраты. Мои грустные размышления были прерваны. Деревенские ребятники, трое, а может и пятеро, что собирали грибы среди зарослей травы, высунули головы, стараясь разглядеть меня, рассмеялись и похоже удивились приближенно такого множества людей. Расспросили их о дороге к Обители оставшегося в миру. В ответ они сказали:

— По прежней дороге не пройти из-за большого паводка. Вернитесь на несколько шагов, к югу будет тропка, пойдете вдоль хребта и доберетесь до места.

Мы последовали совету. Прошли по южной тропинке несколько ли вдоль хребта, лес становился гуще, со всех сторон нас обступали горы, тропинку покрыл зеленый мох, и нигде — ни следа человека. Чжу-и повертел головой и сказал:

— Похоже, что здесь, ведь тропа не могла измениться, правда?

Я присел и внимательно огляделся вокруг — среди сумрака бесчисленных бамбуковых стволов я увидел обветшавшую стену и строение, тропинка уходила в чащу бамбука, продираясь сквозь кустарник, мы отыскали ее, а потом нашли и ворота с надписью. Я прочел: «Чаньская область в такой-то год и месяц была восстановлена Пэн Моу по прозванию Оставшийся в миру старец из Южного сада». Все изумились и похвалили нашего проводника:

— Да вы просто достойный муж, вы прямо Улинский рыбак.

Ворота приюта были плотно прикрыты, мы долго стучали, но никто не откликнулся. Вдруг с лязгом отворилась дверь и появился молодой послушник в зала-танном платье, лицо истощенное, а ноги, видно, никогда не знали башмаков. Он спросил:

— Зачем гости пожаловали?

И-чжу поклонился и сказал:

— Мы ищем покоя и уединения, специально пришли повидать ваш лик.

Послушник ответил:

— Монахи разбрелись, некому встретить вас, попрошу вас поискать других дорог.

Сказал так, закрыл ворота и хотел было уже идти. Юнь-кэ мигом остановил его и попросил разрешения пройти и погулять за оградой приюта, обещая за это непременно вознаграждение. Послушник улыбнулся:

— Капустных листьев и то не вдоволь, боюсь, не сумею принять вас достойно, потому, могу ли надеяться еще и на вознаграждение?

Он отворил нам дверь, и мы увидели бронзовый лик Будды, блестящий сквозь зелень листвы, каменное основание лестницы было, словно рисунком, покрыто мхом. Позади храма ступенчатая терраса, ее ограждали каменные перильца. От террасы к западу лежал камень, по форме напоминающий пельмень, он возвышался над землей почти на два чжана, кругом его рос нежный бамбук. Повернув сначала к западу, а потом к северу, мы подошли к наклонной галерее, постояли, подумали и поднялись. Гостевой зал галереи имел три колонны, крепко укрепленные на большом камне. У подножия камня было выдолблено небольшое и круглое, как луна, озерцо, в него вливался чистый поток, водоросли вилларсии спутанно вились в воде. Восточный зал — парадный. Справа от него и на запад располагались монашеские кельи, кухня и очаги. За залой вблизи проходила отвесная стена, спутанные кроны деревьев отбрасывали густую тень: поднимешь голову, а небес не видно.

Силы Син-ланя иссякли, и он устроил короткий отдых на берегу озера. Я последовал его примеру. Раскрыли складень и немного выпили. Вдруг из самой чащи деревьев услышали голос И-сяпа, он звал меня:

— Сань-бо, иди скорей. Отсюда прекрасный вид!

Подняли голову, но И-сяпа не увидели, пошли искать. Из восточной пристройки мы вышли через небольшие ворота, свернули к северу и стали подниматься по каменным уступам, как по лестнице. Прошли с десятков ступеней, и среди бамбукового леса промелькнул терем. Еще несколько ступенек, и мы поднялись наверх к пещере в восемь оконных проемов. Надпись на ней

гласила: «Павильон летящих облаков». Четыре горы обнимали его наподобие городской стены, недоставало лишь юго-западного угла. Вдалеке виднелась водная гладь, сливающаяся с небом, и едва различимая лодка под парусом — то было озеро Тайху. Опершись на подоконник, я глянул вниз — ветер колыхал верхушки бамбуков, словно прокатывался волной по пшенице. И-сян сказал:

— Каково?

Я согласился:

— Прелестный вид.

Вдруг мы услышали, как Юнь-кэ кричит нам с башни:

— И-сян, скорее, отсюда еще более красивый вид!

Мы спустились с башни, свернули на запад и через десяток ступеней неожиданно вступили на просторное, вроде террасы, место. Прикинули, сколько до земли, оказалось, что мы выше той отвесной стены, что позади павильона, были ясно видны остатки разрушенной плиты — возможно, в давние времена она служила основанием для зала. Я взглянул на кольцо гор, и этот вид меня более воодушевил, чем тот, что открывался из павильона. И-сян исполнил несколько мелодий, он стоял на фоне озера Тайху, и множество гор отвечали ему эхом. А когда мы расстелили циновку на земле и расставили бокалы, в меня словно вошла печаль. В молодые годы ты жаждешь крепкого вина вместо душистого чая, а потом послушно заменяешь чай рисовым отваром. Пригласили монаха откусать с нами. Спросили, что за причина такой крайней скудости и запустения здешних мест. В ответ услышали:

— В округе нет поселений, и по ночам здесь пошаливают. Иной раз весь урожай отберут. Яблони, что здесь растут, наполовину принадлежат дровосекам. Наша обитель — ответвление храма Чуннин, в середине каждого месяца главная кухня присылает нам на прокорм один дань сухим пайком и один кувшин приправ, и все. Некий дальний потомок из рода Пэн жил в обители какое-то время и присматривал за монастырем, пытаясь возродить старое, ведь в скором времени здесь и следа человеческого не останется.

Юнь-кэ отблагодарил его иноземной монетой. На обратном пути дошли до приюта Прилет журавля, где

наняли лодку и прибыли домой. Я нарисовал картину «Обитель оставшегося в миру» и поднес ее Чжу-и, выражая тем свое удовольствие по поводу такого приятного путешествия.

В тот год зимой я оказался втянутым в тяжбу, поручившись за своего приятеля, почему потерял благорасположение семьи. Затем нашел пристанище у господина Хуа в Сишаньских горах, а весной следующего года я перебрался в Вэйян. Как я тогда нуждался в деньгах! В Шэнъянской управе у меня был старинный друг, по имени Хань Чунь-сюань. Я пошел навестить его. Из-за оборванного платья и продранных туфель я не решился войти в канцелярию и передал ему письмо с предложением встретиться в садовой беседке при местном храме. Когда он пришел и увидел, сколь плачевен мой вид, он понял мое бедственное состояние и дал десять золотых монет. Этот сад был создан на пожертвования заморских купцов, он величайших размеров, досадно, что в нем нет порядка и гармонии — каждый вид не увязан с другим, а насыпанные горки и скалы никак не сочетаются между собой. Возвращаясь, я вдруг вспомнил о достопримечательностях Юйшаня, а так как мне подвернулась лодка, я решил осмотреть и их.

Была середина весны, персики и сливы соперничали в красоте, мне было жаль, что я иду один, без попутчика. Так, с тремя сотнями бронзовых монет за пазухой я направился к Юйшаньскому училищу под названием Книжная палата. Я заглянул через стену училища и увидел заросли деревьев и кустов, увитых цветами, — был прелестный красный цвет среди нежной зелени, ветки то наклонялись над водой, то искали опоры в горе. Сколь сильное чувство отдохновения вызвал во мне этот вид! К досаде моей, я не сумел отыскать ворота, дабы войти внутрь. По дороге мне попалась харчевня под навесом, где подавали чай. Я заглянул в нее. Попросил заварить чашечку бирюзово-зеленого напитка. Я испил его — тончайший вкус. Стал у присутствующих расспрашивать, какие места здесь, в Юйшане, самые примечательные? Один человек сказал мне так:

— Прямо отсюда выйдете к Сигуаню — Западному проходу, поблизости будет Цяомынь — Врата меча, это

и есть самые знаменитые места Юйшаня. Если вы сейчас тронетесь в путь, я провожу вас.

Я с радостью согласился.

Мы вышли из Западных ворот и пошли к горе, через несколько ли взору нашему открылась ее вздымающаяся вершина. А когда подошли ближе, увидели, что вершина расколота надвое, обе стены разлома полуразрушены, а высота их — несколько десятков саженей. Я подошел еще ближе, задрал голову вверх — казалось, скала сейчас обрушится и завалит меня. Мой проводник сказал:

— В народе говорят, что на вершине, в пещере, — канцелярия небожителей, жаль, что нет к ней тропы.

Я воодушевился, подвернул рукава, подоткнул подол платья и, карабкаясь, словно обезьяна, полез вверх, и так напрямик добрался до вершины. То, что именовалось Небесной канцелярией, оказалось и впрямь пещерой около чжана глубины, над ней была расселина, через которую пробивался свет. Я опустил голову и глянул вниз: от страха у меня подкосились ноги, и я едва не свалился. Прижавшись к стене, держась за лианы и ища опоры для ног, я стал спускаться.

— До чего вы мужественны, вы — старый опытный ходок! Ни разу не случилось мне видеть человека, подобного вам, — восхитился проводник. Я же думал только о питье — во рту у меня пересохло. Я пригласил того человека зайти в деревенскую харчевню, где и выпил три чашки. Солнце уже садилось, я вынужден был вернуться и, подобрав на дороге с десяток кусков красного железняка, положил их за пазуху и отправился домой. Той же ночью я нанял лодку, поплыл в Сучжоу — так я воротился в Сишань. Это было веселое путешествие, которое я совершил в пору своих горестей и невзгод.

Весной года цзя-цзы под девизом Цзяцин мой батюшка скончался, и в скором времени я покинул дом, начав свои дальние странствия. Мой друг Ся Ишань предложил мне пожить у него. Осенью в восьмую луну он пригласил меня отправиться вместе с ним на Берег Юнтай — отмель в Восточном море, — он должен был собрать урожай и арендную плату.

Отмель Юнтай приписана к уезду Чунмин. Мы вышли из гавани Люхэ и проплыли морем более ста ли.

Отмель Юнтай была только что поднята из-под воды, это было пустынное и заброшенное место — ни улиц, ни лавок, среди безбрежного моря тростника лишь кое-где мелькало жильё. Все строения были окружены рвами и дамбой, на которой высадили ивы.

Кроме Ся И-шаня, на отмели жил некто Дин, ему принадлежал амбар и несколько десятков домов. Второе имя Дина — Ши-чу, сам он уроженец Чунмина. На этой отмели он был старостой, под его началом был еще приказчик Ван. Оба были brave ребята и любили гостей. Они встретили нас как старых друзей, забили свинью и опорожнили жбан вина. Дин предложил «сыграть в пальцы», сам он не знал толка в поэзии или словесности, а если пел, то из глотки его вырывались вопли, поскольку мелодия или ритм были выше его разумения. Каждый раз, будучи во хмелю, он подзывал работников, плясал с ними, либо ради развлечения бился на кулачках. Дин держал больше сотни бычков, они ночевали на дамбе под открытым небом, и разводил гусей, надеясь, что в случае нападения воров гуси поднимут шум. Иногда, взяв сокола и гончую, он уходил на охоту в прибрежные заросли тростника и всегда возвращался с дичью. Как-то я попробовал последовать за ним, но он шел так быстро, что я вскоре утомился и лег в траву.

Однажды он взял меня посмотреть поля. Каждый участок был пронумерован и огражден высокой дамбой для защиты от морских прибоев. В дамбе был прорыт сток, который регулировал напор воды. На рассвете, когда подъем воды высок, шлюзы открывали, чтобы вода залила поля, при низком стоянии вод, если поле перенасыщено влагой, воду спускали. Дома работников были разбросаны по отмели, словно звезды на небе, однако на зов управляющего все собирались мгновенно. Работники называли моего приятеля «хозяином», слушались его и почтительно поддакивали. Простые и искренние люди, они заслуживали любви. Будучи раздражены несправедливостью, они становились свирепее леопардов и тигров, но за доброе слово кланялись и благодарили. Их жизнь состояла из этих ветров, дождей, солнца. Их окружала поистине дикая природа, как в самые стародавние времена.

Из своего дома я видел валы воли и, даже прикля-

нив голову к подушке, слышал прилив, который гудел будто бронзовый колокол. Однажды ночью на расстоянии десяти ли я увидел в море красную свечу, она была с большую корзину. Свеча некоторое время плыла по морю, потом вдруг алым пламенем загорелся горизонт, словно кто запалил костер. Дин сказал:

— В здешних местах по временам появляется дух, светящийся божественным огнем, — это к половодью, а значит — на отмель нанесет много песку.

В этом диком месте я не соблюдал никаких условностей, не ведая запретов и опасений, дал волю сумасбродству: то, сев на спину вола, я распевал песни, то, вдохновленный вином, принимался плясать, короче, делал все, что мне заблагорассудится. Поистине, это было самое приятное путешествие моей жизни! Но дела были закончены, и в начале десятой луны мы отбыли.

Из достопримечательностей Сучжоу и его пригородов я более всего восторгаюсь местом, называемым Тысяча цинов облаков, оно как раз на Тигровом холме, и Мечом-озером. В других сооружениях и парках слишком явно проступает участие человеческого труда или они загрязнены «духом румян и пудры» и теряют свой истинный облик лесов и гор. А недавно воздвигнутые Байгунсы — Храм поэта Бо Цзюй-и и Мост тень пагоды — представляют всего лишь исторический интерес. Ефанбин, который я шутя переименовал в Берег диких трав, — любимое место размалеванных и напудренных певичек, которые, прогуливаясь, демонстрируют свою обольстительность. В самом городе наиболее знаменит парк Шицзылинь — Лес льва, говорят, что он сделан по эскизу Ни Юнь-линя, — камни там полупрозрачны и много старых деревьев. Однако же, если бросить взгляд на композицию парка в целом, окажется, что его искусственные горы и скалы нагромождены беспорядочно, точно кучи угольной пыли, прорытые муравьиными ходами, только сверху прикрытые мхом и лишайником. Парк лишен прелести гор и леса. Я попробовал разглядеть Шицзылинь в подзорную трубу, но все равно не почувствовал его красоты.

Линъяньшань — Гора волшебного духа — место, где некогда жила Си Ши, знаменитая наложница князя У. Здесь же находятся многие достопримечательности, такие, как Пещера Си Ши, Галерея звучащих тувель, Тро-

па, собирающая благовония, но в планировке ансамбля они уступают особенной, таинственной прелести холмов Тяньпин и Чжисин.

Другие популярные места — гора Дэнвэйшань, известная под названием Юаньские могилы, и расположенное к северу от нее озеро Тайху. На восток от них — Парчовый Пик. Упоительный, словно картина, вид: бирюзовые терема на фоне красного, как киноварь, склона. Местные жители выращивают здесь сливу мэйхуа. Цветущие деревца раскинулись на площади в несколько десятков ли, глянешь — словно бескрайние снега, потому это место и получило название Море благовонного снега.

Справа от горы растут четыре старых тополя, у них особые названия: «чистое», «странное», «древнее» и «причудливое». У того, что зовется «чистым», прямой и тянущийся кверху ствол, крона дерева походит на бирюзовый балдахин. То, что звалось «причудливым», согнуто над землей в три оборота, очертания его напоминали иероглиф «чжи». «Древнее» — с голой высохшей верхушкой, половина тополя зелена, а половина уже суха, ветви его торчат словно ладони. «Причудливый» походил на свернувшуюся в раковине улитку, его ствол и ветви были сильно перекручены. Народная молва утверждает, что тополя еще доханьского времени.

В начале весны года и-чоу И-шань пригласил господина Чунь-сяна и своего старшего брата Цзя-ши с сыном и племянником посетить семейный храм Пушань для свершения весенних жертвоприношений и обметания могил предков. Он позвал также и меня. По пути мы добрались до Горы волшебного духа, а от Моста тигровой горы поплыли по реке Фэйцзяхэ. У Моря благовонного снега любовались цветами. Храм Пушань стоял в сливовом саду. То как раз была пора цветения, и мы наслаждались тонким ароматом цветов. По возвращении я нарисовал двенадцать пейзажей Пушаня и преподнес их Цзя-ши.

В девятую луну того же года я сопровождал Чжотана, который получил назначение на службу в Сычунь, в управу Чунцина. Вместе со мной ехали Цзян Шоу-мин и Цай Цзы-пинь. На лодке мы поднялись вверх по течению Янцзы и добрались до главного го-

рода провинции Аньхуэй — Ваньчэн. На склоне горы Ваньшань находится могила Юй-гуна, юаньского Ли, верного министра монголов. Вблизи могилы стоит беседка — Терраса большого обзора. Беседка обращена фасадом к Южному озеру, стеной опирается на гору Цянь-шань. Беседка поставлена на самом хребте, и с нее открываются дальние виды, приятные глазу. Рядом с ней — глубокая галерея, с севера оконные проемы были растворены настежь. Уже выпал иней, листья чуть покраснели, деревья были нарядны, точно персики или сливы в цвету.

К югу от города находился сад семьи Ван. С запада на восток сад широк, а с юга на север — узок; на севере он вплотную прилегал к городской стене, а на юге — к озеру. На столь малом пространстве чрезвычайно трудно разбить сад, и ради экономии места в нем построили двухъярусные террасы и павильоны с надстройкой. Принцип двухъярусной террасы таков: над главным помещением устраивается терраса для любования луной, которая в то же время служит двориком и садиком, на нее насыпают камни и высаживают цветы, так что посетитель и не подозревает, что под его ногами есть еще помещение; а поскольку под насыпанными камнями и грунтом, на котором разбит дворик и сад, есть пустота, то цветам и деревьям садика доступен дух земли, и потому все изобильно цветет. Павильон с надстройкой делается так: наверху башни ставят перила, над перилами возводят одноэтажную террасу, и так по спирали сверху донизу располагают четыре этажа; внизу непременно должно быть озеро, вода в нем не иссякает и не переполняет его — и невозможно понять, что здесь служит опорой, а что является собой пустоту. Фундамент должен быть полностью выложен кирпичом, затем сваи на западный заморский манер переходят в колонны. В саду господина Вана павильон был обращен к Южному озеру, и ничто не препятствовало обзору местности. Сколь радостно было обозревать окрестности из павильона, никакого сравнения с тем, что можно было увидеть из сада! Поистине, этот сад был удивительнейшим и редким творением человеческих рук!

Башня желтого журавля в Учане стоит на Утесе желтого лебедя, за которым как раз и находится Гора

желтого лебедя. В народе гору прозвали Змеиной. Башня трехъярусная, с расписными стропилами и летящими карнизами; она словно скала высится над городом. Фасадом башня выходила к реке Ханьцзян. На другой стороне реки в пару ей стоял Ханьский павильон — Цинчуаньгэ. Хотя шел снег, я и Чжо-тан все же поднялись на башню. Над нашими головами простиралась бездонная пустота, на ветру танцевали снежинки — драгоценные цветы, вдаль виднелись серебряные горы и словно жемчугом украшенные деревья. Вокруг было разлито сияние, и я сам словно стоял на башне из перламутра. По реке взад и вперед сновали небольшие ялики, они были раскиданы по водной поверхности словно листья, унесенные крутящимися валами. Самый алчный человек, придя сюда, станет безразличен к деньгам. Стены башни были исписаны множеством стихов, я не мог всех упомянуть. Одну надпись на столбе я запомнил:

Когда прилетит сюда желтый журавль?
Давайте осушим до дна золотые кубки
И оросим тысячелетние травы жертвенным вином.
Но перед моим взором лишь улетающие прочь белые облака.
Кто сыграет нам на яшмовой флейте,
Заставляя опадать цветы майской сливы у города над рекой?

Скала Красная стена в Хуанчжоу находится за городскими воротами Ханьчуань, она гордо высится на самом берегу реки и впрямь походит на стену, поскольку камень на горе красноватый, откуда и пошло ее название. В «Книге Вод» она названа горой Красного носа. Поэт Су Ши здесь путешествовал и сочинил две поэмы фу, в которых называет гору как место, где скрестились войска царств У и Вэй, что не соответствует действительности. Под стеной сейчас намыло песок. Над самой горой стоит беседка Двух поэм.

К наступлению поры Середины зимы мы достигли Цзинчжоу. Чжо-тан получил письмо, в котором его уведомили, что ему следует ехать в Тунгуань, дабы провести там ревизию, я же остался в Цзинчжоу. Так мне не довелось повидать горы и реки земель Шу, о чем я сокрушался. В Цзинчжоу остался и сын Чжотана с семьей, а также Цай Цзы-цин и Си Чжи-тан. Я жил в пришедшем в запустение саду семьи Лю, до сих пор помню вывеску на большой зале: «Горный при-

ют пурпурной лианы и красного дерева». Лестницы павильона были ограждены каменными балюстрадами, подле было озеро размером в му. Посреди озера — беседка, к ней вел каменный мостик. Позади беседки была насыпана земля и нагромождены камни, на ней как попало росли деревья и кустарники. Сад большой, за ним трудно ухаживать, и павильоны и терема в нем покосились и частью разрушились. Здесь я был гостем, у меня не было особых дел, я ходил на прогулки, а то и просто вел разговоры или пел. К концу года наши дорожные деньги иссякли, а новых не поступало, но это не очень беспокоило нас — мы заложили платье и купили вина и вскоре устроили пир с барабанами и гонгами. Каждый вечер мы непременно пили, учредив застольный устав и штрафные чарки за каждое нарушение правил игры. При всем недостатке в средствах, мы все же достали четыре ляна на водку. В Цзинчжоу я встретил земляка по фамилии Цай. Стали считатья родством, оказалось, он мой родич. Мы взяли его в проводники, чтоб он показал нам места, славившиеся своей красотой. Цай привел нас к Цюйцзянлоу — Башне речных извилин. Чжан Цю-лин в бытность свою чанши слагал здесь оды и стихи. А Чжу Си однажды сказал так: «Когда думаешь о друге и хочешь повернуть голову в ту сторону, где он живет, подымись на Башню речных извилин».

Над городом высится Башня Сюнчулоу, она была воздвигнута семьей Гао во времена пяти династий, величественное сооружение, с башни открывается вид на многие сотни ли. Река, опоясывающая городскую стену, обсажена плакучими ивами, по ней взад-вперед сновали лодочки — манящая живописца картина. В давние времена в помещении городской управы Цзинчжоу находилась ставка генерала Гуань Юя. У ворот во внутренний двор до сих пор лежит темный надтреснутый камень, люди говорят, что это кормушка Красного зайца, легендарного коня Гуань Юя. В тот раз я собрался посетить жилище Ло-ханя, что на маленьком озере к западу от города, но не нашел тех мест, зато попал в старое жилище Сун Юя, оно от города к северу. В прежние времена именно здесь застиг Юй-синя мятеж Хоу Цзина, потом Юй-синь вернулся в Цзянлин, где и жил в старом доме Сун Юя; по его словам, этот

дом переделали под питейное заведение. Ныне этих мест не узнать.

В канун Нового года выпал снег и похолодало. По этой причине новогодние праздники обошлись без хлопот, связанных с поздравлениями. Мы развлекали себя тем, что запаливали хлопушки, пускали бумажного змея и развешивали бумажные фонарики. Но скоро ветер принес надежду на тепло, а весенний дождь омыл землю. К тому времени прибыли по реке наложницы Чжо-тана со своими малолетними сыновьями и дочерьми. Дуньфу упаковал вещи, и мы с ним опять тронулись в путь. Шли берегом от Фаньчэна, направляясь прямо к Тунгуани. Мы пересекли уезд Вэньсян, что в Хэнани, и вышли к Ханьгугуани с западной стороны. Проход у заставы — тропа между двух скал — столь узок, что едва ли две лошади могут пройти рядом. Когда-то через эту заставу ушел Лао-цзы на черном осле. Об этом событии путешественникам напоминала надпись: «Пурпурный эфир, прийдя с востока, ушел на запад».

Примерно в десяти ли от Ханьгугуани находится следующая застава — Тунгуань, с одной ее стороны была отвесная стена, с другой — воды Хуанхэ. Крепость имела важное стратегическое значение — ее башни и бастионы были расположены между горой и рекой. В этом труднодоступном месте редки были поселения людей, не часто встречались и путешественники. Строка Хань Юя «Солнце сияет над Тунгуанью, все двери настезь», наверное, и должна передать заброшенность этого края.

Из начальства оказались только представители местной управы. Присутствие примыкало к северной стене города, позади здания на площади около трех му был разбит сад и огород. На восточной и западной окраине сада сверкали два озера, вода попадала в них из ручья, что тек вдоль стены с юго-запада. Где-то у самых озер поток бежал по трем канавкам: одна канавка вела в кухню, здесь брали воду для каждодневных нужд; другая — текла на восток и впадала в восточное озеро; третья — поворачивала с севера на запад и, пройдя через пасть каменного дракона, вливалась в западное озеро. Отсюда, кружа и петляя, поток тек на северо-запад, где просачивался через шлюз, а потом, обойдя подножие городской стены, вырывался

на волю и попадал прямо в Хуанхэ. Журчащий напев воды был приятен слуху, а тень в бамбуковом лесу была столь густой, что закрывала от взора небеса.

Беседка посреди озера была окружена купами лотосовых цветов. На восточном берегу стояло жилище для ученых занятий, оно состояло из трех комнат, все комнаты были обращены на юг, во дворике росла виноградная лоза, а под ней лежал квадратный камень, который служил столом: для шахмат и для подноса с чайником вина. Вся остальная земля во дворике была отдана хризантемам. На западном берегу озера стояла открытая галерея из трех комнат, обращенных к востоку, здесь приятно было посидеть и послушать журчание воды. Через маленькую дверцу в стене можно было проникнуть во внутреннюю комнатку. Северное окно галереи выходило на другое озеро. А на противоположном берегу его виднелся небольшой храм, посвященный Богу цветов. Главное строение сада — трехъярусный терем, примыкающий к северной части городской стены, он вровень со стеной, и с него открывался вид на Хуанхэ. На север от реки словно ширмы подымались горы; то был иной мир — Шаньси, бескрайняя земля.

Меня поселили в южной части сада в доме, похожем на лодку. Перед ним была каменная горка и на ней — павильон, поднявшись к нему, вы могли охватить взором весь сад. Густая тень деревьев прикрывала мой дом от солнца, так что летом я не чувствовал зноя... Чжо-тан выразил мне свое внимание и назвал мое жилище «Лодка без привязи». То был лучший дом, в котором мне пришлось жить, пока я исполнял должность секретаря управы. Вокруг каменной горки были высажены хризантемы, несколько десятков; жаль, что я не дождался их полного цветения, — вскоре я уехал, ибо Чжо-тан был приглашен инспектировать область Шаньдун.

И снова вся семья Чжо-тана двинулась в Тунгуаньское училище наук, я опять сопровождал их, тогда как Чжо-тан отбыл к месту службы первым. Цзы-цин, Чжи-тан и я оказались без дела и часто отправлялись прогуляться по окрестностям. Однажды на лошадях мы достигли храма Хуайнь, а потом посетили деревню Хуафын — место, где легендарный государь Яо трижды молился за свой народ. Во дворике храма росли кипа-

рисы и софора — их возраст исчислялся от времен Цинь и Хань, а толщина стволов достигала трех-четырёх обхватов. Иногда софора обвивалась вокруг кипариса или кипарис сплетал свои ветви с софорой. Во дворе было много древних каменных стел с разнообразными надписями, и среди них два знака — «счастье» и «долголетие», сделанные рукой Чэнь Си-и. Двор Яшмового источника, что у подножия Цветочной горы, как раз то место, где Чэнь Си-и, скинув с себя земное обличие, переродился в бессмертного. Его изображение — фигура спящего на каменном ложе — находится в маленькой пещере. Вода в тех местах чиста, песок белый, быстрый поток кружил по небольшой бамбуковой рощице, то как раз была пора цветения. Тут же за пещерой был выстроен квадратный павильон, названный Без печали. Рядом с ним три старых дерева, чья кора походила на растрескавшийся кусок угля, листья были как у софоры, но более густого тона, я не знал названия дерева, но местные жители прозвали его беспечальным деревом.

Я не предполагал, что так высока Цветочная гора, и, к сожалению, не взял припасов, поэтому не смог совершить на нсе восхождение. На обратном пути я увидел лесную хурму и сорвал несколько уже желтых плодов. Местные жители пытались остановить меня, но я не послушал их, надкусил один — во рту стало невыносимо терпко, и я поспешил его выплюнуть. Только когда слез с коня и прополоскал рот водой из ручья, я обрел способность говорить — к великому ликования моих советчиков. Оказывается, хурму следует предварительно прокипятить в горячей воде, дабы устранить ее терпкость, а я не знал.

В начале десятой луны Чжо-тан через нарочного передал нам, чтобы его семья ехала в Шаньдун. Вскоре мы покинули Тунгуань и, миновав провинцию Хэнань, прибыли в Шаньдун. В Цзинаңи, что в Шаньдуне, есть озеро Даминху. Посреди него — две беседки — Лисятин и Шуйсянтин, это местные достопримечательности. Редкое удовольствие взять немного вина, сесть в лодку и поплавать по озеру, скрываясь в густой тени ив, вдыхая аромат лотосов. Но я прибыл в город в зимний день и увидел только безбрежное море холодной воды и редкие ивы в дымке изморози. Источник

Баоту в Цзинани самый большой из всех семидесяти двух водоемов города. Он состоит из трех ключей, которые мощной струей выбиваются из-под земли, впечатление такое, словно это котел с крутым кипятком. Обычно потоки бегут сверху вниз, один этот течет снизу вверх — это главная особенность источника. Посреди озера — башенка с алтарем Люй-цзу. Путешественники обычно берут из источника воду для чая.

Во вторую луну следующего года я получил должность в Лайяне. Осенью года дин-мао Чжо-тан был исключен из членов академии Ханьлинь, и я вместе с ним поехал в столицу. Так и не довелось мне увидеть мираж на море в Дэнчжоу.

КОММЕНТАРИЙ

Тетрадь первая

Счастье брачных покоев

с. 23 года гуй-вэй при правлении государя Цяньлуна — 1763 г.; Цяньлун — четвертый император маньчжурской династии Цин (1736—1796); двадцать второй день одиннадцатой луны — 26 декабря.

Сучжоу — город в провинции Цзянсу к западу от Шанхая и к югу от Янцзы, знаменит своей красотой.

Су Ши — китайский поэт (1036—1101), одно время служил правителем Ханчжоу и построил дамбу на озере Сиху.

открывается «Встречей невесты». — «Встреча невесты» — первая песня «Шицзина» («Книги песен») — древнейшего свода китайской народной и ритуальной поэзии (XI—IX вв. до н. э.). Согласно древним толкованиям, в песне «Встреча невесты» выражается мечта о благой жене.

имя ее было Юнь, прозвание Су-чжэнь. — Имя (мин) — собственное и официальное имя, которое дается родителями и которым подписываются; прозвание цзы — вежливое обращение, которое выбирается в годы отрочества или дается учителем, друзьями и которым пользуются, обращаясь к этому человеку. В Китае считается неприличным спросить имя — так обращались к слугам. Обычно спрашивают не имя, а осведомляются о «благородной фамилии» и «уважаемом прозвании».

Бо Цзюй-и — знаменитый китайский поэт (772—846); пипа — щипковый музыкальный инструмент.

с. 24 мне было тринадцать. — На самом деле автору было двенадцать лет. Китайцы исчисляют возраст со времени зачатия, а не рождения ребенка.

нам не чинили препятствий видеться. — Правило общения, идущее с древности. Согласно сочинению Гэ Хуна «Бао Пу-цзы» (IV в.) «Свод обрядов» («Лицзи») предписывает, чтобы мужчины и женщины виделись не иначе как при посреднике — устроителе брака, не сидели вместе, не вели разговор, не хранили вместе одежды, не брали ничего непосредственно из рук друг друга.

года и-вэй — 1775 г.

с. 25 причина ее недолгой жизни. — Напряженная работа шивальщицы оказалась не по силам Юнь, и она рано умерла.

после третьей стражи. — С наступлением сумерек в Китае на городских башнях отбивали начало каждой из пяти двухчасовых ночных страж (с семи часов вечера до пяти утра).

чжоу — рисовая кашка.

двадцать второго дня первой луны в год гэн-цзы — 26 февраля 1780 г. Шэнь Фу было тогда семнадцать лет.

обмена чашами.— Новобрачные обмениваются чашами, сделанными из тыквы, расколотой пополам.

с. 26 *игру в пальцы на штрафную чарку вина.*— Застольная игра; суть ее в том, что двое играющих мгновенно раскрывают кулак и показывают пальцы. Выигрывает тот, кто верно назовет количество выставленных пальцев.

Наиболее распространенная в Китае водка — шаосинская, ее называют еще «желтым вином» (*хуан цзю*). Изготавливается из риса, крепость около 15°, подается в чайниках, разливается теплой в маленькие чашечки. Виноградного вина в Китае тогда не было.

слышать о «Западном флигеле».— Пьеса Ван Ши-фу (первая половина XIV в.) «Западный флигель, где Цуй Ин-ин ожидала луну».

с. 27 в *Куйци*.— Крупный город в провинции Чжэцзян, расположен к востоку от Ханчжоу, в городе жили многие выдающиеся китайские ученые.

из Улиня.— Улинь — другое название Ханчжоу, главного города провинции Чжэцзян.

я сел в лодку.— Сучжоу и Ханчжоу расположены на Большом канале.

с. 28 «...когда грязна — мою ноги».— Эти слова были будто бы произнесены Конфуцием.

с. 29 «Планы Сражающихся царств» («Чжань го цэ») — историческое сочинение, составленное в I в. до н. э.

«Чжуан-цзы» — сочинение философа Чжуан Чжоу (IV—III вв. до н. э.); Куан Хэн — писатель и политический деятель I в. до н. э.; Лю Сян (77—6 гг. до н. э.) — писатель и ученый периода династии Хань; Сыма Цянь (145?—87? гг. до н. э.) — автор «Записей историка»; Бань Гу (32—92) — автор «Истории Ханей»; Хань Юй (768—824) — зачинатель школы классической прозы — *гунвань*; Лю Цзун-юань (773—819) — писатель; Оуян Сю (1007—1072) — поэт; Су Сюнь (1009—1066) и его сыновья — поэты: Су Ши (1036—1101) и Су Чжэ (1039—1112); Цзя И (201—169 гг. до н. э.) — известный политический деятель и поэт, автор оды «Скорблю о Цюй Юане»; Дун Чжун-шу (179?—104?) — известный ученый конфуцианец; Юй Синь (513—583) и Сюй Лин (507—583) — поэты периода Шести династий, Лу Чжи (754—805) — государственный деятель и поэт.

стихи входили в экзаменационные программы.— Речь идет о государственных экзаменах; в более позднее время (в эпоху Мин) занятие поэзией стало считаться для чиновника зазорным.

Ли Бо (701—762), Ду Фу (712—770) — крупные поэты эпохи Тан.

с. 30 *У нас, в Сучжоу.*— Старинное название Сучжоу — У, на диалекте У говорят в Цзянсу. Знак бо («белый» в пекинском произношении звучал бы как бай) обозначает также и неверно написанный иероглиф.

Фу — жанр описательной поэмы в прозе, был популярен в эпоху Хань, произведения этого жанра чрезвычайно трудны для понимания из-за обилия редко употребляемых иероглифических знаков.

«Чуские строфы» — стихи древних поэтов периода Сражающихся царств (VI—III вв. до н. э.). Наименование сборника «Чуские строфы» идет от названия одного из государств этой эпохи — Чу.

Сыма Сян-жу (ок. 179—117 гг. до н. э.) — известный государственный деятель и знаменитый поэт древности.

влекла Вэнь-цзюнь к Сыма Сян-жу. Намек на известный эпизод, как Сыма Сян-жу пленил молодую вдову, красавицу Чжо Вэнь-цзюнь, игрой на цитре. Поскольку родные Чжо Вэнь-цзюнь не разрешили им пожениться, она бежала с поэтом и стала его женой.

с. 31 *точно Лян Хун и Мэн Хуан.*— Лян Хун — известный литератор конца 1 в. Мэн Хуан — его жена. Всю жизнь они относились друг к другу с любовью и уважением.

кто-то нас увидит.— По китайским обычаям супруги не должны показывать на людях свое увлечение друг другом. Поэтому поведение Шэнь Фу и Юнь могло показаться шокирующим.

с. 32 *в седьмую луну седьмого дня.*— В этот единственный день «небесные супруги» Пастух и Ткачиха могут видиться. В одной из версий легенды о Пастухе (Волопасе) и Ткачихе (звезде созвездия Лиры) рассказывается: «К востоку от Млечного Пути была Ткачиха, дочь небесного бога. Круглый год она трудилась, ткала из облаков небесное платье. Богу стало жаль ее, одинокую, и он отдал ее в жены Пастуху, что жил к западу от Млечного Пути. Выйдя замуж, она перестала ткать, бог рассердился, велел ей вернуться и впредь видиться с мужем раз в год». Этим днем был седьмой день седьмой луны. В этот день женщины украшают дома, расставляют во дворах столы с угощением. Видимо, по аналогии с Ткачихой-рукодельницей возник обычай устраивать в этот день соревнование: при свете луны женщины старались продеть нитку в иголку с одного раза. Та, которой это удавалось, считалась самой искусной рукодельницей. В литературе седьмой день седьмой луны метафорически обозначает день любовного свидания.

Поклонение Небесной внучке.— Небесная внучка — Чжи-ньюй, Ткачиха.

в народе зовут Днем духов.— Праздник голодных духов, или Праздник милосердия, отмечается в пятнадцатый день седьмой луны, это буддийский праздник, иногда называется также *юйлань пэнь* — «блюдо с яствами», его предлагают не имеющим пристанища голодным духам. В этот день духи на месяц отпускаются из ада, по истечении срока врата ада закрываются. В буддийских храмах широко отмечают три религиозных праздника: День избиения дьяволов, День рождения Сакья-муни и День блюда с яствами. Существует легенда, что мать одного из сподвижников Будды после перерождения оказалась в «мире голодных духов». Сын принес ей пищу, но она во рту матери превратилась в огонь. Будда изрек, что только проповедь «святого учения» и сострадание к грешникам могут облегчить участь грешников. Поэтому в День милосердия в храмах не прекращаются молитвы о спасении мучеников ада.

с. 33 *цитрус фошюу* — «*Рука Будды*» — разновидность цитруса, по форме похожего на кисть руки.

с. 34 *к празднику Середины осени.*— Праздник Середины осени считается праздником луны. В эту ночь принято гулять и любоваться луной.

с. 35 *вторая моя сестра и шестая сестра.*— Обычно женщине прозваний не полагалось, часто ее называли просто по счету.

«*Жестокое расставание*» — возможно, отрывок из пьесы Шэнь Цзиня (XVI в.), где рассказывается об отце и сыне, приговоренных

к смерти; актеры показывали сцену прощания сына с отцом, первым идущим на казнь.

с. 36 *вроде «Убийства Ляна»*.—Отрывок из пьесы «Месть рыбака» (XVII в.); «Возвращение долга» — комический отрывок из пьесы неизвестного автора XVII в.

с. 38 *из Сюаньчжоу*.—Местность в провинции Аньхой. *схожи с У Янь*.—У Янь — супруга князя Сюаня царства Ци (III в. до н. э.). Была безобразна и до сорока лет не выходила замуж. Сама пришла к Сюань-вану, и тот, пораженный ее умом, взял ее в жены. Помогала ему в управлении страной. В литературе синоним безобразной лицом женщины, но добродетельной и умной.

с. 39 *Пять священных гор*.—В древнем Китае четырем сторонам света и центру соответствовали пять священных гор: Тайшань — восточная священная гора (в Шаньдуне), Хушань — западная священная гора (в Шэньси), Хэншань — северная священная гора (в Шаньси), Хэшань — южная священная гора (в Хунали), Суншань — центральная священная гора (в Хэнани).

с. 40 *Лунный старец*.—Согласно народным поверьям, на луне живет старец, который устраивает брачные союзы, связывая супругов красным шнуром. Иногда его изображают с весами, на которых он будто бы взвешивает, подходят ли муж и жена для счастливой жизни.

от Моста Золотой матушки.—Золотая матушка (Цзиньму) — другое имя царицы Запада Сиванму, по представлениям китайцев, хозяйки страны смерти.

с. 41 *в несколько му*.—Му — мера площади, равная 0,061 га. *управа Чжан Ши-чэна*.—Чжан Ши-чэн — один из предводителей восстания «Красных войск», начавшегося в 1353 г. Чжан Ши-чэн захватил Сучжоу и объявил город столицей своего царства.

ли — мера длины, приблизительно равная 600 м. *в подводных чертогах Лун-вана, Царя-дракона*.—Лун-ван — божество дождя и воды, одно из мест его обитания, согласно преданию, — озеро Дунтинху.

с. 43 *магуа* — короткая, преимущественно однопортная кофта. *А как быть с ногами?* — По-видимому, Юнь бинтовала ноги.

с. 47 *в седьмую луну года цзя-инь* — 1794 г.

с. 48 *в качестве третьего избранника*.—Так называли третьего по счету кандидата, получившего степень на экзаменах.

не настал седьмой день седьмой луны.—День свадьбы, см. комм. к с. 32.

с. 49 *Цин* — мера земли, равная 100 му.

с. 50 *«Любовь в благовоном окружении» («Лянь сянь бань»)* — пьеса Ли Юя (1611—1679?). В ней рассказывается, как одна замужняя женщина, у которой была подруга-поэтесса, захотела, чтобы та жила под одним кровом с нею и ее мужем. Поэтесса вошла в ее семью, став второй женой.

Тетрадь вторая *Приятное безделье*

с. 53 *цветком, что некогда «вырос у восточной ограды в саду»*.—Намек на строку стихотворения Тао Юань-мина (365—427): «Хризантему сорвал под восточной оградой в саду, и мой взор в

вышине встретил склоны Южной горы» (см.: Л. Эй д л и н. Тао Юань-мин и его стихотворения. М., 1967, с. 287).

с 54 *Линби* — местность в провинции Аньхой.

блюдо из исинской глины.— Исин — город в провинции Цзянсу недалеко от Сучжоу, славится керамикой красно-коричневого оттенка.

с. 58 *в стиле мастера Ни Юнь-линя.*— Ни Юнь-линь — художник-пейзажист (1593—1644).

с. 59 *Пэнлай.*— Согласно даосским легендам, в море будто бы плавают три священные горы: Пэнлай, Фанчжан и Инчжоу, на которых живут бессмертные.

мугуа — папайя, дынное дерево.

с. 61 *лишу* — древний иероглифический почерк, окончательно оформившийся во времена императора Цинь Ши-хуана (246—209 гг. до н. э.), тогда взамен запутанного почерка «малая чжуань» был введен почерк *лишу*. *Лишу* — письмо официальных бумаг.

в стиле цао и чжуань.— Чжуань — квадратное письмо, род древнего письма, изобретенного при династии Чжоу (XII—III вв. до н. э.); образцы его сохранились на барабанах и треножниках. Цао — скоропись.

с. 62 *разбитая яшма.*— Выражение «разбитая яшма» — метафорическое обозначение человека, на чью долю выпали жизненные невзгоды. В «Истории династии Северная Ци» в «Жизнеописании Юань Цзин-аня» приводятся слова сына Цзин-аня, которого хотел переманить на свою сторону первый государь династии Северная Ци Сянь-цзу (правил с 550 по 559 г.): «Великий муж предпочтет быть разбитой яшмой, чем цельной черепицей».

пять цзиней рисовой водки.— Цзинь — мера веса, равна 600 г. *специальные сочинения должностных лиц.*— Во времена Шэнь Фу дети и внуки крупных чиновников пользовались на экзаменах привилегиями.

с. 64 *торговки пельменями хуньтунь.*— Хуньтунь — особая разновидность пельменей. Отваренные пельмени кладут в пиалу и заливают куриным бульоном, заправленным соевым соусом, рисовой водкой, настоем имбиря и кунжутным маслом.

Тетрадь третья Скорьба утраты

с. 67 называли *Юнь саньнян* — «третья сестрица». — Обращение «третья сестрица» (*саньнян*) адресовано к жене третьего сына, тогда как *тайтай* — обращение к хозяйке дома.

с. 68 *год под циклическими знаками и-сы* — 1785 г.

прибыл в Хайнинский ямынь.— Хайнин — небольшой городок к югу от Сучжоу в провинции Чжэцзян; *ямынь* — присутственное место.

год гэн-суй — 1790 г.

Наньцзян — старое название Янчжоу.

вдали от дома и семьи.— Отец Шэнь Фу говорит о распространенной в старом Китае практике назначения на должность: китайский чиновник не мог занимать пост в той губернии, где он родился и где жила его семья.

с. 69 *год жэнь-цзы* — 1792 г.

Чжэньчжоу — местность в нынешней провинции Цзянсу, находится к северу от Янцзы, недалеко от Янчжоу.

с. 70 *называть свекровь «твоей матерью»*.— Юнь ошибочно использовала обращение, которое полагалось адресовать матери, а не свекрови.

с. 71 *«...вкушать яшмовую пищу»*.— Метафорическое обозначение изысканной еды.

с. 72 *пятьдесят серебряных монет*.— Имеются в виду серебряные таэли, которые являлись в Китае денежной единицей вплоть до XX в.

с. 73 *убить тебя*.— Это не пустая угроза. Глава семьи имел право распоряжаться жизнью и смертью своих детей.

с. 74 *в качестве жены-подростка*.— Обычай отдавать девочку на попечение родителей ее будущего мужа был распространен в бедных семьях.

год под циклическим знаком гэн-шэнь — 1800 г.

с. 76 *Уси* — городок к северо-западу от Сучжоу.

тот рыбак, который попал к Персиковому источнику.— Намек на поэму Тао Юань-мина «Персиковый источник», где рассказывается о рыбаке, попавшем в удивительное селение, отрезанное от мира и временем и пространством. Появление рыбака вызвало там переполох, а тамошние жители показались рыбаку чужестранцами: «Увидев рыбака, эти люди очень ему удивились и спросили, откуда и как он явился... Мужчины и женщины — проходившие мимо и работавшие в поле,— были так одеты, что они показались рыбаку чужестранцами» (пер. Л. З. Эйдина).

с. 77 *пятнадцатый день первой луны — праздник фонарей*.— В старину у китайцев новогодний праздник длился две недели, он завершался в пятнадцатую ночь красочным праздником фонарей, когда разноцветные фонарики самых разнообразных форм вывешивали у ворот и носили по улицам.

год синь-ю — 1801 г.

с. 79 *прибыли в Цзинцзян* — путь от места, где жил Шэнь Фу, до Цзинцзяна составляет около 100 км.

дал мне два юаня.— Юань — название основного денежного знака Китая. С XVII в. в Китай ввозились серебряные мексиканские песо. Отношение между юанем и таэлем было 7,2 к 1.

с. 80 *в восьмую луну года жэнь-суй* — 1802 г.

с. 81 *до весны года гуй-хай* — 1803 г.

чи — мера длины, колебалась от 24 до 27 см.

с. 82 *к часу шэнь*.— Шэнь — время от 3 до 5 часов дня.

с. 83 *видел Ушаньскую тучку*.— С древних времен в Китае рассказывают легенду о князе, которому во сне явилась фея Ушань (горы У) и разделила с ним ложе. Уходя, фея сказала князю: «Я рано бываю утренней тучкой, а вечером поздно иду я дождем».

с. 88 *Линь Хэ-цзин* (967—1028) — поэт и художник, живший в период династии Сун.

в канун праздника девятого дня девятой луны (Чунъян).— Праздник осеннего восхождения на горы и обметания могил. В обычае в этот день присылать друзьям вино или пить вино с лепестками хризантем, полагали, что это поможет избежать несчастия.

с. 89 *в третью луну года цзя-цзы* — 1804 г.

с. 90 *Чи Сун-цзы* — бессмертный даосского пантеона, умел вызывать дождь, возносился на небо на лебедь.

с. 91 не истек сотый день моего траура по отцу.— Представители ученого сословия и чиновники должны были носить траур по умершим родителям в течение трех лет. На это время они освобождались от службы.

с. 92 статуя Гуань Юя.— Гуань Юй — военачальник времен Троецарствия (220—265). Впоследствии был обожествлен, стал богом войны. В изображении Гуань Юя в иконописи и на театральной маске всегда присутствуют следующие знаки: на лбу — стилизованная летучая мышь, на крыльях носа — линии в форме иероглифа ба (восемь), глаза как у феникса.

Цзунмин — остров в дельте реки Янцзы.

Берег Юнтай находится к северу от острова Цзунмин.

с. 93 год и-чоу — 1805 г.

год гэн сюй — 1790 г.

поднятой приверженцами учения Белого лотоса.— «Белый лотос» — тайное религиозное общество, возникшее еще в IV в., когда монах Хуэй-юань основал со своими сподвижниками секту «Белый лотос», приняв за символ вероучения лотос — священный у буддистов цветок — девиз чистоты «западного рая» Будды Амитабы. Здесь идет речь о восстании 1796—1804 гг. В официальной трактовке того времени это был религиозный бунт «бандитов-сектантов». Эта точка зрения отражена и у Шэнь Фу.

таотай — разъездной императорский инспектор. Обычно в каждую провинцию назначался императорский ревизор, который должен был контролировать местное чиновничество.

с. 94 подарил мне наложницу.— У Шэнь Фу умер его единственный сын, и, заботясь о продолжении его рода, Чжо-тан дарит ему наложницу, надеясь на появление нового наследника.

Тетрадь четвертая

Радость странствий

с. 95 земли Шу, Цянь и те, что к югу от Дянь.— Шу — старинное название земель в провинции Сычуань на юго-западе Китая; Цянь — название земель на юге провинции Гуйчжоу; Дянь — старинное название провинции Юньнань на крайнем юго-западе, у границ Бирмы.

служил в Шаньине.— Шаньинь — уезд в провинции Шаньси.

Ханчжоу — знаменитый своей красотой город на берегу озера Сиху.

с. 96 шла тропа в Сухой сад.— «Сухой сад» — термин, употребляемый в садовом искусстве. Сад из камней, без ручьев, водоемов, а иногда даже и без растительности.

добраться до Беседки орхидей и могилы Великого Юя.— Беседка орхидей расположена недалеко от Шаньиня. Установлена в честь Ван Си-чжи (321—379), поэта и самого знаменитого каллиграфа в истории Китая; Великий Юй — мифический император, основатель династии Ся, ему приписывается усмирение стихии потопа и устройство каналов.

красоты озера Сиху.— Красное и наиболее популярное в Китае озеро, расположено к западу от Ханчжоу; этот искусственный водоем был вырыт при династии Тан, в VIII в.

вроде Источника старца по прозвищу Один из шести.— Источ-

ник назван в честь Оуян Сю (1007—1072). Знаменитый писатель взял себе псевдоним Лю-и — Один из шести, разъяснив его так: «В доме моем хранятся книги — один десяток тысяч томов, да собрано древних надписей на бронзе и камнях — одна тысяча, есть одна цитра, одна доска для игры в шахматы, да один чайник для вина. Так разве я, старец, давно живущий среди этих пяти предметов, не есть шестой по счету, один из шести?»

пропахли пудрой и притираниями. — Озеро было местом прогулок обитательниц веселых кварталов.

с. 97 *Могила Су-сяо.* — Су-сяо — «Малютка Су», знаменитая ханчжоуская певица, жившая при династии Южная Ци (479—501), славилась как красотой, так и поэтическим талантом.

год гэн-цзы — 1780 г.

в весну года цзя-чэнь — 1784 г.

стояла пора Долгого лета. — Долгое лето — образное название шестого лунного месяца.

с. 98 *пока не стало садиться солнце — Золотой ворон.* — По преданию, на солнце живет трехпалый ворон. Золотой ворон — символ солнца.

в день поминовения. — Праздник поминовения (*Цинмин*) приходился на пятое число четвертого месяца по лунному календарю; в этот день полагалось приносить жертвы на могилах родственников.

Дунъюэ (Восточный пик) — образное название горы Тайшань в провинции Шаньдун.

еще не вылезшие из земли ростки. — В Китае в пищу употребляются молодые побеги бамбука, которые считаются деликатесом. Подразделяются ростки бамбука на весенние, летние и зимние сорта. Используются в свежем и сушеном виде.

с. 99 *На исходе осени года син-чоу* — 1781 г.

с. 100 *служить в Фэнсяньской управе.* — Фэнсянь — город в провинции Цзянсу, к югу от Шанхая.

в канун праздника девятого дня девятой луны — см. комм. к с. 88.

с. 102 *расположения вод и направления ветров.* — В древности китайцы приписывали окружающей местности наличие таинственных сил, которые могут влиять на судьбы людей, живых и мертвых. При постройке дома, храма или при погребении непременно выясняли, где более благоприятнее избрать место.

оказались пророческими. — Хун-гань вскоре умер.

Вспомни беду в Мавэе. — Речь идет о Ян гуйфэй, знаменитой красавице, фаворитке императора Сюань-цзуна (правил с 712 по 756 г.). Во время мятежа Ань Лу-шаня, который поднял свои войска под предлогом изгнания Ян гуйфэй, она вместе с государем бежала в Мавэй, здесь сановники государя потребовали смерти Ян гуйфэй, и она была задушена.

с. 103 *года гуй-мао* — 1783 г.

Цзиньшань (Золотая гора) и *Цзюшань* (Опаленная гора) — два острова на Янцзы, на первом острове стоит буддийский храм, на втором — даосский.

Юй-ян — поэт Ван Юй-ян (1634—1711).

Пиншаньтан — парковый комплекс, был создан в XI в. крупным поэтом Оуян Сю. В XVII в. сады и строения были переданы под временную резиденцию императора Канси, а впоследствии и Цяньлуна. Место захоронения Оуян Сю.

знаменитые сады.— Речь идет о легендарных всячих садах владычицы Запада — Сиванму. В ее садах произрастал волшебный персик, дарующий бессмертие. В даосских легендах превратилась в хозяйку плодов и снадобья бессмертия.

с. 104 *если бы не купцы.*— Своим процветанием город Янчжоу обязан в значительной мере соляному промыслу.

Четыре блюда к одному котлу— традиционное расположение тарелок на столе у китайцев.

с. 105 *года цзя-чэнь* — 1784 г.

в Уцзянскую управу.— Уцзян — уезд в провинции Цзянсу.

минфу — правитель области.

Тайху — одно из крупнейших и живописнейших озер Китая. На его берегах расположены парки, беседки, сады и монастыри.

с. 106 *орать под звуки шэна.*— Шэн — народный инструмент, своеобразный губной органчик, состоит из деревянного корпуса, в крышку которого вставлено семнадцать бамбуковых трубочек разной длины.

служить в Хайнине.— Хайнин — уезд в провинции Чжэцзян.

с. 107 *му* = 0,061 га.

чжан = 3,2 м.

с. 108 *Хуэйчжоу* — другое название провинции Аньхой.

Цзы-лин некогда удил рыбу.— Цзы-лин — прозвание Янь Гуана (I в.), отшельника и друга государя Гуан-у-ди.

не мог охватить взором всю Желтую гору.— Желтая гора (Хуаншань) — горный массив на юге провинции Аньхой; его вершины обычно покрыты дымкой тумана — излюбленный мотив китайских пейзажистов.

Хуан Чао — руководитель двенадцатилетнего народного восстания, вспыхнувшего в танском Китае. Он узурпировал трон (880—884), после чего вскоре покончил жизнь самоубийством. В официальных источниках, как и в среде старых китайских интеллигентов, считался бандитом.

кистью Дровосека с Горы желтого аиста.— Прозвание знаменитого художника XIV в. Ван Мэна.

маньтоу — печенье на пару пирожки или пампушки.

двумя заморскими серебряными таэлями.— Основной денежной единицей в Китае был лан, или таэль, равный приблизительно одной унции серебра. Монеты, соответствующей лану, не существовало, и для сделок употреблялись слитки серебра, взвешиваемые на особых безменах. В ланях производились крупные расчеты, в обыденной жизни все расчеты велись в мелкой медной монете — чохах. Это медные кружочки с квадратным отверстием посредине, через которое монеты нанизывались на шнурок.

с. 110 *закололи в честь божества.*— Свинья — одно из жертвенных животных. Обычно в Китае приносят в жертвы свинью, курицу и рыбу.

«взмахнул длинными рукавами».— Жест, означающий гневное презрение и порицание присутствующих.

разразился мятеж Линь Шуан-вэнь.— Линь Шуан-вэнь — член тайного общества «Тяньдихуэй» («Союз неба и земли»), поднял мятеж на Тайване в 1787 г. Год спустя был казнен в Пекине.

«уподобиться Фын Фу».— В трактате философа Мэн-цзы (гл. VII, ч. 2, § 23) рассказывается о некоем Фын Фу, искусном ловце тигров, который однажды бросил свое занятие и стал ученым

мужем и чиновником, но вскоре обстоятельства вынудили его опять вернуться к старому занятию.

в Цзяньэе — т. е. в землях к северу от Янцзы.

вернулся из Восточного Гуандуна — т. е. из района Кантона.

с. 111 *Линнань* — земли на юге Китая, на границе с Вьетнамом.

Малой весны. — Образное название десятого лунного месяца.

Уху — уезд в провинции Аньхой.

«*При ловле не бери частую сеть*» — перефразированные слова из книги «Мэн-цзы», где говорится: «С частой **сетью** не ходят в стоячую воду».

с. 112 *во вступлении к оде «Беседка тэнского князя»*. — Имеется в виду знаменитое сочинение Ван Бо (647—675) «Во дворце тэнского князя. Предисловие к стихам».

приготовил мне длинную лапшу. — Длинная лапша подается как неизменное блюдо на день рождения и в день свадьбы, ибо длина символизирует «нить жизни» — долголетие.

носил фамилию Мэй. — Генерал Мэй был первым колонизатором Линнани во времена ханьской династии на рубеже нашей эры.

с. 113 *актерок из Грушевого сада*. — Грушевым садом называлась в эпоху Тан школа, где обучали придворных актеров. С тех пор выражение «Грушевый сад» стало образным обозначением театра.

с. 116 *Кан* — лежанка, обогреваемая проходящим внутри дымом.

с. 117 *в «Собрании всевозможных благовоний»*. — Имеется в виду знаменитый каталог растений, составленный Ван Сяном (XVI — первая половина XVII в.).

с. 121 *плодов личжи*. — Личжи — небольшие плоды, растут на юге Китая, по виду схожи с орехом, но внутри скорлупы мякоть, напоминающая клубнику.

приглашен в Цинпу. — Цинпу — уезд в провинции Цзянсу.

с. 125 *могила Фаня*. — Речь идет о Фань Чжун-ане — знаменитом уроженце Сучжоу, был первым министром при сунском государе Жэнь-цзуне.

с. 126 *вы прямо Улинский рыбак*. — Намек на «Персиковый источник» Тао Юань-мина.

с. 128 *дань* — 60 кг.

с. 130 *весной года цзя-цзы* — 1804 г.

с. 132 *парк Шицзылинь*. — Парк был создан в 1350 г., он славится своими архитектурными ансамблями, искусственными горами и пещерами.

Си Ши — знаменитая красавица древности (V в. до н. э.). По преданию, она была подарена правителю княжества У князем царства Юэ. Вскоре князь У увлекся ею и забросил государственные дела. Тем временем царство Юэ пошло войной на У и завладело им. Си Ши вернулась на родину, в Юэ, но по приказу Фань Ли, советника правителя Юэ, была утоплена в Янцзы.

с. 133 *в начале весны года и-чоу* — 1805 г.

с. 134 *Башня желтого журавля в Учане*. — Учан — столица провинции Хубэй. Согласно даосским легендам, бессмертный перемещается на небесах на желтом журавле, это постоянный атрибут даосского святого.

с. 135 *в «Книге вод»*. — «Книга вод» («Шуйцзин») — географическое сочинение, составленное в эпоху Хань.

У и Вэй.— Два враждующих царства периода Троецарствия (III в.).

беседа Двух поэм.— Речь идет о двух поэмах Су Ши, посвященных Красной стене.

Тунгуань — уезд, горный проход и крепость на реке Хуанхэ в провинции Шэньси.

с. 136 *Чжан Цзю-лин* — крупный чиновник и писатель танского Китая (673—740).

Чжу Си (1130—1200) — философ, основатель школы неоконфуцианства, оказал огромное влияние на формирование мировоззрения китайцев.

во времена пяти династий — в X в.

жилище Ло-ханя.— Ло-хань — яркая фигура династии Цзинь (IV в.).

жилище Сун Юя.— Сун Юй (290—223 гг. до н. э.) — последователь Цюй Юаня, поэмы которого средневековые филологи включали в собрание «Чуских строф» вместе со стихами Цюй Юаня.

с. 137 *Ханьгуань* — крепость в провинции Хэнань. В течение многих веков была форпостом китайских войск в обороне страны от кочевников.

Лао-цзы — философ VI—V вв. до н. э. Его прозвание — Пурпурный эфир.

с. 138 *храм, посвященный Богу цветов.*— Бог цветов (Хуашэнь), изображается с цветком лотоса.

Яо — мифический мудрый правитель китайской древности.

с. 139 *Чэнь Си-и* — даосский праведник сунского времени (X в.).

с. 140 *из семидесяти двух водоемов города.*— Возможно, цифра семьдесят два здесь не случайна: по верованиям древних китайцев эта цифра соответствует числу духов и божеств, которые обитают на планетах, созвездиях и звездах. На земле им соответствуют семьдесят два благословенных места, управляемых праведниками.

Люй-цзу, или Люй Дун-бинь — один из восьми даосских бессмертных, покровитель магии, а также ремесел, изображается с мечом и мухогонкой.

осенью года дин-мао — 1807 г.

Ханьлинь — Палата ученых, основана еще при династии Тан. В обязанности ее входило составление историй царствующих династий, проектов указов, словарей. Академия Ханьлинь просуществовала до падения цинской династии (1911).

Дэнчжоу — уезд в провинции Шаньдун. Во времена Тан предполагали, что где-то здесь, близ берегов моря, и находилась гора Пэнлай.

СОДЕРЖАНИЕ

ШЭНЬ ФУ И ЕГО «ЗАПИСКИ»	3
<i>Тетрадь первая</i>	
СЧАСТЬЕ БРАЧНЫХ ПОКОЕВ	23
<i>Тетрадь вторая</i>	
ПРИЯТНОЕ БЕЗДЕЛЬЕ	51
<i>Тетрадь третья</i>	
СКОРЬБЬ УТРАТЫ	67
<i>Тетрадь четвертая</i>	
РАДОСТЬ СТРАНСТВИИ	95
КОММЕНТАРИИ	141

Шэнь Фу

Шесть записок о быстротечной жизни

Редактор *О. С. Ривкина*. Младший редактор *Г. С. Горюнова*. Художник *В. В. Локшин*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *Л. Е. Синенко*. Корректор *Г. В. Стругова*

ИБ № 13768

Сдано в набор 21/II 1979 г. Подписано к печати 29/V 1979 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 2. Печ. л. 4,75. Усл. п. л. 7,98. Уч.-изд. л. 8,68. Тираж 30 000 экз. Изд. № 3991. Зак. № 110. Цена 70 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 38